
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Земля и народ — вековечное единство	3
Александр НАГОРНЫЙ, Николай КОНЬКОВ. Демофашизм — за углом	20
Владимир ФИЛАРЕТОВ. Двойное дно либерализма	79
Михаил АНТОНОВ. Атака на Ливию — предостережение России	84
Александр ПРИВАЛОВ. Война с последним союзником	122
Владимир БОЯРИНЦЕВ, Анатолий САМАРИН. Элитное быдло	132
Александр КАЗИН. Тезисы о конце света	245

ПРОЗА

Евгений БОГДАНОВ. Расстрел. Роман-дознание. Продолжение	25
Иван САБИЛО. Тропа. Рассказ	139

ПОЭЗИЯ

Леонид КОРНИЛОВ. В обойме времен. Стихи	112
Владимир СМЫК. Небесные нивы. Стихи	115

Ольга ДЪЯКОВА. Зари возница. Стихи.....	118
Михаил ШУТОВ. Пляшет ветер. Стихи.....	120

РУССКИЙ ВОПРОС

Андрей КАНАВЩИКОВ. Извержение свободной ксенофобии	151
Михаил ДЕМУРИН. О духовной суверенности	157
Иван САВЧЕНКО. О русских и российском Кавказе	163

ДОСЬЕ «МГ»

Валерий КОРОТАЕВ. Кто породил нацизм	167
---	-----

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Геннадий ФРОЛОВ. Звоны Китежа. Стихи.....	174
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Сын родился. Рассказ.....	178
Поэтическая радуга	194
Юрий ПАХОМОВ. Вечер в Стамбуле. Рассказ.....	201
Алексей КУРГАНОВ. Мальчик. Рассказ.....	217

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Константин КУРБАКОВ, Татьяна ФЕДЯЕВА. Реформа ЖКХ и чиновничье мошенничество	232
---	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Говорить правду!	239
Реформы добивают школу	242

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Эдуард СКОБЕЛЕВ, Владимир ЮДИН. О судьбе поэта в России	251
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

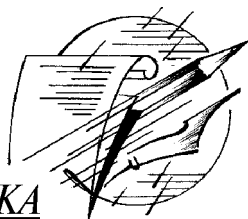
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания.....	267
Содержание журнала за 2011 год	285

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, академик РАЕН

ЗЕМЛЯ И НАРОД — ВЕКОВЕЧНОЕ ЕДИНСТВО

Преступление либералов

Враждебные России силы в лице западного финансово-банковского капитала и исполнительного органа его воли — т.н. «Мирового правительства» не скрывают своей коварной цели по сокращения населения России, которое, по их мнению, не способно вписаться в рыночные отношения и поэтому является препятствием на пути к глобализации и учреждению нового мирового порядка. Об этом публично и неоднократно заявляли лидеры западного мира — премьер-министр Великобритании М.Тетчер, государственный секретарь США Олбрайт, советник президента по национальной безопасности Бжезинский и им подобные творцы глобализации. **Трагизм ситуации состоит в том, что их волю, под видом всевозможных реформ в последние двадцать лет исполняют высшие руководители РФ.** Именно их стараниями и послушными им органами законодательной, исполнительной и информационной власти организуется целенаправленное истребление русского народа. За годы правления Ельцина (1991—1999) вымерло 7,5 миллиона русских, за одиннадцать лет президентства

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

и премьерства Путина (2000—2010) дополнительно ещё более 10 миллионов. Таким образом общая потеря русских людей составила 18 миллионов человек. И этот губительный процесс продолжается, поскольку численность умерших по-прежнему превышает численность родившихся. Особенно интенсивно вымирание идёт в центре России. Приведу леденящие кровь официальные сведения в следующей таблице.

Убыль населения в центральных областях России в 2009 году

	Родилось	Умерло	Убыль
Белгородская обл.	16 845	22 011	-5166
Брянская обл.	14 401	21 964	-7563
Владимирская обл.	15 551	26 407	-10 856
Воронежская обл.	23 559	38 581	-15 022
Ивановская обл.	11 390	19 887	-8497
Калужская обл.	10 537	16 762	-6225
Костромская обл.	8155	11 900	-3745
Курская обл.	12 462	20 236	-7774
Липецкая обл.	12 654	19 145	-6491
г. Москва	116 081	120 077	-3996
Московская обл.	74 137	107 079	-32 942
Орловская обл.	8447	13 498	-5051
Рязанская обл.	11 643	20 573	-8930
Смоленская обл.	10 486	18 660	-8174
Тамбовская обл.	10 146	18 887	-8741
Тверская обл.	15 084	27 238	-12 154
Тульская обл.	14 751	29 964	-15 213
Ярославская обл.	14 315	21 665	-7350
Центральный федеральный округ в целом	400 644	574 534	-173 890

К несчастью, нынешнюю либеральную власть РФ совершенно не беспокоят стратегически опасные масштабы и темпы вымирания русского народа. Она с циничным равнодушием замещает (причём с большим превышением) эту убыль русских людей мигрантами, в основном мусульманского вероисповедания. По опубликованным в печати сведениям (см.: «Советская Россия» от 21 января 2010 г.), за 1992—2009 годы в Россию въехало 35 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства. Это заселение России пришельцами, несмотря на протесты патриотической российской общественности, не только не ограничивается, но даже нарастает.

В оценке численности мигрантов среди руководства РФ царит несусветная неразбериха. Ясно одно, что каждый год в России вымирает 1 млн. русских людей и прибывает 2 млн. мигрантов. За счёт этого происходит ежегодное сокращение численности русского народа по отношению к численности всех других (коренных и пришлых) народов, проживающих на территории России, на 3 млн. человек. Ожидается, что в наступившем десятилетии это сокращение достигнет 4 млн. в год, и к 2020 году русские люди составят **менее половины** населения России, что будет означать начало распада Великой русской державы.

Возможно, многие читатели усомнятся в реальности такой ситуации. Однако эти сомнения опровергаются уже тем фактом, что в 2010 году каждый четвёртый житель Москвы с лёгкой, а точнее с тяжёлой руки Ю.М. Лужкова, являлся мигрантом, и доля их в составе населения столицы неуклонно возрастает. Аналогичный процесс наблюдается и в других регионах страны. Русские люди, естественно, обеспокоены массовым нашествием непрошенных гостей. Однако некоторым москвичам такая ситуация по душе.

Так, либеральная еврейская интеллигенция, в руки которой правящая верхушка страны передала практически все средства массовой информации, даже восторженно пропагандирует эту опасную этническую экспансию. Вот, например, высказывания на этот счёт одного из ведущих радиовещательной компании «Эхо Москвы» Матвея Ганапольского, опубликованное газетой «Московский комсомолец» в статье «Коренные москвичи — это гастарбайтеры». «Мне абсолютно всё равно, откуда приехали эти ребята. Мне безразлично, есть ли регистрация у этого парня, но я могу сказать уверенно: «Пусть он плохо говорит по-русски, но он — настоящий москвич! Он — москвич не потому, что по национальности русский, либо его мамы-папы жили на Плющихе. Он москвич в высшем смысле этого слова, потому что мне, другому москвичу, создаёт хорошее настроение, кормит вкусной едой и помогает разобраться в четырёх соусах, которых я никогда бы и не увидел. Именно он, неизвестно как сюда попавший и проживший тут без году неделю, и есть настоящий москвич, а не те высокомерные «коренные», которые забыли, что они сами либо их родители приехали в столицу лимитой и хватались за любую работу, только бы выжить... На мигрантов глядят недовольные физиономии тех, кто забыл, в какой деревне он в детстве бегал без порток, а неправильный русский язык этих работяг наталкивается на усмешки и издевательства».

Надеюсь, читатель понимает, что «интеллигентный» иудей-гурман не просто хотел похвастаться в газете с тиражом более 2 миллионов, что он знает толк «в четырёх соусах», его задача была оскорбить и унижить русских людей, показать их никчёмность и ненужность в жизни Москвы, обосновать их по возможности скорейшую замену мигрантами, то есть активно поучаствовать в хоре ненавистников России и русских.

И Ганапольский не одинок. В хоре поучаствовал и либерал более высокого ранга — «интеллигентный» записной политолог при верхнем эшелоне власти Станислав Белковский, который в той же газете «Московский комсомолец» от 18 марта 2011 года опубликовал статью с названием «Мы — русские, с нами — дьявол!». В своём сатанинском опусе политолог возмущается тем, что слишком много свободы слова имеет Русская Православная Церковь. И это уже — новая «либеральная» инквизиция для православных русских.

Дело, конечно, не в этих одиозных персонажах. И не им решать судьбу России. Они здесь упомянуты лишь потому, чтобы понять, почему эти и подобные им ненавистники русского народа не осуждаются и не привлекаются к ответственности за оскорбление чести и достоинства, за пропаганду национальной розни российскими и зарубежными правозащитниками, призывающими общество к толерантности. Например, главного редактора «МК», члена Общественной палаты Павла Гусева.

Либеральные «реформаторы» уже уничтожили более 23 тыс. русских сёл и деревень. На наших глазах лишается жизни крестьянское сословие — **самая созидательная часть российского общества**, где сохраняются ещё непреходящие ценности жизни русского народа: православная вера, доброта, трудолюбие, взаимопомощь, любовь к родной земле, к Отечеству. Не встречая активного и действенного сопротивления со стороны патриотической общественности и поощряемые западными покровителями, ненавистники России всё более наглеют.

В этих условиях особую тревогу вызывает замысел чиновников Администрации президента и Российского правительства «Об изменении административно-территориального устройства страны». Этим **Проектом** предусматривается, что все люди Российской Федерации будут жить не в 80 регионах, как теперь, а в **20 агломерациях** вокруг крупных городов с населением не менее 1 миллиона человек, «где концентрируются ресурсы». Эта бредовая идея «реформаторами» обосновывается тем, что в городах с численностью населения

100 тысяч человек якобы невозможно построить школы, библиотеки, больницы, театры, институты, стадионы и другие объекты социально-культурного обслуживания населения, создавать новые рабочие места из-за отсутствия ресурсов.

Но ведь это — наглая ложь. В таких городах перечисленные объекты существовали на протяжении веков. Пока не полностью они разрушены и в настоящее время. Истинная цель «реформаторов» чудовишна — это уничтожение исторически сложившейся системы расселения народа, которая создана нашими предками с учётом территориального размещения жизненно важных природных благ и многовекового уклада и образа жизни русских людей. И не только. Зловещий замысел уничтожения малых городов является демонстративным издевательством над их любовью к родной земле и священной памятью о великих подвигах предков, на протяжении веков созидавших Святую Русь. Святой праведный Иоанн Кронштадтский учил: «У нас в России почти всякое место, всякий город, селение, обитель, храм — есть свидетельство силы Христовой». Эта созидательная сила и ненавистна врагам нашего Отечества.

Живая история России

Владимир Иванович Даль, в своём знаменитом Толковом словаре живого русского языка, древний русский город определяет как «крепость, место проживания людей, обнесённое городьбой, — защитными стенами с воротами, башнями и бойницами». Это действительно так. Жителям постоянно приходилось защищаться от непрошенных гостей, жаждущих поживиться добром, созданным чужими руками. Наши предки, возводя сотни городов среди чарующей природы, строили не только мощные укрепления, но и просторные, удобные жилища, сказочной красоты терема и непременно великолепные, как бы парящие над землёй и устремлённые к небесам, православные храмы.

Автору этих строк как эксперту ООН по окружающей среде, довелось побывать во многих странах мира. В своих служебных командировках я интересовался не только экономикой и экологией, но и объектами культурной и духовной жизни народа, в том числе и архитектурными памятниками, прежде всего культовыми. И нигде мне не пришлось отметить той удивительной гармонии между природой, человеком и храмом, которая царит в древних русских городах. И действительно, достаточно сравнить холодность и громадность знаменитого Кёльнского собора с теплотой и изяществом церк-

ви Покрова на Нерли, чтобы понять, какую историческую и духовную ценность хранят в себе наши малые города. Уникальность русского зодчества неоднократно отмечали многие выдающиеся представители западной культуры. Приведу здесь высказывание французского композитора Гектора Берлиоза (1803—1869): «Ничто меня так не поразило в жизни, как памятник древнерусского зодчества в селе Коломенском. Многое я видел, многим любовался, многое поражало меня, но время, древнее время России, которое оставило свой памятник в этом селе, было для меня чудом из чудес... Во мне всё дрогнуло. Это была таинственная тишина, гармония красоты законченных форм... Я видел стремление ввысь, и я долго стоял ошеломлённый». Задумывались ли авторы Проекта над тем, что своей «агломерацией» они разрушают огромный пласт неповторимой культуры и уклад материальной и духовной жизни миллионов людей, проживающих в малых городах? Напрашивается однозначный вывод: скорее всего задумывались.

Масштабы намечаемого злодеяния характеризуются сведениями, приведёнными в следующей таблице.

**Число малых городов в Российской Федерации
и численность населения в них (2008 год)**

Размер городов по численности населения	Число городов	Общая численность населения (тыс. чел.)
До 5 тысяч	34	118
До 10	101	777
До 20	280	4122
До 50	357	11 615
До 100	158	10 831
Итого	930	27 463

Как видим, на уничтожение обрекается 930 городов, в которых проживает свыше 27 миллионов человек. Следует обратить внимание на то, что среди этих поселений не менее половины — это древние города, внесшие решающий вклад в развитие экономики и культуры русского народа, в созидание его уникальной цивилизации, в защиту Отечества от её многочисленных врагов. Назову лишь некоторые из них, расположенные в моей родной Брянской области.

Трубчевск — один из древнейших городов России, основанный в середине X века на правом берегу реки Десна при впадении в неё реки Нерусса. Известный как мощная крепость на Засечной оборонительной черте, защищавшей Русь от набегов хазар, половцев и других кочевников, а также польско-литовских агрессоров. Во второй половине XIX — начале XX века здесь действовало более полусотни промышленных предприятий. Среди них — прядильные, ткацкие, деревообрабатывающие, кирпичные, кожевенные; велась активная торговля с Москвой, Ригой, Одессой пенькой, конопляным маслом, лесом, мёдом, хлебом. В городе имелись женская и мужская гимназия, реальное училище, краеведческий музей, планетарий.

В современном Трубчевске проживает 17 тысяч человек. Трудоспособная часть его до последнего времени была занята на машиностроительном, маслосырдельном заводах, трикотажной фабрике, ныне доведённых до разрухи либеральными реформами. Из сохранившихся памятников истории и культуры выделяются Троицкий собор, Преображенская, Покровская, Ильинская и Сретенская церкви, постройки XV—XIX веков. В центре города сооружён монументальный памятник со скульптурным изображением древнерусского певца Бояна. Трубчевск — родина философа, преподавателя в Царскомелском лицее (во времена Пушкина) Александра Ивановича Галича, певицы А.Д. Вяльцевой, Героя Советского Союза генерала И.Е. Петрова.

Севск — город, расположенный на реке Сев (бассейн Днепра). В летописях упоминается с 1146 года как поселение Киевско-Черниговского княжества. В середине XIV века был захвачен войсками Великого княжества литовского. В начале XVI века Великим князем Иваном III был возвращён в Московское государство, где становится одной из важнейших крепостей на юге России, которое не раз отражало атаки западных захватчиков, в частности, в 1634 году выдержало двухнедельную осаду многочисленного польского войска. Во второй половине XIX века в городе действовало около 50 промышленных предприятий, на которых работало большинство трудоспособного населения города. В годы Советской власти в городе были построены современные заводы пищевой отрасли, строительной индустрии и гордость горожан — филиал Московского станкостроительного завода имени С.Орджоникидзе. В наше время стараниями «реформаторов» эти предприятия полностью разрушены, их оборудование разграблено, рабочие и специалисты выброшены на улицу и вынуждены «выживать» на нищенскую путинскую помощь по безработице.

Город знаменит тем, что здесь, на высоком мысу, при впадении реки Марицы в реку Сев, сохранились целые ансамб-

ли древних сооружений, в том числе, Петропавловская, Вознесенская, Крестовоздвиженская церкви, Успенский собор, ансамбль зданий Троицкого монастыря. Рядом с городом уцелел ансамбль Спасопреображенского монастыря, созданного в 1618 году. Территория монастыря окружена могучими оборонительными стенами с восьмиугольными башнями по углам и трехрусной башней-колокольней. В городе имеется богатый краеведческий музей, в котором особая экспозиция посвящена родившемуся здесь всемирно признанному математику, академику Ивану Георгиевичу Покровскому, ректору Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова с 1951 по 1973 год.

В современном Севске, начиная с 1992 года, идёт сокращение населения, численность которого за последние 19 лет упала с 9,2 тысячи до 8 тысяч человек.

Стародуб — древний русский город, первое упоминание о котором содержится в Лаврентьевской летописи под 1080 годом. В то время город представлял собой мощную крепость на острове, омываемом водами реки Вабля, входил в Черниговское княжество. В первой половине XIII века был полностью сожжён татарами-монголами, а затем заново отстроен на реке Бабинец. В XIV—XV веках попал под владычество агрессивного Великого княжества литовского, а затем Польши. Почти 200 лет город находился под оккупацией, пока Великий князь Московский и Всея Руси Иван III не возвратил его в состав Русского государства в 1503 году. До 1618 года город служил крупным оборонительным пунктом на юго-западной границе Руси. Однако вероломные и наглые поляки вновь захватили город и хозяйничали в нём, разграбляя его богатства, в течение 30 лет. В 1648 году казацкий войска Богдана Хмельницкого изгнали оккупантов. С 1654 года Стародуб находился под руководством Русского государства, которое предоставляло ему право самоуправления. Окончательное присоединение к России произошло в 1686 году. С этого времени город Стародуб стал динамично развиваться и превратился в крупный торговый центр, связывавший Москву с государствами Европы. Во время Северной войны с 1700 по 1721 год шведы намеревались захватить город, но были отбиты русской конницей.

В конце XIX века здесь работали несколько заводов, преимущественно перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, а также специализированные промышленные предприятия по производству котлов и колоколов. Была открыта мужская гимназия, создан краеведческий музей, духовное училище и светские четырехклассные школы, кроме церковно-приходских, для детей простого народа. В Староду-

бе неоднократно бывали, временно проживали и принимали активное участие в его жизни министр народного просвещения России — граф Алексей Кириллович Разумовский (1748—1822); русский военный и государственный деятель — генерал-фельдмаршал Пётр Александрович Румянцев-Задунайский (1725—1796); выдающийся государственный деятель, близкий по своим убеждениям идеям славянофилам, — Сергей Семёнович Уваров (1786—1855), который посвятил свою жизнь реформам народного образования на русских началах, в основу которых была положена его знаменитая триада «Православие. Самодержавие. Народность»; выдающийся художник-портретист и иконописец Владимир Лукич Боровиковский (1757—1825), создавший уникальную галерею портретов.

В советское время в городе активно развивалось промышленное производство, в частности, был создан филиал Брянского ПО «Металлист», заводы «Реле», маслосырodelьный, объекты сферы образования и культуры. В Стародубе до сих пор сохранились многие памятники гражданской и церковной архитектуры. Численность современного населения города составляет 19 тысяч человек, большинство из которых испытывают тяжкие социально-экономические бедствия, обусловленные разрушительным антинародным реформированием, проводимым либеральной властью РФ на протяжении последних 20 лет.

Можно было бы рассказать и о других, не менее древних и знаменитых городах моей родной Брянщины, таких, как Жуковка, Карачев, Почип, Сеща и других. Но ведь таких малых русских городов, созидавших великую историю России, в стране сотни. Это, например, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Тутаев, Углич в Ярославской области, Суздаль во Владимирской области, Торопец в Тверской, Козельск в Калужской, Ряжск в Рязанской, Рыльск в Курской, Приозёрск в Ленинградской, Тотьма в Вологодской, Холм в Новгородской, Белёв в Тульской и т.д.

Следует сделать общее для всех малых городов России уточнение по поводу их возникновения. В исторических справочниках время их основания, как правило, не указывается. Называются лишь даты их упоминания в русских летописях: Ипатьевской, Галицко-Волынской, Радзивилловской, Новгородской, Рогожской, Лаврентьевской и других. Однако, очевидно, жизнь этих городов и предшествующих им поселений начиналась значительно раньше, но хронология их жизни теряется в глубокой древности.

Всем этим историческим поселениям, в которых тысячу, а то и более лет жили и творили русские люди, по злой воле

«реформаторов» назначаются разрушение и гибель из-за того, что якобы для их развития «нет ресурсов». Авторы бредового Проекта по их рыночному недомыслию считают, что ресурсом являются только деньги. Но почему же для тысячи городов с населением более 27 миллионов русских людей нет денег? Там действительно царит нищета, но нищета эта сложилась не сама по себе, а вследствие проведения **целенаправленной** политики разрушения исторически сложившегося динамичного развития производства и ограбления населения. Эта политика проводится либеральной властью вот уже в течение двух десятилетий, завершением которой и является названный Проект изменения административно-территориального устройства РФ.

На самом деле все 930 малых русских городов, равно как и 150 тысяч сельских поселений, имеют все необходимые ресурсы для устройства полноценной, благополучной и счастливой жизни. Это — плодородные земли, обширные леса с их ценнейшими дарами, это — богатые рыбой реки, озёра и пруды, это — раздольные заливные и суходольные луга, это — русские просторы с чудными по красоте ландшафтами, это — здоровый, чистый воздух. Но самым ценным ресурсом является умелый и трудолюбивый русский народ с его уникальным опытом организации коллективного (артельного) производства, с его неповторимой культурой и великой неистребимой любовью к родной земле, к своей малой родине и Отечеству в целом.

Именно на базе этих ресурсов на протяжении веков строилась материальная и духовная жизнь людей. Для этих поселений было и остаётся характерным строительство домов усадебного типа с обширными садами и огородами, с многочисленным поголовьем скота и птицы, с многодетными семьями. Жизнь людей в этих поселениях была наполнена производительным трудом. Созидательный труд сочетался со здоровым коллективным отдыхом, в основе которого лежали нравственные и духовные потребности души русского человека.

Ещё во времена язычества высшие духовные силы русских людей выражались в представлении о Роде. Для них Род был не просто Бог, а главная идея всеобщей жизни Вселенной. По убеждению выдающегося русского учёного, историка и археолога, академика Бориса Александровича Рыбакова, с именем Рода связан широкий круг ключевых понятий. Это: Род (семья, племя, династия), Народ, Родина, Природа, Родить, Родство, Урожай и другие. Русские люди многие века поклонялись Дажьбогу — покровителю солнца, света, подателю всех благ, родоначальнику русских людей; Перуну — богу грозы и молнии, покровителю воинов;

Мокоши — матери урожая, хозяйке рога изобилия; Ладе — покровительнице весенней вегетативной силы и браков.

Русский человек считал эти божества своими предками, олицетворяющими собой служение добру и борьбу со злом. Языческие представления о мироустройстве сохранялись и многие века после крещения Руси. Поскольку они были поклонением свету и добру, осуждением зла, культом производительной силы природы, плодородия и продления рода, то они как бы органически сочетались с учением Христа и главными догматами православной церкви.

В условиях, когда большинство населения России было неграмотным, основным источником просвещения народа служила именно церковь. Массовое, можно сказать поголовное, посещение храмов во время религиозных праздников и выходных дней, участие в многолюдных крестных ходах, в крещении родившихся и отпевании усопших служили единению народа, закрепляли в них чувство общности, взаимодействия и взаимопомощи. Этим же целям служила практика празднования многих событий, связанных с производственной деятельностью людей, таких, как праздник Первой борозды, связанный с началом работ в полях, садах и огородах, началом и завершением Сенокоса, праздник Первого Снопа — начало уборки хлебов, Оджинки — завершение жатвы, праздник Урожая — освящение плодов земли, праздник Первого Санного Пути и другие. В праздничные и воскресные дни устраивались многолюдные хороводы, на которых исполнялись народные песни, величественные в своей торжественной красе танцы, оставалось место и задорным, огненным пляскам.

В советское время в этих поселениях образ жизни существенно изменился. В них появились избы-читальни, библиотеки, клубы, а в более крупных — дома культуры, в которых широко развивалась художественная самодеятельность, демонстрировались фильмы, выступали артисты из столичных и областных театров и консерваторий, работали различные кружки для детей и взрослых. Повсеместно строились спортивные площадки и стадионы. Особое внимание уделялось развитию системы просвещения и образования.

Пришла всеобщая грамотность населения, даже в каждой маленькой деревне обязательно была начальная школа, а в крупных сёлах и малых городах работали неполносредние и средние школы. Практически вся молодёжь получала среднее (общее или специальное) образование. Кроме того, в городах и рабочих посёлках имелась разветвлённая сеть ремесленных и фабрично-заводских профучилищ. Эти учреждения готовили миллионы юношей и девушек для работы в на-

родном хозяйстве, а также абитуриентов, поступавших в вузы больших городов и высокочеловеческие столичные университеты и институты. Образование во всех учебных заведениях, естественно, было бесплатным. Именно из этой молодёжи, получающей лучшее в мире высшее образование, формировались инженерные и конструкторские кадры, офицерский корпус, работники и высшие руководители всех отраслей народного хозяйства, науки, образования, здравоохранения, культуры и искусства.

Спасут ли Россию миллионники

Всё изложенное выше относится к городам с численностью населения до 100 тысяч человек. Именно они в первую очередь обрекаются на вымирание Проектом о создании агломераций. Однако, кроме этих городов, в современной России существуют ещё 135 городов с населением от 100 до 500 тысяч и 23 города с населением от 500 тысяч до 1 миллиона человек с общим населением в них — 43 миллиона, о судьбе которых в Проекте вообще ничего не говорится, поскольку на их развитие у реформаторов тоже нет «ресурсов». Да и откуда им взяться при таких масштабах грабежа? Журнал «Финанс» №5 за 2011 год назвал 500 самых богатых в России грабителей. Их совокупный доход на начало 2011 года составил 631 млрд. долларов, или 19 трлн. рублей (цифры округлены. — М.Л.), что сопоставимо с финансовыми ресурсами «остальных» 140 млн. граждан. По данным журнала «Форбс» в нашей стране в настоящее время насчитывается 101 миллиардер, причём их число увеличилось почти вдвое за последние два кризисных года. Показательно, что 79 из этих «талантливых менеджеров и эффективных собственников» проживают в Москве.

Казалось бы, Москва, как многомиллионник, имеет «ресурсы» для своего развития. Но не тут-то было. Оказывается, у столицы нет средств не только для строительства жилья, которое было торжественно обещано ветеранам Великой Отечественной войны, и для развития общественного транспорта, но даже для создания детских садов для юных москвичей. Зато экономика западных стран инвестируется весьма активно. Только за 2009—2010 годы олигархами было вывезено за рубеж 93 млрд. долларов.

При сохранении такой ситуации вполне может оказаться, что и на замышляемое создание пресловутых агломераций во главе с городами-миллионниками «ресурсов» не окажется. А ведь в дореформенное время при использовании государствен-

ных механизмов планирования и управления во всех поселениях было достаточно ресурсов для того, чтобы не только обеспечивался рост производства, но и осваивались новые технологии, улучшались условия труда, росла его производительность, динамично развивались наука и образование, совершенствовалась сфера услуг и торговли, улучшались жилищные условия, неуклонно повышалось благосостояние народа.

Все эти достижения были несовместимы с алчными интересами внешних врагов России в лице финансово-банковского иудейского капитала и «Мирового правительства». Их стараниями в СССР и нынешней РФ были созданы специальные структуры агентов влияния, которым было поручено, под демагогию о демократии и свободе, организовать «рыночные реформы», реализация которых ввергла страну в системный экономический, социальный, экологический и духовно-нравственный кризис.

Новая стратегия уничтожения России

Враги России не останавливаются на достигнутых результатах. Ищут новые, более эффективные формы окончательного разрушения страны. Такой эффективной формой, по их злодейскому замыслу, и является идея создания гигантских агломераций. Посредством реализации этой идеи замышляется решить две взаимосвязанные задачи. Первая из них — согнать русских людей с родной земли, которую они с любовью обихаживали на протяжении многих веков, превратить их в бродяг и нищих, обречь их на ускоренное вымирание, а оставшихся в живых вынудить к миграции в непригодные для здоровой и созидательной жизни в существующие и вновь создаваемые города-миллионники. Вторая — захваченную этим преступным путём русскую землю распродать зарубежным миллиардерам и банкам и поручить агрессивным силам НАТО охранять, как «священную и неприкосновенную» частную собственность новых хозяев.

Это — отнюдь не авторский домысел. На рекламном рынке США, Германии, Великобритании и других западных стран объявлена распродажа уникальных природных территорий горного Алтая. Услуги предлагает санкт-петербургская фирма «СИОН земля на Алтае». Рекламный проспект этой фирмы, изданный на трёх языках, гласит: «Мы предлагаем вам стать обладателем собственного оазиса, расположенного в горном Алтае, в легендарной стране Шамбала, где всё вокруг пропитано таинственной живительной Силой. Здесь вы ощутите желанную лёгкость бытия, гармонию и настоящее сча-

ть, а родник жизни в вас вновь станет полноводной рекой!». «Сион» гарантирует, что торговля заповедной землёй под масштабное заселение иностранцами ведётся с санкции «деловых партнёров» в лице высшего руководства страны.

Итак, что же ожидает русский народ, если сатанинский проект разрушения его исторического расселения будет реализован? Миллионы русских людей, согнанные с родных земель, вынуждены будут искать прибежища в городах-миллионниках, где их никто не ждёт, поскольку все рабочие места будут уже заняты мигрантами. Здесь они утратят своё этническое численное и духовное превосходство и потеряют исторический статус государствообразующего народа. Думаю, просвещённому читателю нет нужды объяснять, что это явится концом Российского государства, чего и добиваются либеральные власти РФ.

Русский народ должен осознать масштаб грозящей ему смертельной опасности, объединить усилия в защите исторически сложившегося образа жизни и родного Отечества. Объединение всех русских людей и организация борьбы за спасение родины должны стать главной задачей всех патриотических организаций и движений.

Радикальный путь спасения России

Со своей стороны я не только категорически отвергаю дьявольский Проект изгнания миллионов людей с родной земли и поселение их в резервации в форме предлагаемых агломераций, но и выдвигаю, как альтернативу зловещему Проекту изменения административно-территориального деления России, авторский Проект сохранения и умножения русского народа. Суть его состоит в создании 50 тысяч современных «экологических деревень», расположенных во всех регионах страны, как неперемного условия реализации генетического кода русского государствообразующего народа в нынешнем и последующих поколениях. Понятие «экологическая деревня» является в данном случае условным. Это может быть не только деревня в буквальном смысле, но и село, хутор, станица, аул, посёлок, разорённый и заброшенный малый город или любое другое поселение, обрекаемое Проектом создания гигантских агломераций на уничтожение. Важно подчеркнуть, что «экологическую деревню» следует понимать как новую перспективную модель расселения миллионов людей, страдающих от безумной урбанизации с её «великими техническими достижениями». Люди, проживающие в больших городах и особенно в существующих и намечаемых

к созданию миллионниках, вынуждены дышать отравленным воздухом, пить опасно загрязнённую воду, питаться недоброкачественными, в том числе генно-модифицированными, продуктами терять время, здоровье и силы при передвижении к местам работы и отдыха.

В «экологических деревнях» должен быть воспроизведён традиционный уклад сельской жизни, обеспечивающий здоровые условия труда, отдыха и быта их обитателей. По замыслу предлагаемого мной Проекта, в каждом таком поселении должно быть построено в среднем по 100 благоустроенных деревянных домов усадебного типа общей жилой площадью не менее 100 квадратных метров с русской печью, с баней, с подворьями. При каждом доме должен быть личный земельный участок размером 30 соток (0,3 гектара) для ведения огородного хозяйства, для возделывания плодового и декоративного сада, устройства цветников, газонных площадок, беседок, при желании владельца, зарыбленных прудов и прочих элементов благоустройства. В каждом доме предполагается проживание одной семьи, состоящей в среднем из 8 душ трёх поколений: 4 детей, 2 родителей и 2 представителей старшего поколения.

Важным требованием устройства такой деревни должно быть обеспечение работой всего её трудоспособного населения. Основной хозяйственной деятельностью должно быть коллективное сельскохозяйственное производство: полеводство, животноводство, пчеловодство и т.д.

Особое внимание должно быть уделено возрождению пастбищного и лугового хозяйства — не только источнику высокоценных и дешёвых кормов, но и условию сохранения здоровья животных.

В сельскохозяйственном производстве не должна использоваться тяжёлая техника — крупногабаритные тракторы и комбайны, а также минеральные удобрения и ядохимикаты. Полевые и транспортные работы целесообразно выполнять с помощью малогабаритных машин, преимущественно работающих от электропривода или на конной тяге.

В структуре хозяйства должны иметься разнообразные мастерские: деревообрабатывающие, включая плотницкие и столярные, кирпичные, льнообрабатывающие, прядильные, ткацкие, швейные, сапожные и другие. Из объектов соцкультбыта обязательно должны работать современно оборудованная школа, поликлиника, библиотека, дом культуры, банно-прачечный комбинат, почта, пекарня, универмаг. Для успешного функционирования жилых, производственных и культурно-бытовых объектов в поселении желательно иметь надёжный и дешёвый источник энергоснабжения — автоном-

ную экологически чистую теплоэлектростанцию, работающую на природном газе, а также ветроводородные и солнечные электрические установки.

Поскольку деревня экологическая, то вполне логично запрещение въезда в жилую зону легковых автомобилей. Коллективный гараж должен располагаться за её пределами. И никаких дорожных асфальтов и бетонов, уродующих территорию. В этом случае вместо шума моторов и отвратительного запаха недожжённого бензина будут царить чарующая тишина, пение птиц, стрёкот кузнечиков, божественный аромат трав и цветов. Детвора сможет свободно гулять, а мамы и бабушки не будут истошно кричать: «Ваня, смотри, машина!»

Итак, в каждой таким образом устроенной экологической деревне в среднем может проживать 800 человек. В их общинной собственности будет находиться примерно 800 гектаров сельскохозяйственных, лесных, водных и других угодий. Соответственно, общая численность населения «экологической деревень» в целом по стране составит 40 миллионов человек, которые на основе общественного характера производства и артельной организации труда будут обихаживать 40 миллионов гектаров плодоносящих русских земель. Это будет главным исходным рубежом, с которого начнётся реализация мудрого завета гения русского духа Михаила Васильевича Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа».

Ресурсы для реализации авторского Проекта

Читатель, разумеется, понимает, что авторский Проект носит пока виртуальный характер. Скорей это — пока лишь мысли о необходимости решения жизненно важной социально-экономической, демографической и геополитической проблемы сохранения России и её государственного суверенитета. В статье высказаны лишь эскизные соображения о масштабности Проекта, его структуре. Проект такого крупного масштаба в его рабочей форме может быть создан большим коллективом учёных и специалистов разного профиля. Научное руководство было бы целесообразно поручить Совету по изучению производительных сил Российской академии наук. В число разработчиков Проекта должны быть включены учёные экономических, сельскохозяйственных, энергетических, машиностроительных, биологических, почвенных, лесных научно-исследовательских учреждений, проектных организаций и конструкторских бюро.

Очевидно, такое поручение о разработке Проекта может быть дано только высшим законодательным или исполни-

тельным органом власти, то есть или президентом, или правительством РФ. Исходя из личного опыта, скорее всего можно ожидать, что обращение автора в эти инстанции по вопросу безотлагательной разработки и реализации данного Проекта не получит необходимой поддержки с традиционным объяснением — «у государства на это денег нет». Автор ясно осознаёт, что при нынешнем тощем консолидированном и федеральном бюджете на решение этой судьбоносной задачи денег не найдётся. Но есть крупные внебюджетные денежные источники, за счёт которых государство могло бы проинвестировать предлагаемый Проект.

Представлю здесь один из вариантов возможного его финансирования. Создание 50 тысяч «экологических деревень», размещаемых во всех регионах страны, в каждой из которых должно быть построено по 100 благоустроенных домов и создана современная производственная и культурно-бытовая инфраструктура, потребует, по приблизительным подсчётам автора, 20 трлн. рублей или 680 млрд. долларов. Предполагаемый срок строительства — 10 лет. Следовательно, на реализацию Проекта потребуется ежегодное финансирование в среднем в сумме 2 трл. рублей.

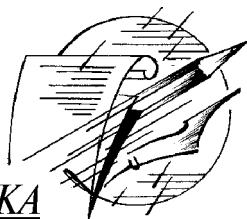
Выше в статье сообщалось, что по официальным данным, общий доход 500 самых богатых олигархов РФ составляет 631 млрд. долларов или 19 с лишним трл. рублей. Обратим внимание на то, что указанный доход олигархов даже несколько превышает общий государственный бюджет, созданный трудом 72 млн. экономически активного населения. Нет нужды доказывать, что доходы олигархов созданы тоже трудящимися России, поэтому было бы справедливым львиную долю доходов олигархов направить в бюджет. Сделать это можно не в форме прямой конфискации, а путём установления прогрессивной шкалы налогообложения, например, в размере 70%, или побудить указанных богачей подписаться на государственный заём сроком на 10 лет в размере 20 трл. рублей с внесением денег в предстоящие 10 лет равными частями по 2 трл. рублей в год. Такое решение позволило бы создать реальную базу инвестирования предлагаемого автором Проекта, способного спасти Россию, государствообразующий русский и другие коренные народы страны от грядущей смертельной опасности.

Александр НАГОРНЫЙ
Николай КОНЬКОВ

ДЕМОФАШИЗМ — ЗА УГЛОМ

Проект Совета по развитию гражданского общества и правам человека при президенте РФ «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», вопреки своему названию, разрывает российское общество на две неравные части.

Одна состоит из разного рода пересекающихся между собой меньшинств — от олигархических и этнических до сексуальных. Но «вес» этого меньшинства, составляющего примерно 7% населения России, или около 10 млн. человек, оказывается несопоставимо велик по сравнению с его номинальным количеством, потому что это меньшинство за последние 20 лет практически полностью захватило в свои руки власть и собственность (именно в такой последовательности по времени и по значению) в нашей стране. Для этого меньшинства советское прошлое нашей страны, ядром которого, безусловно, была сталинская эпоха 1929—1953 годов, по-прежнему пред-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ставляет собой величайшую опасность и по части социальной справедливости общества в целом, и — что, наверное, даже более важно — по части социального достоинства людей, составляющих это общество.

Вторая часть — это подавляющее большинство населения России, те 130 млн. человек, которые сегодня лишены и власти, и собственности, и прав, и социального достоинства, которые низведены меньшинством до положения «быдла», граждан второго сорта, которым можно не давать зарплаты, урезать пенсии и социальные пособия, которых можно лишать реального права на образование и лечение, безнаказанно давить на дорогах, уничтожать алкоголем и наркотиками, лишать смысла жизни, исторической и национальной памяти.

Глава Совета Михаил Федотов, одновременно являющийся советником президента Дмитрия Медведева, руководитель авторской группы проекта Сергей Караганов, а также их единомышленники, несомненно, представляют интересы именно этого привилегированного меньшинства, и созданный ими документ является, по сути, не программой общенационального примирения, а программой подавления угнетённого, униженного и оскорблённого большинства российского населения под флагом «десталинизации». Не случайно появление данной программы вызвало восторг и полное одобрение у западной элиты, по заказу и уже готовым лекалам которой она, собственно, и создавалась.

Возложить на Советский Союз, наряду с третьим рейхом, ответственность за развязывание Второй мировой войны — давняя идея тех, кто, собственно, эту войну и развязал: транснациональных финансовых монополий, обеспечивших приход к власти Гитлера с его идеологией «Дранг нах остен», то есть «Похода на Восток», быстрюю милитаризацию Германии и её поэтапное «умиротворение», на деле поощрявшее военную агрессию немецкой политики.

Поэтому когда сегодня, сопоставляя гитлеровский план разгрома Советского Союза «Барбаросса» с реальным положением дел в нашей стране, мы внезапно для самих себя удивляемся их практически стопроцентному совпадению и говорим о том, что отечественным «демократам» ровно через пятьдесят лет удалось сделать то, что в своё время не удалось немецким нацистам, — мы удивляемся напрасно. У нынешних «демократов» и исторических фашистов — один и тот же хозяин и заказчик: транснациональные (по преимуществу американские) финансовые монополии, торговцы деньгами.

Именно они по итогам Первой мировой войны разрушили три монархические империи: Германскую, Российскую и

Австро-Венгерскую. Именно они по итогам Второй мировой войны разрушили две колониальные империи: французскую и британскую. Именно они по итогам Третьей мировой, «холодной» войны разрушили одну партийную империю: Советский Союз. Именно они сейчас последовательно создают всемирный «электронный концлагерь», где практически всё человечество должно превратиться в бесправных заключенных, а сами они, под вывеской «мирового правительства», — в безусловных повелителей мира.

Разумеется, для реализации этих планов необходимо не только введение «электронных удостоверений личности», без которых человек не сможет существовать. На территории РФ такая «всеобщая чипизация» предусмотрена программой «Электронная Россия», а очередным шагом в этом направлении стало принятие Мосгордумой 9 марта закона, предусматривающего обязательное введение универсальной электронной карты, призванной заменить все виды удостоверений личности. Нужно еще идеологическое обоснование подобного насилия над правами и свободами человека. И таким обоснованием, в полном соответствии с давними прозрениями Джорджа Оруэлла («Свобода — это рабство», «Война — это мир»), избрана борьба против «тоталитаризма», одним из вариантов которого объявлен «сталинский» социализм в СССР.

Программа «десталинизации» российского общества, которая выдвигается «агентурой влияния» транснациональных финансовых корпораций в качестве ключевого элемента его «модернизации» на деле представляет собой многофункциональное организационное оружие, которое, в случае его применения, должно поразить сразу несколько целей.

Первая из них — это международный статус России как правопреемницы СССР. Признание Российской Федерацией коммунистической партии «преступной организацией», а Советского Союза — «преступным государством» автоматически исключает нашу страну из числа победителей во Второй мировой войне («Восточный фронт как война двух преступных тоталитарных систем»), что должно повлечь за собой организацию «второго Нюрнберга» с принципом равной ответственности Германии и России за разжигание Второй мировой войны, с наложением репараций в пользу пострадавших от «военных преступлений Советского Союза» государств, народов и физических лиц, а также, соответственно, с исключением РФ из числа постоянных членов Совета Безопасности ООН, имеющих право вето.

Вторая цель — это включение России (или созданных на ее территории «новых независимых государств») в глобаль-

ный геостратегический конфликт между Китаем и Соединенными Штатами на правах «младшего партнера» (или «младших партнеров») последних.

Третья цель — это полная либеральная зачистка государственного аппарата с «запретом на профессии» для тех граждан России, которые «отрицают или преуменьшают преступления прошлого», то есть налицо те же формулировки, которые введены на Западе для «холокоста».

Наконец, четвертая цель — это трансформация сознания всего российского общества на основе внедрения в него «комплекса вины» за преступления прошлого вместо гордости за Победу 1945 года и слома всего российского «цивилизационного кода», «национально-культурного ядра русской цивилизации», как это и предусматривалось парapolитическими транснациональными структурами с конца 60-х годов (теория «конвергенции» и её транскрипция образца 1992 года в известной статье Анатолия Ракитова, бывшего тогда советником Бориса Ельцина).

Иными словами — перед нами программа геноцида носителей традиционного русского сознания, традиционной русской культуры (прежде всего — в самых близких по времени, то есть советских её формах). Дело здесь не только в итогах очередной национальной переписи, показавшей сокращение постоянного населения РФ почти на четыре миллиона человек — дело в агрессивной государственной политике, полностью безразличной к судьбе всех, кто «не вписался в рыночные реформы». Это можно назвать «рыночным фашизмом», «либеральным фашизмом», «демофашизмом», — суть останется одной и той же.

Только из-за полной культурной и лингвистической глухоты авторов программы модернизации-десталинизации-декоммунизации и абсолютного неприятия ими форм и смыслов русского языка можно было «задвинуть» в текст этого документа предложение переименовать нынешний мертворожденный праздник Днем народного единства (4 ноября) в День памяти жертв Гражданской войны и национального примирения. Согласитесь, что фраза «День жертв национального примирения» звучит несколько странно, однако, видимо, она, случайно и нечаянно образовавшаяся в результате напряженной мыслительной работы создателей программы десталинизации, вполне соответствует их истинным целям. Всё это было бы смешно, когда бы не было так мерзко...

И, пожалуй, самое главное — «вброс» данного текста, судя по всем последним, сопутствующим ему, событиям, может свидетельствовать о том, что подготовка к решающему по-

литическому повороту или перевороту в Российской Федерации вступает в завершающую фазу, а «десталинизации» уготована роль официальной идеологии этого поворота (переворота). Изгнание путинских «силовиков» из «естественных монополий», «показательная порка» в Госдуме депутата-единоросса Константина Затулина, посмевшего публично присоединиться к «личной» позиции Путина по Ливии, «благотворительная» поездка Медведева к десантникам-штурмовикам, дикая антипутинская истерика, развернутая не только в отечественной либеральной прессе, но и на Западе, от британской «Times» и американской «Washington Post» до заштатных бельгийских и норвежских изданий, — всё это напоминает не столько кампанию психологического давления на строптивного политика, сколько «информационную артподготовку», за которой должно последовать его уничтожение.

Как повернутся реальные события и как ответит подавляющее большинство нашего общества на попытку «либерального реванша»? Ответ на этот вопрос даст только время. Ведь в марте 1991 года три четверти граждан СССР на референдуме проголосовали за его сохранение, а через девять месяцев не нашлось никого, кто смог бы остановить беловежский сговор и уничтожение Советского Союза. Но сказать сегодня о том, что демофашизм — уже за углом, и что его торжество будет означать еще один шаг русской цивилизации и русского народа к своему исчезновению с лица Земли, совершенно необходимо.

РАССТРЕЛ

РОМАН-ДОЗНАНИЕ

Глава девятнадцатая

1
В детстве, часами разглядывая себя в зеркале, Октябрина Угарова пришла к выводу, что хороша чертовски и что с возрастом станет просто обворожительна. Но был дефект: прелестное личико уродовала противная бородавка, торчащая как раз посредине лба. Удалять ее девочка отказывалась, и отнюдь не из страха перед операцией, как считали ее родители, а из презрения к современникам. Чтобы всякое быдло наслаждалось моей красотой?! Щас! Две пушкинские строки: «*Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей*» с ранних лет были ее девизом.

Из предсмертного откровения дедушки Филимона она узнала, что ее предки вовсе не революционеры, как рассказывал ей отец, а купцы, уничтоженные революционерами; что подлинное ее имя никакая не Октябрина, а Филиппия. На тот памятный поворотный день жила и мыслила она всего ничего, лет шесть ей было или даже меньше, но живое дет-

Продолжение. Начало в №9 за 2011 г.

ПРОЗА

ское воображение восполнило недостающий опыт; именно с того дня она и стала по-онегински презирать людей. И не в душе, как у Пушкина, но всей душою. Картины давно минувшего предстали перед ней столь ярко, зримо, что были, кажется, осязаемы. Она увидела себя в роскошном замке, в сиянии золота и серебра, в окружении изящных дам и благоговееющих кавалеров. В той далекой, прекрасной, но несбывшейся жизни все обожали и баловали ее, повсюду стояли чаши с мороженым, с обливными пряниками и конфетами. И вот все это отнято у нее презренными охлократами.

Дедушка Филимон Трофимович был младший брат Натали Угаровой, бесследно исчезнувшей в один из апрельских дней 1918 года. Тогда же красные пришли за его родителями. Прадед Трофим Дементьевич встретил их с ружьем в руках и был застрелен местным то ли башмачником, то ли сапожником по фамилии Белоусов.

Жена его Анфиса Тихоновна с жутким воплем бросилась на убийц. Ее, из экономии патронов, забили прикладами. Все происходило на глазах у четырехлетнего Филимона. Самого мальчика не нашли, зарылся в кулях с овсом. Впрочем, не очень уж и искали, целью обыска были золото и спиртное.

Первые дни мальчонка прятался возле дома, потом бедовал на улицах, иногда сердобольные люди давали и кров и хлеб. Время, однако, пошло голодное, и Филя с такими же оборванцами ушел в Тюмень, на железку. Катался по всей стране, побирушничал, воровал, пока не попал в детскую исправительную колонию. Не к Макаренко, но к человеку в чем-то схожей натуры, имеющему отношение к царской армии. Бывший офицер гвардии, поручик Хлебников Юрий Юрьевич, хотя и был внешне лоялен Советской власти, душой ее до конца не принял. Свое отношение к ней передал воспитатнику. Почка легко привилась к подвою — картина жестокой смерти родителей навсегда врезалась в память юного Филимона.

Их связывало еще и то, что Хлебников в свое время служил в Тобольске в охране бывшего государя и лично знал купца Трофима Дементьевича Угарова и дочь его Натали. Случалось, пропускал ее в расположение отряда и в губернаторский дом, где содержались августейшие заключенные. Именно от Хлебникова и узнал Филимон трагические подробности о своей семье.

В тридцать четвертом бывший поручик был арестован как скрытый враг и в том же году казнен. Филимон учился тогда в индустриальном техникуме; узнав стороной об участии своего наставника, стал еще осторожнее в высказываниях и поступках. Скромный, исполнительный, молчаливый, он про-

жил жизнь тихо и неприметно, стараясь ничем не выделиться и, упаси Господь, привлечь внимание зорких органов.

Сын Савва вырос ему полной противоположностью. Пионер, комсомолец, член партии, — причем в партию приняли сразу же после школы. Анкета самая безупречная, отец — скромный техник-конструктор, в прошлом беспризорник и коммунар, мать — простая чертежница. И в школе, и в институте Савва всегда был первым. Филимон Трофимович сына не окорачивал, идейных споров не затевал. Свой потаенный протест против Советской власти выразил тем лишь, что дал сыну имя, означающее в переводе с арабского неволю. Когда родилась внучка, хотел и ее назвать по своему вкусу. Но тут возмутился Савва:

— Хватит того, что меня назвали черт знает как! В честь кого, спрашиваю? В честь Саввы Мамонтова или Морозова?

— Ни в коем разе, сынок, ни-ни-ни. Просто у святого Саввы поминание почти в каждом месяце. Это значит, почти каждый месяц ты именинник. Ну, плохо ли?

— А мне некогда именины праздновать! Я коммунизм строю! И я не хочу, чтобы моя девчонка всю жизнь мучилась из-за имени, как ее отец. Не хочу и не позволяю!

И не позволил. Записал новорожденную Октябриной, в честь тещи, названной этим модным в тридцатые годы именем.

Крещение от него скрыли.

Умер Филимон тихо и незаметно, как жил. К той поре жена чертежница покоилась на Ваганьковском. Сын с невесткой отдыхали в Геленджике, домработница отпросилась на выходные, и Филимон отпустил ее, хотя давно уже не вставал с постели, — должно быть, предчувствуя скорый конец, хотел побыть с внучкой наедине. Вот тогда он и рассказал ей, как они жили до революции, какой смертью погибли ее прадедушка и прабабушка; рассказал, что слышал о Спиридоне, процветающем за границей, и о пропавшей без вести Натали. Но прежде взял слово, что все услышанное будет ее тайной, по крайней мере пока не вырастет. Девочка слушала, затаив дыхание. Филимон говорил весь субботний день до глубокой ночи, устал, пообещал досказать утром.

Октябрина едва дождалась утра. Дед лежал в своей комнате со сложенными на груди руками, и, казалось, спокойно спал. Она вышла на цыпочках, чтобы не потревожить, но весь день то и дело заглядывала: не проснулся ли? Будить не смела.

Вернувшаяся ввечеру домработница обнаружила, что старик мертв.

Всю себя Октябрина посвятила живой природе. Но, окончив Тимирязевку по факультету растениеводства, распреде-

ляться не пожелала, да и не рвалась на службу; одна мысль о том, что придется работать с теми, кто априори не достоин ее мизинца, вызывала идиосинкразию. Среди студентов она слыла нелюдимой, высокомерной и была чужая в любой компании: то ли из-за отталкивающего снобизма, то ли из-за отвратного пупыря.

Столь же чужой она была и для домочадцев и бóльшую часть года жила на отцовской даче. Сначала как член семьи, потом как ее владелица.

Настала горбачевская перестройка. Савва Филимонович, консервативно мыслящий, а потребовалось новое мышление (ударение на первом слоге), в новой команде оказался лишним. Но перед тем как лишиться высокого положения и казенных благ, чуть наследственное, купеческое подсказало закрепить за собой собственность, какую пользовался годами. Чтобы не отобрали в будущем, переоформил элитную сталинскую квартиру и дачу — на Октябрину. Операция была не совсем гладкой — помогли связи. Затем разменял квартиру. В итоге дочь получила двухкомнатную на Рязанском, отец — уютный коттедж в Сочи. Куда и уехал со всей родней.

Теперь он был недосыгаем ни для каких комиссий. Но, увы, не защищен от опасных заболеваний, — скончался на шестидесятом году жизни. Дочь, простив покойному коммунистическую карьеру, недолго носила траур, вскоре же и утешилась. Квартиру она сдавала, на что и жила безбедно, теперь уже круглый год, на бывшей казенной даче.

Обо всех этих перипетиях смог бы подробнее рассказать ее зять Искорин. И Глеб встретился с ним, по его желанию в Центральном Доме литераторов, по обычаю в Пестром зале за угловым столиком.

2

Виктор Дмитриевич пришел с опозданием в полчаса, что было ему несвойственно, и, что уж совсем за рамками, небрит, без галстука и без кейса. Но больше всего удивила Глеба его нервозность. Обычно Искорин был ровен и сух, иногда сердит, но эмоций не проявлял, не водилось за ним такого. А тут распоясался: хлопнул сто граммов водки, приобретенных Глебом сугубо для личных нужд; понюхав кусочек хлеба, выдохнул и только тогда спросил — резко:

— Ну что у тебя опять?

— А у тебя?

— Ты вообще-то работаешь или дурака валяешь?!

— Пашем, барин, пашем. С чего злой-то?

— Станешь тут! — Искорин с ненавистью посмотрел на пустой стакан, пробормотал что-то себе под нос.

— Как? — склонился к нему Елахов.

— Водка, говорю, палёная! Принеси кофе.

Когда Глеб вернулся с кофе и коньяком, издатель поведал о неприятностях, свалившихся на его голову. От причастности к хунте, слава те Господи, открестился, но демократы (это слово он произносил так, словно сметал собачье дерьмо в пакетик) изъяли на аудит бухгалтерские журналы и приостановили практически все проекты.

— А что твой мозговой центр?

— Цвиллинг? Предложил один хитромудрый ход, да я не хочу, с души воротит...

В противоположном углу под знаменитой Светловской рюмкой поэт Рошиц и двое завсегдатаев выясняли, кто из них еще более гениален. То, что все трое наделены гением, они уже выяснили, если судить по пустой таре.

— А дело-то близится к рукопашной, — заметил, проследив его взгляд, Искорин.

— Эй, на Олимпе! Без рук, пожалуйста! — предупредил Глеб.

Но опоздал: Рошиц уже получил в ухо, еще один выдувал из ноздри красный, чудовищной величины пузырь; третий — победитель — размахивал пустой бутылкой, явно предполагая развить успех. Пока мешкал и примерялся, с кого начать, Рошиц пришел в себя; клацнув зубами, повис, как бульдог, на его запыстье. Бутылка выпала и разбилась, образовав розочку. Рошиц схватил ее, занес над головой, как гранату:

— Так кто у нас первый поэт России?! В глаза смотреть!!!

— Ты, ты, старичок!

Искорин брезгливо сморщился:

— В стране черт-те что происходит, а эти... Тьфу!

Похожую фразу произнесла новонареченная Филиппия, когда Глеб ехал с нею на баррикады...

Приступил к расспросам:

— Слушай, расскажи-ка мне... Что ты знаешь о предках твоей свояченицы?

— Это еще для чего? — недовольно спросил Искорин.

— Для дела.

— Ты не находишь, что тебя заносит? Напомнить условия договора?

— Я их отлично помню. Семья Романовых в историческом интерьере. Последний период жизни.

— Так причем тут Октябрина и ее предки?!

О том, что родственница жены участвовала в налете на его офис, вспоминать, тем паче рассказывать, Искорину не хотелось.

Пришлось Глебу посвятить его в кое-какие сюжетные про-рицания, как сказал бы поэт Юнковский.

Искорин, выслушав, замахал руками. Чтобы дочь купца смогла подружиться с великой княжной Анастасией, да еще бывать в царских апартаментах?! Бред!

— Видишь ли, — возразил Глеб, — все члены семьи Романовых не чурались простых людей. Общались накоротке с солдатами из охраны, засиживались в караулке, в шашки играли с ними, как свидетельствует комиссар Панкратов. И все такое. Николай, например, на Пасху христосовался со слугами, всех помнил по именам. И сына, и дочерей воспитывал в том же духе. Анастасия же вообще была сорвиголова, легко могла свести знакомство с простолюдинкой. Да и Натали не так уж была проста, училась в Тобольской Мариинской гимназии, владела языками, светским манерам была обучена...

— Стоп. Ты полагаешь, могла быть подмена Анастасии на Натали?

— При их внешнем сходстве? Не вопрос.

— Это, конечно, усилит экшен, — задумчиво проронил издатель.

— Да, — спохватился Глеб, — а что там предложил тебе твой мозговой центр?

— Цвиллинг? Прогнуться он предложил. Пока никто не опередил, издать альбом «Три дня, которые потрясли Россию». Репортажи, указы, цветные фото. Ельцин на танке, Ельцин с «калашниковым», с Коржаковым... разные там бурбулисы, ополченцы в лицах и биографиях, ну и, понятно, поверженные путчисты... Полизать предложил, сам понимаешь, какое место.

— Bravo! — развеселился Глеб.

Веселье бурлило и за угловым столиком. Три поэта праздновали консенсус.

3

В холле ЦДЛ Глеба окликнула дежурный вахтер:

— Елахов, вам письмо!

Глеб осмотрел конверт. Ни штемпеля, ни обратного адреса, ни имени отправителя. Вскрыл. На чистом листе — всего одна строчка: «Не доискивайся до правды. Она твой ад».

Глава двадцатая

1

Глеб собирался с мыслями. Интересный складывался узор: Анастасия — Натали и Георгиевский кавалер Ерофей Ела-

хов, в недавнем времени участник боевых действий, герой войны, влюбленный в дочку купца Угарова. И она, похоже, отвечает ему взаимностью. Значит, нужно устроить влюбленным встречу, и лучше — наедине.

Ерофей имел вольное проживание и вне службы мог очутиться в любой точке города, исключая лишь дом Угаровых, — туда ему ходу не было. Но жизнь, искусная кружевница, именно там свела его с Натали.

В угаровские хоромы он попал, сопровождая комиссара Панкратова на вечер-бал по сбору пожертвований для фронта. Заступив на дежурство, как всегда чисто выбритый, одетый по полной форме, при всех наградах, стрелок Елахов выгодно отличался от прочей солдатской братии, распустившейся, по мнению комиссара, в виду близкой демобилизации. Комиссар, разумеется, не прошел мимо. Мысль взять с собой бравого молодца показалась ему удачной.

«Вот для таких доблестных воинов мы и должны исполнить наш патриотический долг, ибо армия как никогда нуждается в нашей помощи — в оружии, в амуниции, в провианте» — эти слова Василий Семенович и завершит свое выступление на балу.

— Когда вы сменяетесь? — спросил он у Ерофея.

— В семь пополудни, господин комиссар!

— Отлично! Будете мой эскорт. С комендантом я согласую.

— Как прикажете, ваше превосходительство!

Молодец шелкнул американскими каблуками.

— Ну-ну, какое еще ваше превосходительство? Зовите меня просто Василий Семенович. — («Конечно, муштра есть ужасный пережиток ушедшей власти, — подумал он, — но до чего ж приятно видеть настоящего вышколенного солдата!») — А как вас по имени-отчеству?

— Ерофей Павлов!

— Вот как? Замечательно! Вы можете гордиться вашим именем, так звали знаменитого русского землепроходца Хабарова!

— Есть гордиться!

В девятнадцать с половиной часов они прибыли на авто в дом Угаровых. Никольского, помощника, с ними не было, заседал в Совдепе. Тем вечером шли пере выборы председателя — Никольский всерьез рассчитывал занять сей пост.

Ерофей, узнав залятые ворота, встал как вкопанный:

— Ваше превосходительство... господин комиссар... Василий Семенович... Можно, я вас на улице подожду?

— С какой стати, солдат? Мы делаем одно дело, пришли с благородной миссией... Идемте!

— Я, я... не могу.

— Можете, Ерофей Павлович! Как говорится, вперед, в атаку, кресты потом!

— Вот же вляпался, — вздохнул Ерофей, — как Барбос в квашню.

Однако собрался с духом: он тут по службе, а не по личной прихоти.

И потому, сбрасывая шинель на руки подскочившему холую, подмигнул ему и проследовал за комиссаром в шумный, залитый электрическим светом зал. По соображениям тактики, решил глаза хозяевам не мозолить, приотстал и занял позицию за листвой фикуса.

Благотворительный вечер-бал, как водится, был начат с аперитива. На столах теснились графины, графинчики и кувшины. Была также кое-какая снедь: в частности, осетрина, нельма, муксун, а также пелядь и особо лакомая у знатоков сельвинская селедка. Все рыбное, перемежаемое икрой и зеленью, в свою очередь, сопровождали блюда из дичи, свежей убоины и вяленой оленины. Все возлежало на фарфоре и серебре в компании с одноногими хрустальями. Словом, было чем заняться толковому человеку. А таковых собралось немало. Первым, без топтаний вокруг да около, за дело взялся Тарыгин Семен Никитич. Положив на язык ложку зерен икорки черной, посмаковал-почмокал и стал ждать послевкусия, при этом рассеянно водя глазами. В круговороте нарядных господ и дам одно мужское лицо вдруг кого-то ему напомнило. Кого-то из прошлого, из давно, казалось бы, позабытого. Постой-постой... Да неужто Вася по кличке Алеша Попович?! Но Вася, если жив, вроде бы должен сидеть еще и сидеть. Разрази меня гром, он это, он!.. Что же, получается, пролетело... почитай, целых тридцать лет?!

Протискавшись через строй оживленно закусывающих гостей, он вплотную приблизился к неизвестному, толкнул его животом.

— В чем дело? — обернулся комиссар, расплескав вино.

— Алеша... Попович... Ведь это ты? Ты А-ле-ша По-пович! Глазам не верю!

— Добрыня Никитич?! Вы ли это?

— Ну, кто ж еще, душка моя!

— Вот довелось свидеться! Вот так сюрприз!

— Сюрприз — всем сюрпризам сюрприз! Здравствуй, мой милый!

Они обнялись, искренно прослезились.

— Как жизнь-то нас потрепала, брат! — промокнул глаза Добрыня Никитич.

— Да уж, время никого не шадит... А напомните-ка легальное ваше имя. Ах, нет, сам, сам сейчас вспомню! Никитич! Семен? Семен! Семен Никитич Тарыгин!

— Молодец, Алеша, свет мой Попович! И давай на «ты». Чего «выкать»-то, как-никак мы старые соратники по борьбе! Два каторжанина и...

— ...и два русских богатыря! — дробно рассмеялся комиссар.

Трофим Дементьевич, будучи в легком уже подпитии, расщеперил в улыбке зубастый рот:

— Ой вы гой еси, добры молодцы! Дозвольте к вам прибокалиться?

Тарыгин подмигнул товарищу:

— Что скажешь, Алеша?

— Как господину будет угодно.

— Нам угодно быть при вас Ильей Муромцем! Сим званием пожалован от народа в прошлую Иордань. Как, стало быть, имел здоровье дольше всех в проруби просидеть! Имею также желание пригласить вас в мою коморку!

— Отчего бы нет? — Бывший народоволец подхватил под руку соратника по борьбе. — Принимается! Веди нас, Муромец!

Купец, приказав Петрушке быть неотлучно рядом, повлек гостей в кабинет.

— Вот так коморка... — хмыкнул Панкратов, осматриваясь.

Помещение было под стать хозяину: массивный стол на слоновьих лапах, грузные табуреты и шкаф, каковой сам по себе мог бы служить пристанищем для трех-четырех особ.

— Друзья, вы знакомы, кстати? — осведомился Тарыгин.

— Наслышан, но не знаком, — ответил Василий Семенович.

— Так знакомьтесь воочию! Купец первой гильдии Трофим Дементьевич Угаров, почетный гражданин и негодьянт. А это мой товарищ по Шлиссельбургской крепости!

— Они же комиссар Временного правительства при царской фамилии! — подхватил хозяин.

— Как?! Ты комиссар Керенского?! — возбудился Семен Никитич. — Вот так штука, опять сюрприз! А я все думал: какой такой Панкратов к царю приставлен?

— Пока Микитка допетрит, Петр уже смикитил, — хохотнул Трофим и тотчас полез целоваться на брудершafft.

Нельзя сказать, чтобы Панкратов очень тому был рад, однако виду не показал. Напротив, спросил учтиво:

— Каковы негодии в нашу неустойчивую эпоху?

— Чтой-то?

— Как у тебя обстоят дела по нынешним временам? — пояснил Тарыгин.

— Дела как земля сыра, на хлеб не намажешь. Не то что у некоторых...

Маслозаводчик поспешил представить хозяина в наилучшем свете:

— Наш Деменьтич торгует колониальными товарами. И весьма успешно.

— А! — махнул небрежной рукой Трофим, — тот же назём, только издали везем! Но мы больше по конной части. Так что заводчики. Петрушка! Шипучки нам! Ай нет, подай-ка лучше... рябиновой!

Похвалился:

— Смирновская юбилейная, на коньяке, тринадцатого года выпуска!

Сомелье Петрушка, схватившийся было за шампанское, сунул его обратно в бадью со льдом, принялся наливать из бутылки с цветной виньеткой. Подав полные кубки богатырям, более уж от них не отходил, удерживаемый за хлястик Ильею Муромцем.

— За счастливую встречу! — с чувством сказал Добрыня. — Петрушка, колгановой!

Панкратов, откушав колгановой, вспомнил, что пришел сюда как председатель комиссии по сбору пожертвований на фронт; поделился впечатлением от этой миссии:

— Представьте, господа, передаю подписной лист Николаю Александровичу... Через графа Татищева передаю. И вот лист ко мне возвращается. Смотрю и глазам не верю: самодержец всея Руси жертвует всего каких-то триста рублей! Нет, я, конечно, не осуждаю, упаси Боже, тут или незнание истинной цены деньгам, или стесненные обстоятельства, возможно, еще что-то... Но владеть сотнями миллионов, а на любимую армию только триста?!

(Стоп, о каких сотнях миллионов вы говорите, вмешался Глеб. Как засвидетельствовали оба премьера Временного правительства господ Львов и Керенский, на счетах у царской семьи оказалось только четырнадцать миллионов, да и те были ей недоступны, поскольку банки находились в Англии и Германии. Семья должна была жить на казенный счет. А казна денег не присылала — ни для нее, ни для отряда. «Пришлось жить в кредит», — показал на допросе у Соколова комендант Евгений Степанович Кобылинский. Все его отчаянные письма в столицу результатов никаких не дали. И ходил комендант по городу, словно по миру. «Это была не жизнь, а суший ад. Нервы мои были натянуты до последней крайности. Тяжело ведь было искать и выпрашивать деньги для содержания бывшего императора»... Евгений Степанович дос-

тал их под вексель с поручительством Татищева и Долгорукова. Попутный мазок к портрету полковника: «...я просил Татищева и Долгорукова молчать о займе и не говорить об этом ни государю, ни кому-либо из августейшей семьи»...

Видать, ничего не было сказано и Панкратову.)

Вспомнив о своей миссии, он вспомнил и про стрелка.

— Любезнейший, — обратился он к Петрушке Шмакову, — вы не видели моего солдатака?

— А то! — злорадно, воображая предстоящую встречу хозяина с Ерофеем, доложил приказчик. — Он там, в зале, у индейского фикуса. Позвать?

— Если не затруднит, голубчик.

— Приведи, — приказал Угаров.

...Ни за фикусом, ни под фикусом Ерофея не оказалось. С тем Петрушка и воротился.

Загадочное исчезновение Ерофея произошло в тот промежуток времени, каковой отделял тройку богатырей, уже отведавших рябины на коньяке, от настойки колгановой, то есть когда до боярышниковой черед еще не дошел.

— Найди! Но сперва нацеди боярковой, — приказал Трофим.

Нацедив боярышниковой настойки, по увереньям Тарыгина чрезвычайно полезной для профилактики грудной жабы, Петрушка вновь отправился на поиски Ерофея.

2

Как в домовье Угарова, помимо красных ворот, имелись еще и хозяйственные, так и в самом доме, помимо парадных дверей, имелись еще и черные, со двора. И был отдельный вход со стороны сада, который вел пряником в горенку Натали. Вот этим-то путем к девушке и проник юный штабс-капитан Андрей Михайлович Воротынский, тот самый, которого Ерофей вытащил некогда с поля боя. В Тобольске князь появился тому неделю. Поселился у поручика Хлебникова, своего товарища с кадетских еще времен. Через Хлебникова познакомился с Натали, даже сумел подружиться с ней. Какую роль ей предстоит сыграть, он еще не знал, но полагал: далеко не второго плана. Сама Натали согласна была на все. Штабс-капитан прошел никем не замеченный: все население дома, обслуживая прием, было занято по глаза и уши и не имело возможности ни подсматривать, ни подслушивать. Из горенки Натали можно было пройти в гостевую залу. Чуть приоткрыв ведущую в нее дверь и слегка отвернув портьеру, Натали с князем рассматривали собрание. Девушка шепотом комментировала:

— Бородатенький коротышка, которого батюшка мой уводит, это комиссар Временного правительства при семье господаря. Колобок с ними — Тарыгин, маслоделец, миллионер.

И комиссара, и маслодельца штабс-капитан уже видел в церкви и теперь внимательно присматривался к другим уважаемым лицам города. Он за тем и пришел сюда, чтобы выследить возможных себе союзников. Целью его приезда... Впрочем, придержал Глеб воображение, о цели его приезда я расскажу в другом, более подходящем месте. В этой главе слишком суетно, да и не князь в ней главное действующее лицо.

— А кто этот бравый солдат? — вдруг взволновался князь. — И как он сюда попал?

— Вероятно, кого-то сопровождает. Пойдите... Да ведь, кажется, я его знаю! Ужели это мой несостоявшийся женишок?! Боже, сколько же у него наград!..

— Этому человеку я обязан жизнью, — произнес штабс-капитан изменившимся отчего-то голосом. — Я был ранен в обе ноги. Он вытащил меня с вражеской территории.

— Расскажите!

— Потом. А сейчас нельзя ли его как-нибудь привести сюда?

Девушка не раздумывала ни секунды.

— Спрячьтесь, — шепнула она и еще немного отвела портьеру.

Ерофей стоял к ним вполоборота, — шевеление это заметил боковым зрением. Развернувшись, увидел Натали, подающую зазывные знаки. Ткнув себе пальцем в грудь, вопросительно поднял брови. Энергичные кивки и улыбка были ему ответом.

Ерофей неуверенно шагнул на зов, почувствовал ее дыхание на своей щеке — теплое, с ароматом меда.

Еще больше он был растерян, когда из тени выступил Воротынский.

— Ваше благородие, Андрей Михалыч?!

— Я, солдат, я самый...

Офицер обнял своего спасителя. Трижды, со щеки на щеку, расцеловались.

Натали смахнула слезу восторга.

Той порой Петрушка уже обежал весь дом, выбежал в сад и постучался к хозяйской дочери. Припав к дверному притвору, воззвал с придыханием:

— Наталья Трофимовна! Вы тут? Ау!

Заговорщики затаились. Воротынский на всякий случай шагнул за ширму. И вовремя: минуту спустя Петрушка вбе-

жал в горенку через зал. Однако девушка успела принять меры предосторожности: крепко обняв солдата, припала устами к его шам.

— Наталья Трофимовна... вы с ним... вы его лобзаете?!

— Пошел прочь, дурак!

— Ка-а-шмар... — прошептал приказчик. — Ужо я батюшке расскажу..

Что до Ерофея, то он, оглушенный поцелуем, стоял столбом. Натали рассмеялась, поцеловала его еще раз, теперь уже по собственному хотению.

Петрушка приплелся опять ни с чем. На вопрос Угарова, сыскал ли затерявшегося солдата, буркнул:

— Сыскал...

— Почто не привел?

Приказчик потупил взор. В самом деле, сказать, что нашел солдата у Натали и был ею выставлен, не поворачивался язык, да и чреват, коль знаешь хозяйский нрав, а он его знал лучше, чем «Отче наш». Выдал из себя:

— Спросите у Натали Трофимовны.

— Я у тебя спрашиваю! — Трофим потянулся к нему с намереньем оттаскать за чуб, но Петрушка сумел избежать такового неуместного панибратства, ловко отскочив в сторону.

И тут вошла сама Наталья Трофимовна — легкая на помин, раздурманенная, с чертиками в глазах:

— Здравствуйте, господа!

— Моя дочь Наталья... — представил ее купец.

Панкратову тотчас бросилось в глаза сходство барышни с младшей княжной Романовой. От неожиданности он даже несколько протрезвел. Вскочив со стула, хотел немедленно поцеловать ей ручку, но спохватился, вспомнив, что по правилам пресловутых политесов и этикеций ручки целуют лишь дамам и священнослужителям.

Обошелся привычным полупоклоном.

— Здравствуйте, — поклонилась и девушка.

Семен Никитич, тоже поспешно вставший, полюбовался ею, звонко расцеловал:

— А ведь она у тебя невеста, Трофим Деменьтич! А? Я прав?

— Кого там. Девчонка еще зеленая.

— Не скажи, не скажи! Напротив, расцвела пышно. Чай, присмотрела уже жениха-то, мадмузель?

— Уи, месье. Хотите познакомиться?

— Наталья! — цыкнул Трофим предостерегающе. Ведал: когда у дочки вот эдак блестят глаза, непременно жди от нее какой-нибудь омзори или чего похуже.

— Что, папенька? — проворковала девушка.

Эта невинная интонация, слишком отцу знакомая, также ничего хорошего не сулила.

— Не дури!

Употребление боярышниковых настоек необыкновенно раскрепощает сибирских маслозаводчиков. Тарыгин ощутил безотлагательное желание взглянуть на избранника Натали. Заявил не допускающим никаких апелляций тоном:

— Желаю видеть этого удальца! Сейчас же! И распить с ним кубок.

— Да нету, нет у ней никого! — раздраженно сказал Трофим. — Наташка, право, чего несешь?

— Но папá, ты же знаешь, что я никогда не вру. — А бесенята в ее глазах так и прыгали, окаянные. — Господа, вы серьезно хотите видеть моего избранника?

— Наталья! — топнул ногой Угаров. Но дочь уже выскользнула из помещения.

(И вот здесь напрашивается классическое, усмехнулся Глеб: каково же было их изумление, когда...)

Когда она воротилась, ведя за руку Ерофея, гости изумились сверх всякой возможной меры: Панкратов тому, что увидел своего гвардейца (а ведь еще упирался, идти не хотел, скромняга!), Тарыгин тому, что узнал в молодце своего банного избавителя. Встретить его в доме у состоятельного лица, да еще в качестве жениха! — такого он и предположить не мог. Само же состоятельное лицо было потрясено натрыжностью голодранца, посмеявшегося заявиться в дом, со двора коего был изгнан веником и метлой.

Пока они исполняли эту немую сцену, Глеб повернул действие ненадолго вспять.

Условившись с Воротынским о новой встрече и распрощавшись, Ерофей опять занял в зале облюбованную позицию. Но вот примчалась возбужденная Натали. На вопрос, куда она его ташит, отвечала потом, потом, загадочно усмехалась и покусывала губу.

Скорым шагом пересекли зал. Тут уже играл граммофон и кружились пары, шеголяя дамскими фермуарами и белоснежными пластронами кавалеров; иные, более обстоятельные господа с хрустом ломали карточные колоды...

(Изложив все это, Глеб запустил часы: молодые люди входили в циклопический кабинет.)

— ...Господа! — объявила Натали с порога. — Вот мой избранник!

Трофим безмолвно хватал ртом воздух, глаза опасно вылезли из орбит; Тарыгин, наоборот, щурился, откровенно за-

бавляясь скандальной сценой; Панкратову же припомнился Грибоедов: «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!»

— Ерофей Павлович! — воскликнул он, опережая возможные непоправимые действия со стороны отца. — Искренно рад за вас! Поздравляю от всей души!

Тарыгин тоже умыслил взять сторону молодежи — с ехидной целью слегка поддразнить купца:

— Ай да служивый... Bravo! Голубчик Петруша, вот сейчас шампанское будет кстати! Наливай! «Налей полней стаканы, кто врет, что мы, брат, пьяны...»

На Трофима жалко было смотреть. Подумать только: сам комиссар, представитель Временного правительства, лично знаком с угланом, общается с ним по батюшке, да еще на «вы». Да что он за птица такая важная?! Смущали и георгиевские кресты; в глазах двоилось, насчитал восемь.

Комиссар Панкратов, поздравляя Натали с превосходным выбором, смачно поцеловал в губы, в нарушение всяких великосветских правил.

Тарыгин суетился подле, хлопал в ладоши; Петрушка с ущемленным выражением на лице разливал шампанское.

Привели мать невесты Анфису Тихоновну, сейчас же хлопнувшуюся в обморок. Привели дядюшку — вражески настроенного Спиридона. Привели ветхую, туго соображающую бабку Власьевну. Не привели только малолетнего брата Фильку, по вечернему времени почивающего.

Сговор сладился. Но не совсем: не было рукобיתья, так как отсутствовали представители жениха. Трофиму и Анфисе Тихоновне это давало право на его отмену, если, конечно, удастся образумить своевольную Натали.

3

Зато у Панкратова дело сладилось как нельзя лучше. Удалось подписать зажиточных тобольчан на четыреста пятьдесят тысяч. Сумма не так что бы уж значительная, но и не малая. Правда, как это все происходило, поутру он помнил весьма разрозненно. Виски разламывались, душа корчилась от стыда.

Помошник Никольский в шинели, наброшенной поверх исподнего, поил рассолом. Журил:

— Вольно же было тебе наклюкаться! Уже то хорошо, что солдат до дому приволок... Бить тебя некому и мне некогда.

— А что солдат?

— Солдат рассолу тебе принес. — Никольский обнажил в усмешке гнилые зубы. — Говорит, вы с ним теперь родствен-

ники. Говорит, ты свадьбу ему назначил и себя посажёным отцом на свадьбе.

— Боже-боже...

— Любопытно знать, кто ж посажёной матерью у вас будет? Рекомендую Алису. Она так и так уже посажёная, и мать с пятикратным опытом.

— Знаете что, Александр Владимирович, — Панкратов заставил себя сесть в постели, — извольте не забываться!..

— Да ладно тебе, — надулся помощник. — Пей давай. Это рассол капустный, хорошо оттягивает. Знаю по опыту.

— Солдат ушел?

— Здесь, в передней сидит, как ты ему вечером приказал.

— О Боже, — схватился за виски Панкратов. — Позови! Нет, погоди, оденусь.

— Да лежи уж!

— Отпусти его, Саша... Только выпроси деликатно, что я там еще отчебучил...

— Благодарю за доверие, — пробурчал Никольский. Выйдя в переднюю, спросил свирепо: — Что еще у вас с комиссаром было?

— Да все чин чинном... — удивился его грубости Ерофей. Но стерпел — исключительно из уважения к Василию Семеновичу. — Как водится, благословил. От всего Временного правительства.

— Что еще?

— Попросил скрепить обручение поцелуем.

— Все?

— Ишо убивался сильно, что в юности потерял невесту, и теперь живет, как сыч, один-одинёхонек. Хуже, сказал, на свете ничего нет. Душевный человек. Плакал.

— А другие?

— Ревели. Ревмя. Особенно матушка Анфиса Тихоновна. Хотя Тарыгин Семен Никитич, тот подсмеивался. Потом заснул. Дядя Спиридон тоже слезинки не проронил, выбуривал, как бирюк в загоне.

— А отец невесты?

— Скричигал зубами.

— Ты вот что... — сузил глаза Никольский и повертел кулаком у лица служивого. — Про все это никому ни гугу!

— Да почто?! Такой верховный человек уважение оказал, и я про это никому ни гугу?!

— Никому! Ни слова! Ни полслова! Понял?

— Не по-людски, ваше благородие!

— Узнаю, башку сверну! Проваливай.

— Ишь ты, башку он свернет, сук еловый... — ворчал Ерофей по пути в казарму.

Ничто, однако, не могло испортить ему настроения. Душа обмिरала при одной только мысли о красавице Натали... Возьмем такой непреложный факт: самолично нарекла суженым и поцеловала при всех. Сама проводила до красных ворот и немного дальше. А уж как дозорили-то! Даже Власьева выползла посопеть.

И ведь никто поперек не варгнул! А почто?

По то, что мелочь пузатая против нашего комиссара.

Глава двадцать первая

1

Всем был хорош комиссар Панкратов, если бы не мания к просвещенью военнотружущих. Лекции о народовластии, возобновленные им в Тобольске по иску сердца, привели к брожению умов и яkobинству в солдатской массе. Отряд раскололся надвое — на приверженцев монархии как самого подходящего государственного устройства и на их противников. Начались шатания и разброд, а подчас стычки и даже драки. Дисциплина падала с каждым днем. Столкновения участились и вне отряда. В один из декабрьских дней двое гвардейцев схватились с местными. Сопровождая интендантов и прислугу царя за покупками на базар, по обыкновению отогнали штатских от провиантских лавок и держали их на дистанции. В случае неповиновения обещали крутые меры. Не вмешайся патрульные из Союза фронтовиков, дело бы кончилось, как всегда, к полному удовольствию продавцов (сбывших продукты разом да еще и по высоким ценам) и к бессильной ярости горожан, оставшихся без продуктов. Патруль вмешался, и конфликт получил нежелательное развитие.

Кроме дезертиров и демобилизованных по истечению срока службы, в Союзе фронтовиков состояли мелкие коммерсанты, кустари-ремесленники, приказчики и прочая столь же пестрая публика. На сей раз патрулировали бывший ефрейтор (а ныне пимокат) Обухов, косторез Усольцев и активист. Активист наскочил на стоявшего ближе к нему стрелка, указал тросточкой на толкущихся горожан:

— Почему не пускаете их к прилавку?

— Чево? — хмуро спросил стрелок.

Косторез Усольцев как человек молчаливой вдумчивой специальности высказался дипломатичней:

— Ну, вы это, почто препятствуете? Люди ведь тоже нуждаются в пищеварении, так или не так?

— Да, на каком основании притесняете? — опять наско-
чил Петрушка.

— А пошли бы вы!

Стрелок раздраженно плюнул и нечаянно попал на при-
казчиково пальто. Петрушка, обозвав его хамом, опромет-
чиво замахнулся тросточкой. Стрелок вырвал тросточку, сло-
мал, как спичку. Обломки отшвырнул в сторону с оскорби-
тельными словами:

— Вас послали? Послали! Дак идите куда послали!

Пимокат Обухов с клёкотом в обожженной ипритом глот-
ке прохрипел гневно:

— Ты чё утворяшь, сатрап?!

— Кто, я сатрап?! — задетый за живое, вскипел стрелок. —
А ежли в ухо?

— А ежли в рыло?

— Ах ты ж, в гробину мать! — С этим возгласом стрелок не
мешкая осуществил угрозу, Обухов был повержен. Началась
свалка. Такое вот роковое сцепление обстоятельств, объяс-
нит Петрушка при задержании.

Патрульные, превосходя числом, уступали в военной выуч-
ке и были бы непременно посрамлены, но тут (к ужасу интен-
дантов и прислуги царского дома) примчались коллеги Пет-
рушки Шмакова, обедавшие в кухмистерской на базарной
площади; дружно набросились на стрелков. На снег полетели
шапки и рукавицы, и кто-то потерял валенок. Солдаты би-
лись ремнями с литыми бляхами, патрульные — чем придется,
в том числе бараньими и свиными ножками. В частности, при-
казчик, сронивший валенок, сражался босой ногой.

Интенданты и царские кладовщики стали истошно взы-
вать о помощи. Она пришла: подтянулись стрелки поручика
Хлебникова, совершавшие воскресную познавательную
прогулку. Под лозунгом «Наших бьют», не слушая команди-
ра, стрелки с марша вступили в бой. Однако не остались без-
зучастными и гражданские — кинулись защищать своих.

Хлебников, по собственному признанию, растерялся было,
но быстро сориентировался, влез в самую гущу драки, наде-
ля тумачами правых и виноватых.

Под руку попался ему Петрушка:

— Ты тут какого лешего??? Марш домой!

О том, что поручик при этом назвал его нехорошим сло-
вом, приказчик утаил от следствия — как высказывание,
порочащее его честь.

Между тем пимокат, сидя на корточках под возами, баю-
кал перебитую в схватке руку, косторез прикладывал снег к
ране на голове.

Случайно оказавшийся поблизости большевик Заборов подбежал к возам, выпряг крестьянскую, оставшуюся без присмотра лошадь, вскарабкался на нее, дал шенкелей рваными сапогами. Кобылка скакнула было с большими азартом, но тут же и заартачилась, стала пятиться, норовя воротиться назад в оглобли. Заборов наподдал ей наганом в костлявый бок, погнав в толпу.

— Именем революции! Прекратить безобразия! — прокричал он и пальнул для острастки в воздух.

Ужаснувшаяся коняга подпрыгнула задней частью — всадник кубарем полетел в снег.

Но уже подоспели народные милиционеры во главе с Сергеем Сергеевичем Волокитиным. Встав шеренгой и выставив перед собою жердяной ослоп, стали теснить дерущихся. Стрелки, перегруппировавшись, построились коридором, хватили штафирок за что попало, выталкивали в ворота. Штафирки, почесываясь от недружественных прикосновений, громко сетовали на произвол военщины.

2

На следующий день только и было разговору в городе, что о драке стрелков Отряда с активом Союза фронтовиков.

Степан Заборов, как очевидец, докладывал в Совдепе об обстоятельствах происшествия:

— Причина вчерашнего мордобития, согласно учению Карла Маркса, заключается целиком в экономическом положении! Свершившийся на днях безбожный подскок цен на хлеб и хлебобулочную продукцию не мог не вызвать протеста у населения. А ведь, кроме хлеба и хлебобулок, вздорозжали, — марксист вытащил записную книжку, — сахар головной с 28 копеек до 65 за фунт, сахар песчаный с 23 копеек до 44 — обратно за фунт, соль с 75 копеек за пуд до 2 рублей с полтиной! Крупчатка первого сорта с 4 рублей 50 копеек до 6 рублей 50 копеек, второго сорта с 4 рублей до...

— Хватит! — запротестовали слушатели. — Сами знаем!

Председательствующий, меньшевик Артемий Павлович Дуновенский укоризненно постучал по графину перстнем:

— Прошу соблюдать порядок. Реплики с мест не принимаются. Продолжайте, господин Заборов. И не вдавайтесь, прошу вас, в скрупулы!

(Порывшись в рукописи, Глеб отметил, что Артемий Павлович почти что не изменился с тринадцатого года: все та же прическа ежиком, острый короткий нос.)

— ...Я не говорю уже о таких насущных товарах, как чай, керосин и спички! — продолжал Заборов.

Его перебили:

— В чем, по-вашему, причины возросших цен?

— В том, что на шестьсот пролетариев нашего города почти такое же число хлебников.

— Кого вы имеете в виду? — насторожился новоиспеченный зампред Никольский, выполняющий по-прежнему функции помощника комиссара при экс-монархе.

— Ваш отряд! — в лоб отвечал Заборов.

— Мы на службе! Нас прислало правительство!

— Да, прислало, да, вы на службе. Но вы еще, извините, чем-то питаетесь! Ваш отряд, не исключая офицеров, это пятьсот едоков. Сорок ртов или больше — царская прислуга. Сам царь с семьей — еще семеро. Вот и считай, итого шестьсот! Интенданты скупают продукты возами. А торговцам выгодней сбывать оптом, да еще и по более высоким ценам!

— Прикажете перейти на подножный корм?

Заборов реплику помощника комиссара проигнорировал:

— Поскольку город живет на привозных продуктах и возникла острая их нехватка, считаю: Отряд особого назначения распустить, бывшего императора и его свору перевести в тюрьму на кошт тюремного ведомства.

— Ты белены объелся? — вытаращил глаза начальник тюрьмы Федоскин (потертый мундир, пухлая лысина с жировой шишкой). — О чем ты? Какой кошт?! Где деньги?! У меня контролеры три месяца жалованье не получают!

— Такая мера, — игнорируя и эту реплику, больше похожую на крик души, продолжал Заборов, — диктуется сложившимся политическим положением! Оно опасное.

— Чем же оно опасно? — спросил недоверчиво Дуновенский.

Заборов ответил, чеканя каждое слово:

— Тем, что, имея целью освободить заключенного Романова для восстановления царской власти, подозрительные элементы скапливаются в городе и плетут коварную сеть заговора!

— Да вы что... — Председатель отшатнулся в кресле, как если бы контрреволюционные элементы уже подкрадывались к нему с ловчей сетью. — Откуда у вас эти данные?

— Здесь присутствует товарищ Волокитин, начальник народной милиции. Прошу его выслушать.

Волокитин, учитель естествознания (около тридцати лет, сухощавый, с куцей бородкой) подошел к столу председателя, повернулся лицом к собравшимся.

— Докладываю. В городе концентрируются подозрительные субъекты. Вчера нами задержаны некие братья Раевс-

кие. Один приехал третьего дня, другой вчера. Этот другой, не повидавшись с братом, напрямик двинул к епископу Гермогену, как вам известно, отпетому монархисту. При задержании предъявил удостоверение Всероссийского братства православных приходов. На допросе он показал, что привез письмо Гермогену от епископа камчатского. Но вот что странно, приехал-то он не с Камчатки, а со стороны прямо противоположной! Наши люди секретно ознакомились с этим письмом и сняли копию. — Волокитин вытащил из кармана тужурки листок бумаги. «Владыко, ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за святую Русь в годы Великой смуты — это знаменье Божие... Теперь настал твой через спасть Родину, тебя знает вся Россия, — призывай, громи, обличай. Да прославится имя твое...» И так далее. Подписано, обращаю ваше внимание, вдовствующей императрицей Марией Федоровной...

— Как вам известно, она ошивается в Крыму, а не на Камчатке, — вставил Заборов.

— Да, это нам известно. — Дуновенский нервно подергал хоботком носа. Больше всего на свете ему хотелось бы свернуться сейчас в клубочек и укатиться в лесную чащу. — Спасибо, Сергей Сергеич! — поблагодарил он докладчика. — Обо всех подобных случаях прошу сообщать нам сиюминутно.

— Слушаюсь, — преклонил голову Волокитин.

Заседание продолжалось. По предмету повестки дня большинством в три голоса была принята резолюция: предложение Заборова довести до сведения комиссара В.С. Панкратова, поручить это А.В. Никольскому.

3

Панкратов, ознакомившись с резолюцией, возмутился:

— Наглецы! Экие наглецы! Государя-императора, как какого-то уголовника, на тюремный кошт?!

Поостыв, спросил у Никольского, сколь основательны претензии Совдепа относительно продовольствия для Двора и Отряда.

— До некоторой степени основательны. Обрати внимание еще и на тот факт, что царская прислуга не чиста на руку.

— Да! Всякий раз после столования тащат узелки с провизией! Наблюдал собственными глазами.

— Повара и дворецкий делают закупки в таком количестве, чтобы хватало для узелков.

Комиссар потребовал отчета у коменданта:

— Евгений Степанович, как вы находите царский стол?

— Он удовлетворителен.

— Бывают ли излишки?
— Бывают, — вздохнул Кобылинский.
— Евгений Степанович! — Панкратов официально встал. — С сего дня приказываю урезать рацион Семьи до разумных пределов. Отряд и офицеров, а также нас с вами, перевести на солдатский паек.
— Ну что же... Может быть, вы и правы.
— Дорогой друг, мы обязаны пойти на эти лишения! В силу сложившихся критических обстоятельств.

Наряду с этим, комиссар объявил приказ о сокращении продуктовых закупок до размеров разумной необходимости, — проявив, таким образом, не свойственную себе жесткость. Да он и не мог иначе, ибо защищал интересы Семьи, главу которой почитал уже за близкого человека. Залогом тому — сделавшееся традицией совместное куренье индийских трубок.

Глава двадцать вторая

1

Был вечер, комнату освещала семилинейная лампа без стеклянной колбы, моргала от любого движения собеседников, на голых белёных стенах тотчас скакали тени. За окном шел снег, опускался с небес белой непроницаемой кисейей.

Штабс-капитан Воротынский и поручик Хлебников пили замечательный самогон. Закусывали морожеными стерлядками; нарезали как колбасу и макали в соль. Тобольчане при этом обыкновенно применяют репчатый лук, но предложенный домовладельцем лук был отвергнут единодушно, — не позволяло кадетское воспитание. Воротынский, ему шел двадцать первый год, был моложе Хлебникова и в корпусе учился младше тремя классами, а званием оказался выше. Ничто однако не мешало их дружескому tet-a-tet, обоим было что рассказать: не виделись с лета 1914-го.

Известие о начале войны застало юного князя на Черном море в имении тетушки, где он проводил каникулы. Не раздумывая, в тот же день явился в Одесское военное училище, ближайшее к месту его вакации. Разумеется, столичный кадет был зачислен с большим радушием. Через год Воротынский вышел из училища в чине прапорщика.

В часть он прибыл в июне 1915-го, а уже в октябре 1916-го был произведен в штабс-капитаны, получив кряду три чина и семь боевых наград. Трижды был ранен и трижды возвращался в строй.

Личная храбрость князя была замечена командованием полка, затем командованием дивизии. Когда началось фор-

мирование ударных отрядов, девятнадцатилетний офицер был назначен командиром ударного батальона в составе Первого ударного отряда 8-й армии. Командовал армией пехотный генерал Корнилов. В июле 1917-го отряд отвели на постой в городок Проскуров, где переформировали в Корниловский Ударный полк. Вскоре полк был отправлен поездом, как предписывалось, в Петроград. Однако в Могилеве-губернском ударников выгрузили и расквартировали вблизи Ставки. Корнилов был там в статусе Главковерха. Целью его августовского похода на Петроград было свержение недееспособного Временного правительства и разгон все более краснеющих Совдепов. Корнилов планировал ввести военную диктатуру до созыва Учредительного Собрания. Но подвели железнодорожники, саботировавшие воинские предписания, и замитинговавшие казаки генерала Крымова.

Крымов застрелился, Корнилов и его соратники, в их числе и штабс-капитан Воротынский, были арестованы и заключены в Быховскую тюрьму. Генерал Духонин, объявивший себя Главковерхом, на свой страх и риск приказал их освободить. И был растерзан обольшевиченными матросами и солдатами. С того самосуда и пошла расхожая в будущей Красной армии идиома *отправить к Духонину*, когда решалась участь плененного белого офицера.

Корнилов бежал на юг, в Новочеркасск, — возглавить Добровольческое движение. Воротынский отправился на восток, в Тобольск, чтобы спасти государя, пусть и ценою жизни.

Поручик Хлебников спросил, знает ли его государь.

— Нет, не довелось представиться. Зато меня знает Великая княжна Анастасия.

— Вот как! Когда это ты успел?

— Когда лежал в лазарете имени Их Высочеств. Приходила навещать раненых. — Князь улыбнулся воспоминаниям. — Проку от нее как от сестры милосердия было мало, но рассмешить могла. Такая живая была девчушка, влюбиться можно!

— Да ты, брат, по-моему, и влюбился! — с прищуром заметил Хлебников.

— О чем ты, Юра! Она же была совсем девочка.

— Видел бы ты эту девочку сейчас. Шестнадцать лет, невеста!

— Вообрази, однажды мы с ней повздорили. Заспорили, чей род старше. Я говорю: «Историю надо знать: наш род древней вашего. Мы Рюриковичи, мой предок упоминается в «Борисе Годунове». — «Мои предки там тоже упоминаются!» — «Да, — говорю, — это так, но заметьте, мадемуазель: среди моих предков не было ни Кобыл, ни Кошек!» — Хлеб-

ников на это высказывание сдержанно улыбнулся. — «...А ваш, — говорю, — основатель рода Камбила Дивонович по крещении стал Иван Кобыла. За ним идет еще один Кобыла, Андрей Иванович, далее Федор Кошка, далее Иван Кошкин. Вот Мышкиных, — говорю, — точно не было. А уж Романовыми вы стали через поколение, с Романа Юрьевича Захарьина-Романова!»

— И что ж она?

— Из глаз молнии, ножкой топ! И выбежала из палаты. На следующий день является — личико кроткое, глазки в пол, голосок ангельский. Подходит к моей кровати: «Вчера я была не права и, более того, вела себя дурно. Пожалуйста, простите меня, Ваше сиятельство». Я говорю: «Что вы, Ваше Совершенство, какие пустяки, я на вас ничуть не сержусь!» — «Я хотела бы, князь...» — «Да, — говорю, — Княжна?» Тут мы оба не выдержали ролей, рассмеялись от всей души.

— Так что ж она хотела бы?

— Секрет.

— Полно тебе, Андрей!

— Хотела в знак нашего примирения подарить иконку своего святого.

— Подарила?

Князь расстегнул ворот. На гайтане с нательным крестиком висел серебряный образок.

— Слушай! А ведь это прекрасный пароль для связи!

Воротынский, кивнув, подтвердил догадку:

— Натали предъявит его при встрече с Анастасией. Было бы замечательно, если бы Княжна сыграла по нашим нотам...

О том, чтобы непосредственно Хлебникову вступить в тайные переговоры с государем, речь не шла: поручик находился под контролем солдатского комитета. Подпрапорщик Матвеев и его камарилья не спускали глаз ни в дневные, ни в ночные часы дежурства.

2

Запасной канал сношений — непосредственно с государыней — друзья придумали установить через ее камер-юнгферу Магдалину Францевну Занотти. Не знали, что такой канал уже существует — только не через саму юнгферу, а через двух юнгфериных компаньенок. Может, и к лучшему, что не знали...

Занотти жила на частной квартире, поскольку приехала позже основной группы, и все места в губернаторской резиденции, как, впрочем, и в доме купца Корнилова, были заняты. Юнгферу подселили к комнатным девушкам государыни, двум Анютам, Уткиной и Романовой. Вот через них-то,

скрытно от Магдалины, и наладил переписку с Её Величеством поручик Борис Николаевич Соловьев.

(Глеб поворошил свидетельства очевидцев. Соловьев, зять Распутина... Брак заключен в октябре семнадцатого, почти год спустя после смерти старца. Жену Матрену Григорьевну презирает, бьет, держит впроголодь. Что еще? Личность темная, отчетливо просматриваются лишь причастность к германской секретной миссии и тайное услуженье РСДРП: и тем и этим важно было иметь подле Романовых своего соглядатая. Алчен и беспринципен. Немцы всегда хорошо платили, да кое-что перепадало из большевистской кассы, и тем не менее беззастенчиво присваивал себе деньги, подчас немалые, передаваемые монархистами для Семьи...

Тип это уже три месяца околачивался в Тюмени, изображая связного между столичными монархистами и семьей. Ходил на станцию, как на службу, встречал прибывающие поезда, выявляя посланцев из Питера и Москвы. Затем обманом, подчас угрозами, подчинял себе. Несогласных сдавал властям.)

Воротынский столкнулся с ним сразу же по приезде. Когда в вокзальном буфете Соловьев как бы случайно обронил странную, похожую на погон картонку, князь — он в этот момент поправлял шнурки — машинально поднял ее и протянул владельцу.

— Ваше?

— Мерси, — поблагодарил тот. Спросил игриво: — Как вы думаете, что это?

Князь пожал плечами и отвернулся к буфетчику:

— Пару чая, любезный!

Картонка была удостоверением подпольной Всероссийской монархической организации. Полоски-лычки обозначали чин: чем их больше, тем выше занимаемое положение предьявителя. У Соловьева их было пять, — пятую пририсовал сам.

Воротынского картонка оставила равнодушным, в тайном обществе он не состоял. Получив свои чайники с заваркой и кипятком, сел за свободный столик. Должно быть, ангел-хранитель его был начеку и отвел опасность. Поручик потоптался и отошел ни с чем.

Александра Федоровна ничего компрометирующего Соловьева не знала и доверяла зятю покойного Друга слепо и безрассудно. К тому же молодой человек имел рекомендации самой Анечки Вырубовой.

Когда Занотти сообщила ей, что некто ищет встречи для важного разговора, Александра Федоровна насторожилась:

— Знаком ли он с поручиком Соловьевым?

Юнгфера пообещала выяснить.

Воротынский при встрече с нею ответил: нет, не знаком.

Пояснил:

— Знакомиться не вижу необходимости. Чем меньше посредников, тем лучше для нашего дела. Так и передайте Ее Величеству.

Занотти передала. Александра Федоровна нахмурилась: кто он, этот таинственный доброхот? Почему не знает и не хочет знать Соловьева?

Кем бы ни был, государыня сочла недостойным для себя вести двойную партию, — сама мысль об этом была ей глубоко противна. Вот если бы два этих человека объединились...

— Как зовут вашего протеже? — спросила она юнгферу.

— Штабс-капитан Фладунг, — отвечала Магдалина Францевна. В целях конспирации Воротынский назвался фальшивым именем.

— Не припомню этого имени... Предложите ему непременно снестись с Борисом.

— Хорошо, Ваше Величество.

— Если они поладят, я буду рада. Не поладят — ну что ж, придется этому Фладунгу отойти в сторонку. Как говорит пословица: от добра добра не ищут...

Ангел-хранитель князя и на сей раз оказался на высоте — устами Хлебникова отсоветовал связываться с Соловьевым:

— Ходят слухи, что зять покойного старца совсем не тот человек, за кого себя выдает. Да и к тому же Соловьев в Тюмени, значит, надобно выезжать в Тюмень. Это лишний риск и потеря времени. А времени у нас в обрез.

Таким образом, связь с государем через государыню посредством горничной Магдалины Францевны оборвалась, не успев возникнуть.

Были еще два лица, два добровольных узника, имевших право свободных перемещений: гофмаршал Двора Василий Александрович Долгоруков и генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев. Однако вступить с ними в прямой контакт не удалось: в прогулках по городу их неотступно сопровождали клеветы подпрапорщика Матвеева.

Оставалась только Анастасия. Если она доверится Натали. И княжна доверилась. Да и как не довериться, если образок, предъявленный ей здешнею барышней, был приветом от милого князя Андрея, ее знакомого по Царскосельскому лазарету.

3

Политическая обстановка в стране все более накалялась. С востока к Уралу шло белое войско в соединении с белоче-

хами, с севера нависал русско-английский флот, на юге поднимались казаки — оренбуржцы, уральцы, терцы, донцы, и к ним, на юг, под знамена генералов Алексева и Корнилова, стекалось русское офицерство. Немцы, недвольные результатами Брестского мира, снова активизировались на Северо-западе, наступали на Петроград, а в Киеве посадили править гетмана Скоропадского. Советская власть, наспех скроенная, сшитая на живульку, ехала по всем швам. Если бы организм вождя мог воспринимать алкоголь, он непременно запил бы. Но этой отдушины Ильич был давно лишен и в отчаянье объявил поделщикам: игра зашла в тупик, крах революции неизбежен. Большевистская, по сути своей безродная, верхушка, вожделея властвовать на Руси, владеть ее природными и человеческими ресурсами, вряд ли подозревала, что ее лозунги о всеобщем счастье западут в души простых людей и будут восприняты как христианская объединяющая идея. А люди уже уверовали в нее и простодушно потребовали ее реального воплощения. В ответ получили пшик. Начались волнения, восстания и мятежи.

Большевики, оторопев от неожиданности, ужаснулись, стали лихорадочно предпринимать защитные меры: казнить, сажать и ссылать семьями, дабы выбить из умов глупые упования. По указанию Ильича, оправившегося от нервного срыва, взялись немедля перекраивать массовое сознание на беззаветное, жертвенное («И как один умрем!») повинование. И это опять роковым образом совпало с догматами православия о смирении, всепрощении и Господней воле.

Так была узурпирована идея веры. Преуспевши в этом, большевистская клика почувствовала себя в относительной безопасности. Главное, вовремя отстреливать сомневающийся и послушников. Вот уж воистину, козь мужику втемяшится в башку какая блажь, колом ее оттудова не вышибешь!.. Его — в лагерь, а он и там, за колючей проволокой: «Да здравствует революция!» Его — к стенке, а он свое: «Свобода, равенство, братство!» и прочее, что въелось в сознание, как кузнечная копоть в поры...

И все же на душе у Ленина скребли кошки. Срочно надобно было что-то решать с Романовыми, ни о каком всенародном публичном суде над ними уже не могло быть речи...

Немедленно из Екатеринбурга, под предлогом навестить престарелую мать, прикатила местная уроженка, большевичка товарищ Таня (Наумова), а к ней, под видом жениха, — товарищ Павел, бравый матрос Балтфлота Павел Данилович Хохряков. Прибыл из того же Екатеринбурга, куда ранее был прикомандирован ЦИКом...

(Глеб поднял материалы по Хохрякову.) Родился в 1893 г. в деревне Хохряки Вожгальской волости Вятской губернии. Батрачил. В начале Первой мировой попал на линкор «Император Александр II» учеником машинного класса. Позже произведен в кочегары 1-й статьи, затем в кочегарные унтер-офицеры. В дни февральской катавасии — разъездной агитатор флота. Портрет: резко очерченное лицо, курнос, усат, глаза серые.

Ячейка подпрапорщика Матвеева, связанная круговой порукой, поклялась расстрелять Николая в случае белого мятежа. Чтобы не допустить бегства царя в Обдорск, из Надеждинска в Берёзово устремилась группа красногвардейцев. Группа эта, крайне подозрительного вида, была тут же арестована и посажена до выяснения личностей под замок.

Вторая группа перекрыла тракт Тобольск—Ишим. Эта повела себя вообще разнузданно и подверглась обструкции от крестьян: прогнали палками, двоих вовсе лишили жизни. Третья, самая многочисленная, в составе более ста человек, пришла из Омска.

Этим отрядом командовали комиссары Демьянов и Дегтярев, наделенные полномочиями Западно-Сибирского Совдепа. Один — недоучившийся семинарист, другой — племянник бывшего губернатора, с гимназической парты известный крайним монархическим настроением. В Тобольске его хорошо помнили и сейчас же сделали вывод, что гимназист и семинарист приехали не иначе как увезти государя и государыню за границу. В разговорах называли Англию и Японию.

Вывод оказался ложным. Отряд хотя и не произвел ни одного обыска, ни одной конфискации, никого по красному обыкновению не поставил к стенке, однако же разогнал остатки либерального двоевластия, в том числе суд, земскую и городскую управы.

В председатели исполкома Совдепа 9 апреля 1918-го был избран Павел Данилович Хохряков. Дебаты в Народном доме по его избранию были не лишены интриг и частично рукоприкладства. Забиякой в прениях по выдвинутой кандидатуре выступил Артемий Павлович Дуновенский:

— Уж коли речь идет о выборе высшего руководства города, хотелось бы задать кандидату пару вопросов. Ибо все общество заинтересовано, чтобы у кормила власти был достойный кормчий. В связи с этим у меня вопрос к товарищу Хохрякову. Скажите, Павел Данилович, кто автор «Коммунистического манифеста»?

— Известно, кто, — отвечал боевой матрос. — Товарищ Ульянов-Ленин!

— Bravo! — похлопал в пухлые ладошки Антон Минаевич. — Может быть, тогда подскажите нам, какими словами начинается «Манифест»?

Хохряков поскреб в затылке, воззрившись на потолок. Степан Заборов, пробираясь к трибуне, подал ему знак к молчанию. Матрос напряженно думал. Так ничего и не придумав, сказал сконфуженно:

— После контузии память чтой-то сбоят...

— Напомнить вам эту пропись? — Глаза Поцелуева утонули в ехидных складках.

— Ну, валяй.

— Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма.

— Ка-ак? Чтобы Ильич про призраков сочинял?! Да за такой поклеп... я тебя лично в расход пушу, не сходя с этого места!!

Пальцы матроса нашаривали застежку на кобуре маузера.

— Павел, ша! — успел выкрикнуть Заборов.

— Ты чего, Степа?

— Замри! — Заборов вскарабкался на сцену. — Товарищи! Депутат Поцелуев прав. Ильич не писал о призраках! Не он написал и «Коммунистический манифест»! Кому из вас, солдат, крестьян и тружеников станка, это известно? Подымите руки! Раз, два! И обчелся! О призраке коммунизма написали товарищи Маркс и Энгельс! — Заборов мазнул рукавом по бургистому, вспотевшему от усилий лбу. — Товарищи! Мы постигли теорию коммунизма с бою! И было нам не до книжек! Слышите? И нашему товарищу Хохрякову тоже! Так что...

— погоди, Степан, — оттеснил его Хохряков. — Я сам за себя скажу! Братишки! Боевые кровные друзья! Сейчас вы видели своими расширенным глазами, как был опозорен матрос Хохряков — любимец Балтики! Вы видели, как меньшевицкая гнида уличила меня в невежестве! И я обливаюсь горячей пролетарской слезой от стыда и позора. Братва! Я всасывал науку классовой борьбы с молоком матери. Всего три года я обучался грамоте, два класса церковноприходской школы и курсы на корабле. Господин Поцелуев изучает науки всю жизнь. Но он только лишь научился играть словами, как ребенок играет спичками. Подальше от огня, господин Поцелуев!

По выдворении из зала меньшевистских фракционеров Хохряков был избран единогласно. (Чтобы избежать описания его деятельности в новой должности, Глеб обошелся историческим документом.)

«Довожу до сведения, что мною накладывается контрибуция в размере 2 (двух) миллионъ рублей на купцовъ и

капиталистовъ города Тобольска, изъ которыхъ 1-нъ миллионъ пойдетъ на содержание отрядовъ Красной гвардии и 1-нъ миллионъ въ распоряжение Совета рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Раскладка падаетъ на следующихъ толстосумовъ: Тарыгин С.Н., Курицын Ф.Н., Фурдеев М.И., Домрачев В.В., Сизых К.К., Угаров Т.Д., Механюшин В.Р., Южалкин С.В., Тищенко Х.З., Кадочигов Е.Н., Байсарьян Т.О., а также Соломон Шкиндр.

Отдельно оповещаю, что производить обыски, аресты, реквизиции и пръ. имеютъ право лишь те лица, у которыхъ есть ордеръ съ печатью военнаго комиссара. Лицъ, не имеющихъ такового, приказываю задерживать и препровождать въ штабъ, где они будутъ разстреливаться въ два счета.

Предсовдепа *П. Хохряков.*

Скрепиль и верно: *Степанъ Заборовъ*»

Глава двадцать третья

1

Тени прошлого сновали в воображении, возникали и вновь уходили в тень. Что он знает о личных запутанных отношениях, связавших накрепко, в перехлест судьбы Ерофея и Натали, Анастасии и Воротынского? Или Воротынского и Натали? Или, еще невероятней, Ерофея и Анастасии?!

Глеб отодвинул пишущую машинку, взял ручку и чистый лист.

Бабушку мою звали Евдокия Меркурьевна. В 1970 году у них с дедом была золотая свадьба. Это значит, что сошлись ни в 1920-м... В 1970-м я возвращался из поездки в Новосибирск и нарочно завернул в Юраши на это семейное торжество. Была осень, ноябрь, во всяком случае, снег уже лежал... Получается, что в восемнадцатом году свадьба Ерофея Елахова и Натали Угаровой не сбылась? Почему они пожертвовали своей любовью?..

— Глеб Сергеевич! — позвала Филиппия. — Вас к телефону!

Глеб с сердцем отбросил ручку.

— ...Приезжай! — услышал он голос своего издателя.

— Что случилось?

— Приезжай сегодня же! И чем скорей, тем лучше!

Положив трубку, Глеб спустился с хозяйской кухни. Филиппия сидела на крыльчке с растрепанным сизарём в подоле и то ли привязывала, то ли отвязывала грязный шнурок на его лапке.

— Какие-то изверги привязали, — всхлипнула она. — Пытаюсь вот отвязать.

— Эту лапку он, кажется, потерял... — Глеб слегка потянул шнурок, и тот легко отделился вместе с тремя скрюченными фалангами.

— Что вы наделали! — ахнула девушка.

— А вы посмотрите на культяпку. Заросла кожей, практически сформировалась.

— Вы настоящий Базаров, вам бы лягушек резать.

— Зачем? Лягушек надо тушить в кисло-сладком соусе. Мясо вкусней куриного. Никогда не пробовали?

Филиппия посмотрела на него с ужасом. В глазах мелькнуло запоздалое подозрение: уж не ты ли, любезный друг, слопал мою лягушечку, забравшуюся, помнится, в сарай в день твоего приезда?

— Филя, я должен ехать в Москву.

— Да-да, я уже поняла... Как вы думаете, может, ему костылек привязать?

— Голубю? Протез, в смысле? Привязывать ничего не нужно, иначе опять некроз. Ну, пока?

— Пока. Не забудьте замкнуть калитку.

Смахнув слезу, Филиппия ссадила голубя на дорожку. Пернатое отряхнулось и деловито заковыляло к компостной куче.

От скуки девушка решила прибраться у квартиранта. В укор ее холостяцкому беспорядку, все тут висело, стояло и лежало на своих местах. Провела пальцем по столешнице: ни пылинки. Полюбовалась на разноцветного мотылька, уснувшего на краю пепельницы, похожего на миниатюрный полураскрытый веер.

Внимание привлек подсунутый под машинку лист.

...свадьба Ерофея Елахова и Натали Угаровой не состоялась. Почему они пожертвовали своими чувствами? Во имя чего, ради какой цели?... Неужели ради спасения А.Н.Р.?

Заинтригованная Филиппия прочла запись целиком. Ах вот для чего он расспрашивал о бабушке Филимоне! Пишет роман о моих предках! Не в силах сладить с распирающим любопытством, воровато заглянула в стол. На верхней папке стояли цифры: 1917—1918. И ниже, крупно: ТОБОЛЬСК.

Вытащила, развязала тесемки и сразу наткнулась на родное имя:

Натали Угарова.

«...с раннего детства Натали была настолько хороша собою, что многим казалась неземным созданием, столь совершенны были ее черты. Она и сама знала, как она хороша, и привыкла к сознанию своей исключительности... ЧП в Мариинке (*гимназия*): укусной эссенцией отравились две ее

соученицы, решившие, что жить на свете и не обладать такою же красотой нельзя»...

Сердце Филиппии взволновалось и умилилось. Как жаль, что у нее нет фотографии Натали!.. Еще страницы, соединенные канцелярской скрепкой. Опять рукописный подзаголовок: Снегопад, святки, тайная встреча Ерофея и Натали.

Эти страницы Филиппия читала с трепетом.

«...он больше не мог мучиться ожиданием и как-то под вечер прокрался в пригон Угаровых. Кони фыркали и косились на чужака, но вели себя добродушно. Звездочка, серая в яблоках лошадь девушки, соблаговолила принять горсть овса из его ладони; губы у нее были теплые и мягкие, как уточный бархат. Он почесал лошадь за ухом, расправил челку. Звездочка положила голову ему на плечо... Натали в распахнутой шубейке, космачом, вошла в конюшню, углядела притаившегося Ерофея.

— Пришел... — Ерофей молчал. Щеки распирала улыбка. — А папаша моего не боишься?..

— Не боюсь.

Его словно бы окунули в воду и держали так, и он задыхался, прощался с жизнью, а говорил и действовал за него другой — отчаянный и спокойный. Этот другой опустился перед ней на колени, прижался к ее ногам.

— Не нужно, — смутилась девушка.

— Почто, жар-птица? — Ерофей вскочил, приблизил к ней яростное, счастливо преобразившееся лицо.

— Красив... — как бы даже удивилась она. — Ты всегда такой?

— Не знаю... У нас зеркалов нету.

— Дарю. — Натали вытащила из кармана маленькое девичье зеркальце в золотой оправе. Ерофей быстро сунул подарок за пазуху. — Ты укради меня! — прошептала она, обжигая его дыханием. — Подгони тройку и умчи куда-нибудь за три моря!

— Наташка-а! — послышался зов Трофима Дементьевича.

Натали отстранилась резко, шагнула во мглу и снег. Ерофей постоял, покачиваясь, пережидая, пока схлынет слабость в ногах, и задом выбрался в переулочек...»

Филиппия читала и живо представляла себе теплую темноту конюшни, коней, мирно хрумкающих овес, шепот влюбленных, которым почему-то не суждено быть вместе. Сначала она только просматривала рукопись, выискивая их имена, но потом машинально села. Мотылек давно проснулся и упорхнул, а она все читала и не могла оторваться.

В издательский дом «Контакт» Глеб приехал в обеденный перерыв. В коридоре офиса повсюду валялись какие-то бумаги, мусор и даже раздавленные окурки.

— Уборщица забастовала! — бросил раздраженно Искорин. — Потребовала, видите ли, прибавки! — Опять он был взерошен и опять небрит. — А сотруднички гадают, как у себя дома!

— Зачем звал-то? — спросил Глеб сочувственно.

— Затем! Вместо того, чтобы читать заказанную тебе — в прошлом году еще! — рукопись, я устраиваю твои дела!

— Какие мои дела ты устраиваешь?!

— Такие! Приходила твоя Валерия, закатила скандал. Потребовала денег на свое содержание.

— От тебя?!

— От тебя! Отчислений из твоих гонораров.

— Бред. Она же не инвалид и не пенсионерка. Ну, отчислил, что ли?

— С чего? С каких твоих гонораров? Аванс тебе давно выплачен. Когда будет окончательный расчет, никто не знает, ни я, ни ты. Потому что тянешь с рукописью!

— Да послал бы ее, — пробурчал виновато Глеб, — в чем проблема-то.

— Проблема у тебя, а не у меня, и не одна, а целых три!

Глеб уселся верхом на стул:

— Я вас слушаю, Виктор Дмитриевич.

— Ну, нахал... — Искорин сел за стол, залпом выпил чашку с каким-то пойлом, успокоился и сунул Глебу большой конверт.

Сперва вытаснилось послание из государственного, тихо помирающего издательства, где в начале года у Глеба вышел его многострадальный сборник. Директор настоятельно предлагал забрать со склада не реализованную часть тиража — около девяти тысяч экз., и продавать книги приватным образом, разумеется, с последующим возмещением издательству их отпускной цены. Тем самым автор смог бы упрочить свое материальное положение и помочь издательству избежать убытков. В противном случае издательство будет вынуждено вывезти книги на свалку, с тем, чтобы не платить за аренду склада.

— Читал? — подавленно спросил Глеб. — Что ты об этом думаешь?

— Торговать книжками у тебя нет времени. Пусть вывозит на свалку.

— Вот так, да?

— Да, так! Куда и как ты их заберешь? Допустим, ты забрал. А куда поместишь? У тебя даже угла своего нет! Но допустим, ты нашел место. Ты что-нибудь смыслишь в торговле книгами? Не смылишь. Заметь, целое издательство с его сетью реализации не смогло распродать тираж. А один розничный книгоноша сможет?

— А твой издательский дом не смог бы?

— Не смог бы! Кто слышал о твоём сборнике? Узкий круг твоих знакомых, к тому же привыкших получать книги даром с твоим автографом. Нужна раскрутка, а это очень дорогое мероприятие, таких денег у тебя нет.

— Но, Витя, девять тысяч книг на помойку..

— Неликвидный товар, — пожал плечами Искорин. — Что ж ты хочешь, законы рынка.

Глеб замолчал, снова раскрыл пакет. Следующим вложением была повестка на расторжение брака и раздел имущества.

— Это вторая твоя проблема, Глеб. Кстати, вполне решаемая, детей у тебя с Валерией нет, разведут легко. Даже в твоё отсутствие. То же самое с дележкой собственности. Все шансы отсудить половину. Что там у вас в совместной собственности: вилла, яхта, лимузин?

— Там у нас двухкомнатная кооперативная квартира.

— Ну, половина квартиры, считай твоя. Но все тот же вопрос: есть ли у тебя время на это?

Глеб тяжело вздохнул.

— Правильно, времени у тебя нет.

— Желания у меня нет, Витя..

— Странный ты тип, Елахов! Из двух зол всегда выбираешь последнее..

Последнее вложение — срочная телеграмма из Юрашей: «Бабушка тяжело больна тчк Сашка».

— И это — самая большая твоя проблема, Глеб.

— Можно от тебя позвонить в Юраши?

— Звони.

Трубку снял Сашка.

— Что говорят врачи? — спросил у него Глеб.

— Ничего хорошего.

— А если её привезти в Москву?

— Бессмысленно. Только мучить..

В прошлую побывку Глеб встречался с участковым врачом Агнии Алексеевны и в общих чертах знал о её болезнях.

— Сердце? — спросил он сына.

— Легкие.

— Легкие? — переспросил Глеб с тайной надеждой, что,

быть может, у матери банальная пневмония, пусть и опасная в ее возрасте, пусть хоть туберкулез, это теперь излечивается... — Что у нее с легкими?

— Приезжай, узнаешь, — закруглил разговор Сашка.

— М-да, — сказал Глеб, положив трубку. — Вот, черт...

— Билет до Кургана я тебе забронировал, — сухо сказал Искорин. — Ближайший рейс завтра, вылет в пятнадцать тридцать. Держи, это номер заказа.

— Спасибо, Витя!

— Не надо мне твоего спасибо! Мне нужна рукопись!

— Возьму машинку с собой. И кое-какие материалы.

— А как же суд и раздел имущества?

— Подождет.

— Что будем делать с книгами?

— Спасать. Помещу у Зыскина. Вопрос в транспорте. У тебя, кажется, есть «Газель». Дашь?

Искорин, выдержав паузу, проговорил нехотя:

— За бензин вычту из твоего гонорара.

— Без вопросов.

— Склад работает до восьми. Звони своему абстракционеру.

Грязный Додя пребывал в расхлябанных чувствах, разговор начал с горькой жалобы на супруга:

— Ньюмба бросил меня, ушел к какому-то гаду из Со-мали.

На просьбу поместить книги на чердаке отвечал безучастным голосом:

— Да делай что хочешь...

— Не убивайся так-то уж, — сказал Глеб. — И вообще радуйся, что Ньюмба тебя не съел. А мог.

В ответ Зыскин невнятно пробормотал что-то, похоже, всхлипнул.

Книги они разместили в техническом закутке у Доди на чердаке. Благодаря предусмотрительности Искорина, оформлени-е договора на реализацию и вывоз прошло без обычной бюрократической волокиты. Трудность была в погрузке и выгрузке: шестьсот упаковок, по двести на человека (таскали вдвоем с водителем). Не подключись Зыскин, вспомнивший, должно быть, что труд излечивает печали, неизвестно, сколько бы времени угибались. К десяти вечера с книгами было покончено, Глеб отправился в Салтыковку.

В электричке его сморило, чуть не проехал мимо. Кое-как доплелся до своей дачи. Плечи налились тяжестью, руки дрожали. Отпирая замок в калитке, чудом не уронил ключ. Если бы уронил, пришлось бы лезть через забор, а на это сил уже не было.

Филиппия, несмотря на поздний час, не спала. Да и как бы она уснула, приняв решение соединить свою жизнь с Глебом. Она ждала его весь этот долгий день, и весь этот долгий день ее бросало то в жар, то в дрожь. Случай, по воле которого он снял угол именно у нее, был отнюдь не случай, а знак судьбы, ибо таких случайностей не бывает даже по теории вероятностей. Наши предки, Ерофей (ее немного коробило это имя) и прекрасная Натали, не стали единым целым. Что ж, это сделаем мы, их непосредственные потомки. Божий замысел должен осуществиться! Ну, где же ты, Глеб? Почему тебя нет сейчас же, сию минуту? Глеб, милый, приди, сердце мое разрывается в ожидании...

То и дело она припадала к зеркалу, охорашивалась и всякий раз убеждалась в своей сногшибательной красоте. Наконец из комнаты Глеба донеслись какие-то звуки. Она выскочила во двор и, взбежав на его крыльцо, постучалась.

— Глеб? Можно войти?

Ответа не последовало, но дверь оказалась не заперта, и она вошла. Постоялец сидел поперек кровати, привалившись спиной к стене; глаза закрыты, ноги почему-то в одном ботинке.

— Шестьсот... пачек... — пробормотал он сонно.

— Что? — переспросила она шепотом.

Постоялец не отвечал.

Восхищаясь своей решимостью, она сняла с него и второй ботинок, поколебалась, стащила джинсы. Затем укрыла одеялом и потушила свет.

И осталась. Сперва сидела у изголовья, но в конце концов сон сморил и ее, и она примостилась рядышком.

Глеб проснулся в седьмом часу. Увидев на подушке ее лицо, отпрянул от неожиданности. Филиппия, сладко посапывая во сне, повернулась на другой бок, что-то пролепетала.

Глеб замер, девица продолжала спать.

Осторожно он сел. Одеяло при этом слегка откинулось — Филиппия оказалась в вечернем платье, с украшениями на руках и шее. Он же был без штанов.

Как девушка появилась здесь, Глеб решительно не мог вспомнить. Зато мышцы напомнили о вчерашнем, заняла тотчас спина, и он со стоном откинулся на подушку.

Филиппия вскочила:

— Что вы здесь делаете?!

— А вы?

Девушка зажмурилась, помотала головой, все вспомнила и смутилась:

— Ой, простите меня, пожалуйста...

— За что? — галантно склонил он голову. — Сдается, мы провели несколько чудных часов вместе. Жаль только, что самое интересное я проспал.

— Жаль?!

— Нечего будет вспомнить.

Филиппия рассмеялась. Ей сделалось необыкновенно легко, воздушно. Она была благодарна судьбе за то, что ночью ничего между ними не произошло, несмотря на ее отчаянные намерения. Да, провели ночь рядом, но без интимной близости. Да, она раздевала его, и это смело для незамужней девушки, но на большее, увы, не хватило пороку. Так, может, оно и к лучшему?.. Ведь неизвестно, что бы она сейчас испытывала и как бы сейчас себя чувствовала...

Через полчаса они пили чай и мирно беседовали о его спасенных книжках и о неотложной поездке к матери. Филиппия сочувствовала всем сердцем. Потом повинилась, призналась в том, что, желая протереть ему стол от пыли, нечаянно заглянула в рукопись, зачиталась, и до сих пор преисполнена впечатлениями.

Глеб поморщился:

— Это нехорошо. Все равно, что подглядывать.

— Но, знаете, читается так легко!

— Что легко читается, — невесело усмехнулся он, — то очень трудно пишется.

— Вы спасли девять тысяч книг. И не догадались привезти хоть бы одну!

— Догадался. Привез. Целую упаковку.

— Так подарите же!

Глеб вытащил из пачки экземпляр, надписал: «Ф.С. Угаровой с наилучшими пожеланиями от автора».

— И это весь автограф?! — Она ожидала большего.

— По-другому не умею, увы, не мой жанр, Филя...

И стал укладываться в дорогу.

Филиппия провожала его до станции, невзирая на дождь и ветер. По дороге оскальзывалась на грязи, два раза чуть не упала. Глеб взял ее под руку.

Когда он уже входил в вагон, вложила в карман конвертик:

— Прочтите в самолете.

Он прочел ее послание в электричке.

«Натали и Ерофею не было суждено быть вместе. Ну что ж! Это сделаем мы, их непосредственные потомки! Возвращайся скорей, милый».

— Вот так номер, — пробормотал Глеб.

Надо еще хорошо подумать, возвращаться ли в Салтыковку.

Сашка встретил отца в порту, что было у них не принято и что лишней раз подтверждало самые худшие опасения.

— Так что у бабушки с легкими? — первое, что спросил Глеб.

И услышал — как обухом по голове:

— Канцер.

— Рак?!

— Неоперабельный, — кивнул Сашка.

Глеб посмотрел в заострившееся лицо сына и не мог понять, что мешает его привычному восприятию. И, наконец, понял: усы. Светлые. Подстрижены аккуратно...

— Хм, — сказал он оценивающе, — теперь про тебя не скажешь: ветеран безусый.

— Нет, — подтвердил без улыбки Сашка.

На автостоянке их ждал ушастый «Запорожец» со знаком ручного управления на стекле. Водитель, молодой парень, приветливо поздоровался с Глебом, откинул спинку переднего сиденья.

— Ты, Сашка, влезай на заднее. Глеб Сергеич со мной сядет. Ему на заднем тесновато будет.

Сашка влез.

Глеб сел рядом с водителем, внимательно посмотрел на него, наморщил лоб:

— Ты Колян или Вован?

— Я Иван, — улыбнулся тот. — Как долетели, Глеб Сергеич?

— Нормально...

— Главное, почти по расписанию, — сказал Сашка. — Что по нынешним временам — редкость.

Иван включил зажигание и спросил:

— Как поедем?

— Давай через центр, — попросил Глеб.

— Добро.

Некогда центральная часть Кургана поражала обилием парикмахерских, фотографий и юридических консультаций. У приезжего человека невольно складывалось впечатление, что местные жители только и делают, что стригутся, фотографируются и затем судятся. Теперь в глаза назойливо лезли вывески шопов, баров и казино, — так что теперь можно было предположить, что, навертев кудрей, сфотографировавшись и состряпав хитроумную апелляцию, аборигены дружно отовариваются спиртным, табаком и жвачкой (по словам Ивана, ничего другого в этих шопках не продают) и пускаются во все тяжкие, перемещаясь от стойки к стойке, от зеленых сто-

лов к колесу рулетки — до окончательного падения. Патриархальные фасады пестрели также анилиновыми заплатами с названиями фирм, компаний, акционерных обществ — в ногу со временем — исключительно на латинице. Ни дать, ни взять зашифрованные медицинские обозначения неких неизлечимых заболеваний...

Между тем миновали город и выкатили на Сибирский тракт. Открылась степь, и тут же потянулись леса — хвойники, березняки, осинники. И снова степь, камыши, озера...

Въехали в Юраши; за переездом Сашка попросил Ивана притормозить.

Глеб вылез, чтобы выпустить его из салона.

— Надо зайти в сельпо, — объяснил остановку сын, и это его растрогало: в их семье только он, Глеб, называл так продуктовые магазины — и в Москве и всюду. Полез было за бумажником, но Сашка прижал его руку к карману:

— Не суется. Я уже большой.

Вернулся он с пузатым пластиковым пакетом.

Наконец подкатали к родной усадьбе. При виде покосившегося домишки деда у Глеба стеснило сердце. Здесь прошли его детские и юношеские годы, отсюда он уходил во взрослую жизнь...

Со временем, когда подросли многочисленные кузены, жить в этом маленьком пятистеннике сделалось физически невозможно. На семейном совете было решено ставить новый просторный дом, благо, территория позволяла. Дом был готов к влазинам, когда оказалось, что жить в нем, кроме Агнии Алексеевны, некому. Старики не захотели покидать старое насиженное гнездо, Глеб укатил к тетке Инне, которая незадолго до того вышла замуж за тюменского деятеля-волонтериста, дядя Петр со всем выводком перебрался к теще на Украину, дядя Павел получил квартиру от поссовета. Недолго и пожил в ней, умер от заражения крови, — детки разлетелись по всей Сибири.

Потом старики сошли один за другим в могилу, и домик их опустел, обветшал и выглядел умирающим.

— Всё собираюсь на дрова пустить, — угадал его мысли Сашка, — да руки не доходят.

— А если... — начал Глеб.

— Восстановлению не подлежит. Грибок.

Вошли в материнский дом. Всё здесь сияло казарменной чистотой, — нигде ничего лишнего. Весь в меня, умилился Глеб и подумал, что Зыскину тут явно бы не понравилось.

— Умойся с дороги, и едем к бабушке, — распорядился Сашка.

Поехали к Агнии Алексеевне. Больница была на краю поселка. Двухэтажная, старенькая, с облупившейся штукатуркой.

Елаховы поднялись на второй этаж.

— Ну, слава Богу! — встретила их дежурная медсестра. — А я звоню вам, звоню, никто трубочку не снимает.

— Что, так плохо? — помрачнел Сашка.

— Чуть не упустили вашу бабулю! Успели летический укол сделать. У нее сильнейшая интоксикация и, как следствие, высокая температура! Сейчас тридцать семь и пять, в общем, сбили, но не знаю, надолго ли...

Она провела их в палату для умирающих. Там, кроме Агнии Алексеевны, лежала еще старушка, похожая на нее как восковая копия.

— Девчата! — бодро пропела медсестра, — к вам при-шлии!

Агния Алексеевна открыла глаза, прищурилась.

— Сынок... Приехал... Какой ты молодец, что приехал.

— А то! — сказал Глеб, коснувшись губами ее щеки. — Собирай манатки, пойдем домой.

— Какие тут у меня манатки? Тапочки да бокальчик.

— В хозяйстве всё пригодится, — выступил вперед Сашка. — Тебе помочь или сама оденешься?

— Сама, — приободрилась Агния Алексеевна. — Выйдите на минутку.

Медсестра принесла рецепты, обстоятельно объяснила, в какие часы и что принимать больной.

Когда Агния Алексеевна позвала их, Глеб ахнул: до чего ж она исхудала! — халат висит, как пустой, и даже ростом сделалась будто меньше...

Сын и внук переглянулись, сцепили руки стульчиком.

— Садись и держись крепче! Помчим с ветерком!

— Только не уроните, — улыбнулась Агния Алексеевна.

— Слышь, подруга, — прошелестела соседка, — помираться где будешь? Дома али сюда воротишься?

— Пока не решила, Карповна. Но дома, пожалуй, лучше.

— Ну, тады прощай, милая...

— Прощай и ты. Не поминай лихом.

Внизу, во дворе больницы, стало ясно, что, не причинив неудобств Агнии Алексеевне, утомленной (хотя и на руках) спуском, всем в салончике «Запорожца» не поместиться. Сашка пошел пешком.

— Ванечка, ты уж вези небойко, — попросила Агния Алексеевна, — все косточки изболели. Отъездила баба Ага...

Сашка появился одновременно с ними: шел напрямик, а они добирались через переезд.

Обедать решили в большой комнате; придвинули стол к

постели Агнии Алексеевны, обложили ее подушками. Глеб и Сашка сели на табуретки, Ивана усадили в кресло. Отцу и приятелю, помимо закусок, Сашка положил по здоровенному куску мяса (достал по блату), бабушке — овсянку на молоке, перед собой же поставил тарелку с чем-то похожим на винегрет. На недоумевающий взгляд отца ответил коротко:

— Постный день.

— Ты что, в верующие записался?

— В верующие не записываются.

— А как?

— Долго объяснять, батя.

— Да крестился он, — просто сказал Иван.

— А ведь ты тоже крещёный, сын, — сказала Агния Алексеевна.

— Правда, что ли? — заинтересовался Глеб.

— Правда. Бабушка окрестила в сорок втором, когда твой отец погиб. С религией тогда строго было. Евдокия Меркурьевна от меня крестины твои скрывала до самой смерти.

— Хорошо, что предупредила, — огорчился Глеб. — А то бы я оскоромился.

— Да пей на здоровье, — усмехнулся Сашка. — Вам с Ванькой можно: вы невоцерковлённые. Мне — нельзя.

— Это мне нельзя, — вздохнула Агния Алексеевна. — А Глебу можно. Карповна сказала, сегодня разрешаются вино и елей.

— Елей — это закуска, что ли? — скривился Иван.

— Елей — это оливковое масло, неуч, — сказал Сашка. — А твоя Карповна не ошиблась, ба?

— Загляни в свой календарь-то.

— А ведь точно, — повеселел он. — Наливай, Ванька! Мне белого.

— Есть, командир! Может, всё же водочки?

— Сказано в Писании: вино и елей.

— А водка всегда и звалась вином, — заметил Глеб. — Белым. Иногда — зеленым. Зелено-вино по усам текло.

— Так и знал, что уговорят! — рассмеялся Сашка. — Ну что, за встречу?

— За встречу, ребяташки дорогие! — Промокнув глаза, Агния Алексеевна чокнулась со всеми бокальчиком с газировкой.

Глава двадцать четвертая

1

Человеческий глаз устроен таким образом, что отражение окружающего мира попадает к зрительному нерву в перевернутом виде. Однако силою разума человек не допускает оп-

тического обмана и видит предметы в том положении, в каком они находятся в действительности. Точно так же Николай не верил заверениям приехавшего в Тобольск московского комиссара Яковлева о том, что тот уполномочен доставить его в Москву для определения нового места жительства.

— В Ливадии или в поместье брата? — усмехнулся царь.

— Уведомим. Всему свое время, — туманно ответил Яковлев.

Николай понял, повезут убивать. Судя по обрывочным сведениям в газетах, политическая ситуация складывалась не в пользу большевиков, и он становился нежелательным элементом в тылу России. Он не знал только, расправятся ли с ним в дороге, инсценировав нападение анархистской банды, или в Москве, после демонстрации народного возмущения.

Александра Федоровна не была столь проницательна, как ее супруг. Для себя она сделала однозначный вывод: большевики хотят узаконить подписью Николая позорное Брест-Литовское перемирие. Раз Николай объявлял войну, он же и должен заключать мир. Для Антанты он по-прежнему союзник и символ власти. Кто принимал его отречение? Временный комитет. Но ни Временного комитета, ни Временного правительства ныне не существовало, как и Учредительного собрания. Из сего следовало, что принятый временщиками акт недействителен, и, значит, подпись Николая не утратила легитимности. Однако манипулировать бедным Ники она никому более не позволит. О решении сопровождать супруга Александры Федоровны объявила со всей твердостью, на какую была способна. И комиссар Василий Васильевич Яковлев, после сношения с Москвой по телеграфу, дал согласие. Легкость, с какою он дал согласие, настораживала. Впрочем, это мимолетное чувство тут же и улетучилось; главное, что она будет рядом с Ники и не допустит с его стороны опрометчивого поступка, как это уже случалось, когда ее рядом не было.

В своем предположении о том, что большевики хотят использовать государя, Александра Федоровна несколько не ошибалась, но цель их была иная. Позорный мир с немцами был уже подписан, и переменять подпись под ним не имело смысла. Смысл затеи был в том, что немцы хотели бы повенчать на русский престол малолетнего цесаревича Алексея и, управляя им, завладеть громадными ресурсами России, необходимыми для успешной войны с Антантой. Большевики скрипели зубами, но вынуждены были уступить: немецкие пушки, в нарушение Брестского договора, грохотали уже на советской территории; генерал Гофман вышел к самому Пет-

рограду и представлял не меньшую, а, пожалуй, бóльшую угрозу советской власти, чем внутренняя контрреволюция.

Москве потребовался царь с наследником. Увы, появились слухи о тяжелом состоянии Алексея. Вскоре информацию об этом подтвердила окопавшаяся в Тюмени немецкая агентура. Когда и Свердлов прознал, что цесаревич тяжело болен и, следовательно, нетранспортабелен, затея отпала сама собой. Царь без наследника интереса для немцев не представлял.

— Вопрос с Романовыми распрямлять будем радикально, — высказался Свердлов за чаепитием у Ильича. И сделал некий выразительный жест, означающий ликвидацию.

— Со всей ектеньей*? — восторженно уточнил Ильич. Он сознательно употребил цитату из террориста Нечаева, к которому с юности питал слабость. В свое время на вопрос в анкете, кого же из царствующего Дома надобно уничтожить, автор «Катехизиса революционера» отвечал не задумываясь: «Да всю ектению!»

— Естественно, — отвечал Свердлов. — Задание Уралсовету я уже дал.

— И совершенно правильно, валить, так всех! — воскликнул вождь. — Чтобы и духу не было!

И в это мгновение ангел смерти обнес холодом его бледный череп, вздыбил остатки сухих волос, — нижние веки отвисли, набрякли кровью.

— Ильич, что с тобой?! — встревожился верный Яков, увидев ужас в привычной волчьей желтизне глаз своего учителя.

— Так... чепуха, — заикаясь, недоуменно проговорил Ильич.

Внезапная, звенящая траурной медью боль придавила мозг, чтобы затем так же внезапно и отпустить, отлететь, затухая вдали, как бубенцы проскакавшей на горизонте тройки.

Он переживет царя на два с половиной года, уснет с улыбкой блаженного идиота и будет уложен в стеклянный кокон.

Свое он получит еще при жизни: впадет в маразм.

После смерти тело его подвергнут потрошению и регулярным купаниям в формалине. Для этой цели подберут группу благонадежных медиков, которая с годами разрастется до целого института. Мощный коллектив ученых таксидермистов будет работать на поддержание трупа в пристойном виде. А миллионы простодушных людей, выстаивающих гигантские очереди к Мавзолею, сделают некрофилами.

* Перечисление в молебне Царствующих особ.

И, наконец, поп-концерты на Красной площади, практически на костях вождя. Что это: бесовские шабаши или глумление?

Что случилось с его душой?..

2

Александра Федоровна вошла в кабинет к мужу. Николай читал.

— Я еду с тобой, Ники, — объявила она с порога. — Комиссар Яковлев не возражает.

— А как же дети? — мягко возразил он. — Как быть с Алешей?

— Бэби — моя постоянная боль. Но я думаю, девочки справятся. Они уже взрослые, опыт у них есть. А я должна быть с тобою и буду с тобою, и это не обсуждается!

— Ты уверена, что так надо?

— Ники, милый, ты слишком доверчив и без меня можешь наделать больших ошибок.

— И много же я наделал таких ошибок?

— Самая большая за всю нашу жизнь — твоя поспешная абдикация.

— Аликс, речь шла о судьбе России. — Он устал повторять ей это и сейчас лишь посмотрел с укором. Когда-то в минуты близости он обожал смотреть на это лицо, прекрасное, подсвеченное изнутри нежностью и любовью, шептал тогда: «Ты даришь мне столько радости...» и слышал: «И ты мне... и ты...»

— Судьба России и наша жизнь были тогда едины, — вздохнула Александра Федоровна.

— Ты не права, когда говоришь об этом в прошедшем времени.

— А что, разве есть новости?

Николай пожевал губами. Боже, как ей не нравилась эта новая его привычка — жевать губы! А он размышлял о том, чем и как, не лукавя, поддержать в ней надежду на избавление. Вспомнилось недавнее. Когда в город вошел отряд омских красногвардейцев, она приняла их за своих спасителей, всплеснула руками: «Вот идут прекрасные русские люди! Они освободят нас». Горькая правда открылась тотчас же, но бедная Аликс упрямо продолжала верить в неких прекрасных русских людей, которые непременно придут и освободят.

— Всё в руках Господа, милый друг, — только и нашел, что сказать ей в утешение. — Всё в Его воле...

Выглядел он неважно, под глазами набрякли склеротические мешки, и сами глаза потухли, утратили прежний, покоривший ее когда-то лучистый свет. Как же ты постарел, любимый, подумала Александра Федоровна, как же ты постарел...

— А знаешь, — сказала она с улыбкой, чтобы развлечь его, — что отчудила наша Sanchine*?

— И что же? — Николай улыбнулся встречно.

— Вообрази, что я от нее услышала! — Услышала Александра Федоровна нечто фантастическое и невероятное. Оказалось, что Анастасия завела дружбу с местной барышней, которая приходит сюда с монашенками и с которой они похожи внешне, как близнецы. — Так вот, эта барышня предложила заменить собою Анастасию, когда в Екатеринбург повезут остальных детей.

— И Анастасия дала согласие?!

— Она пришла ко мне за советом. Я спросила, как в этом случае она видит дальнейшее развитие событий.

— Что же она ответила?

— Если ей удастся сбежать и из всей семьи в живых останется лишь она, то она сможет продолжить нашу династию. Возможно, станет императрицей, а ее муж принцем-консортом.

— Боже, какое еще дитя...

— Я спросила: и ты согласна, чтобы вместо тебя на нашу голгофу взшел другой человек? Девчонка смутилась, стала лепетать, что местная барышня так настойчива... и так добра... и что они так похожи... Потом расплакалась, попросила прощения за эту глупую идею. Я тоже попросила у нее прощения.

— А ты за что?

— Ну, как за что. Я же лишила ее пусть призрачной, но все же надежды на будущее.

— Пусть Настя подарит этой чернице что-нибудь, — сказал Николай, пожевав губами.

...Анастасия подарила медальон со своей крошечной фотографией.

3

Московский комиссар Яковлев рассчитывал быстро вывезти в Москву царя и наследника, — таковы были инструкции, полученные в Кремле. Однако наследник оказался тяжело болен и не готов к поездке. ЦИК разрешил комиссару взять бывшую императрицу, что, по сути, уже никак не меняло дела.

— Благодарю вас, — заявила Александра Федоровна. — Если я правильно поняла, моих фрейлин вы брать не намерены. Тем не менее, без помощницы мне не обойтись. Мы берем с собой нашу дочь Марию.

* Солнечный лучик (франц.).

Мария Николаевна в роли помощницы Александры Федоровны подходила как нельзя лучше. По словам Жильяра, она отличалась превосходным здоровьем; потребности ее были весьма скромны; при этом она была воплощенная сердечность и доброта...

Снова Яковлев бежал на телеграф для новых согласований. В конце концов, список отъезжающих был окончательно утвержден. Кроме Николая, Александры Федоровны и Марии в него вошли доктор Боткин, князь Долгоруков, из слуг — камердинер Чемодуров, лакей Седнев и горничная Демидова.

Подготовка к поездке проходила весьма нервически. Кроме омичей, поддерживающих Совдеп, в Тобольск прибыл отряд екатеринбуржцев, настроенных агрессивно по отношению к царской семье. Главарь отряда Лейба Заславский, по профессии акушер, сумел собрать многочисленный солдатский митинг, на котором требовал перевода Семьи в каторжную тюрьму. Свою речь закончил тонким каламбуром, впрочем, слушателями неоцененным, — не все, подобно ему, разбирались в гинекологии:

— Богу богово, кесарю — сечение!

Тем не менее, бывшему медику удалось склонить на свою сторону обольшевиченную часть охраны и тобольского гарнизона и даже объявить Яковлева скрытым монархистом, приехавшим с целью выкрасть Николая и его семью.

Ситуация становилась взрывоопасной, казалось, еще немного, и Заславский одержит верх. И тут свое веское слово сказал Павел Данилович Хохряков. Назвав Заславского клизмой и полудурком, дал Яковлеву самую лестную характеристику. Оказалось, что он давно знает Василия Васильевича по революционной подпольной деятельности, более того, ему довелось служить с ним на одном линкоре, где мичман Яковлев с риском для жизни не раз и не два спасал ввозимую в трюме нелегальную литературу, будучи верным агентом «Искры».

Свою лепту внес и полковник Евгений Степанович Кобылинский, заявив, что, в случае перевода Семьи в тюрьму, туда же по существующему порядку должен быть переведен и Отряд охраны.

Гвардейцы единодушно отвергли такую гнусную перспективу.

Полемика закончилась изгнанием Заславского с митинга, а затем и из города, вместе с его командой.

4

Еще одной неожиданной помехой Яковлеву едва не стал приказчик Торгового дома Угаровых, известная городская

личность Петрушка Шмаков. Рожденного в семье дьячка, его против святцам нарекли Петронием — в честь папашиного любимого сочинителя, автора неподражаемого «Сатирикона».

В шесть лет Петроний проявил незаурядную способность к быстрому счету. Во всех четырех действиях арифметики он чувствовал себя, как рыба в воде, умножал и делил в уме трехзначные, четырехзначные, а на пари и пятизначные числа.

Одаренный мальчик был замечен купцом Угаровым и взят в лавку учеником, а вскоре уже заведовал москателью и сопутствующими товарами, то есть продавал не только краски, клей и прочую химию, но и кисти, щетки, мочало и т.п.

Ранняя и скорая популярность не могла не сказаться на характере вундеркинда. Вид он приобрел надменный, с окружающими вел себя свысока; говоря вообще, причислял себя к касте избранных. Когда это окончательно проявилось, людская насмешливая молва переделала его гордое античное имя на русский лад, — из Петрония сделался враз Петрушкой, и уж по-другому в городе его больше не величали. Впрочем, иные по незнанию называли его Петром, но таких было мало, и все они были людьми случайными. Павел Фомич, к примеру, обращался к нему: Петрон.

Между тем Петрушке было отчего задирать нос. Сапоги лицам мужского пола обыкновенно приобретались к тому возрасту, когда нога окончательно вырастала. Петрушке первые сапоги сшили на семилетие, — явление, в высшей степени событийное.

Не меньшим знаком преуспевания была и его суконная пара: сюртук и брюки, заправляемые в сапоги. Правда, остальные части костюма были как и у всех приказчиков: рубаха под поясок и цветной жилет, однако картуз и шапку имел с лаковым козырьком.

А вот внешние данные подкачали. Был Петрушка лупат в мамашу и ноздряст в отца, плечи имел покатые, смышленная голова крепилась на тонкой и длинной шее.

Свое окружение Петроний презирал с молодых ногтей. В три или четыре годика ребятня предложила ему полизать топор, — дескать, на морозе он делается слаще сахара. Петроний лизнул доверчиво, и кожа с языка осталась на топоре. «Обух надо было лизать, бурачок, а ты лезвие!» — сказали коварные дети и с хохотом убежали.

Теперь Петрушке шел тридцать первый год, пора было заводить семью. Выбор невесты был им сделан таков, каков только и достоин выдающегося ума. Петроний Шмаков решил просить руки и сердца Марии Николаевны Романовой,

третьей дочери бывшего императора. И не усматривал тому никаких препонов. Как и он, Мария принадлежала теперь к мещанам, более того, брак с ним освобождал ее от оков, тем более что судебные решения о содержании лично ее под стражу в официальных документах не фигурировало. Так что формальных преград своему намерению он не видел. И вообще это был акт высокого полета его души: не всяк решится связать себя с арестанткой узами Гименея.

Из четырех сестер Мария нравилась ему больше всех. Красавица, с большими серыми глазами, крупного телосложения, она была рождена, чтобы стать прекрасной спутницей жизни — и по характеру, мягкому, добродушному, и по природному прилежанию, и по нежной готовности помочь всем и вся. Несколько раз Петрушке удалось повидать избранницу в церковном дворе и в парке, и всякий раз он убеждался в правильности своего выбора.

Переодевшись в парадное платье и начесав кок, Петрушка был совершенно готов к визиту. Что-то, однако, какое-то смутное беспокойство удерживало его.

По привычке решил погадать на книгах. На глаза попался томик Лермонтова. Петрушка раскрыл его наугад и прочел: « Фернандо! До меня доходят слухи, Что ищешь ты войти в мое семейство!.. Безумец ты! — клянусь святою девою!»

Гадать далее расхотелось, томик полетел в угол.

На посту у губернаторского дома Петрушке повстречался поручик Хлебников. Это был добрый знак, с поручиком он имел знакомство через хозяина.

— Юрий Юрьевич! — приподнял жених лаковый козырек. — Я вас приветствую!

— Извини, Петроний, не до тебя!

— А что случилось?

Хлебников замешкался с ответом, потом приложил палец к губам и понизил голос:

— Государя переводим в Екатеринбург.

— Как это некстати, — раздосадовался Петрушка. — Одного или с семейством?

— С Александрой Федоровной и Марией Николаевной.

— И с Марией Николаевной?! Но это же невозможно! При нынешних моих обстоятельствах просто недопустимо! Я говорю, нет и еще раз нет!

— А ты-то здесь каким боком? — удивился Хлебников.

— У меня к Романовым личный вопрос.

— Какой?

— Матримониальный, если угодно.

— А конкретней?

— Не знаете значения слова матримониальный? — вспыхнул Петрушка.

— Неужели свататься?

— Именно так.

— Ты часом не заболел?

— Я пришел с обручальным кольцом для Марии Николаевны, — смерив поручика высокомерным взглядом, продолжал Петрушка. — И считаю ее отъезд в настоящий момент нежелательным. Крайне-с.

— Ну, Петроний... — Хлебников закатил глаза. — То, что ты замечательный счетовод, я знал, но то, что ты еще и романтик, для меня новость.

— Думайте себе, что хотите. От кого зависит решение об ее отъезде?

— Надо полагать, от комиссара ЦИКа. Яковлев его фамилия.

— Где его найти?

— Скорее всего, он сейчас в доме Корнилова, у коменданта.

— Прекрасно! Очень хорошо!

Не прощаясь, Петрушка решительно зашагал через дорогу. У входа в корниловский особняк снова попался ему знакомец, которого он меньше всего хотел бы сегодня видеть. То был Ерофей Елахов.

— Куда? — спросил его Ерофей.

— Сюда, — сухо сказал Петрушка.

— К московскому комиссару, что ль?

— К нему.

— Дак он только что ушел в исполком. — Петрушка лупал глазами, смотрел недоверчиво. — Не веришь, зайди, проверь.

«Век бы тебя не видеть», — сказал про себя Петрушка, направляя стопы в Совдеп.

Яковлев терпеливо выслушал странного посетителя, пытаясь понять, с кем имеет дело: с умалишенным, каковых тут выпустили на волю в февральскую революцию? Или с клоуном, вовлекающим его в непонятный аттракцион?

— Вы артист? — спросил он напрямую.

— Я пролетарий коммерческого труда. Мое волеизъявление жениться на девице Марии Романовой должно быть одобрено по закону о демократии. — Петроний вскинул подбородок, повел головой надменно. — Как супруг я сумею привить ей правильное классовое сознание.

— Но при чем здесь я?

— При том, что увозите ее в Екатеринбург, можно сказать, буквально из-под венца! Сие есть грубое попрание прав народа.

Нет, не клоун и не артист, а замечательный образчик бытового идиотизма, поставил диагноз Яковлев. И направил просителя к Хохрякову. Разъяснил при этом, что лично от него в таком деликатном деле ничего решительно не зависит.

— А от кого зависит?

— Я ж вам сказал, ступайте в Совдеп к Павлу Даниловичу Хохрякову. Судьба девицы Марии Романовой находится всецело в руках местной власти.

У Хохрякова разговор с женихом был короткий.

— Закрой дверь с той стороны!

— Что?

— Пошел вон!

Глеб решил добавить к его портрету еще один характерный штрих. Всю сознательную жизнь Петрушка до ужаса боялся разоблачения в том, к чему не имел никакого решительно отношения. Вообще что это за грех такой, он не знал, а узнать стыдился, догадываясь лишь, что это очень большая скверна и что это надобно ото всех скрывать. А все началось с того, что однажды попался ему навстречу подгулявший волостной писарь. Погрозив пальцем и глумливо кривясь губой, проговорил: «А ты, братец мой, гедонист! Ох, гедонист...» Теперь Петронию стало ясно, что председатель исполкома, вероятно, принял его за этого, черт знает за какого, гадкого человека.

— Господин председатель, — заявил он, вернувшись тотчас, — вы, должно быть, сочли меня гедонистом? Так вот, довожу до вашего сведения: я демократ и член Союза фронтовиков! И в морально-нравственном плане причащаюсь в церкви.

Что такое гедонист, Хохряков также не имел понятия, но по смыслу вопроса предположил приблизительно то же, что и сам Петроний. Брезгливо уставился на приказчика, взял его за грудки, приподнял и выставил в коридор:

— Слышь, ты, скотоложец! Еще раз увижу, прикажу выпороть!

5

Николай стоял у окна, спиной к ней, смотрел во двор, обнесенный глухим забором. Подтаявший, осевший снег, неповоротливая ворона, упорно терзающая калошу, опрятные, оживленные близким теплом синички, — все это стало уже привычной обжитой средой обитания, расставаться с которой было жалко невыносимо. Глядя на этот двор, на эти кусты с остатками ржавых листьев, на этих птичек и выше, на

купол Преображенской церкви, он вдруг с необычайной ясностью осознал, что больше такой покойной уютной жизни, как здесь, в Тобольске, у него уже никогда не будет... На лице гуляла печальная рассеянная улыбка.

Александра Федоровна подошла к окну, встала рядом.

— Как же мне это пейзаж насточертел, — сказала она с нескрываемым отвращением.

Николай промолчал. Повернувшись к ней, близко увидел ее лицо, морщинки у глаз и рта, седой локон, выбившийся из-под чепца... Ему пришла нелепая мысль, будто бы долгие годы брака они находились в вынужденной разлуке и вот наконец встретились, чтобы опять расстаться...

Подошло время прощаться с домочадцами, остающимися в Тобольске. Николай держался по своему обыкновению ровно, сердечно. У Александры Федоровны были красные глаза, но и она не теряла присутствия духа.

Прибежал Жильяр, безотлучно дежуривший у постели больного наследника.

— Adieu, cher ami!* — сказал Николай.

— Нет, нет, — не выпуская его руки, горячо возразил швейцарец, — до свидания! — И замотал головой.

За полчаса до полуночи в зале собрались слуги. Государь вышел к ним в солдатской шинели, обнял и поцеловал мужчин, Александра Федоровна — женщин. Слуги ушли в слезах.

Но мучения этой ночи еще не кончились — транспорт подали только под утро. То были длинные крестьянские дроги: четыре колеса, соединенные двумя дрожинами, на которых стояла большая открытая корзина, застилаемая соломой. Такая телега в Сибири называется кошева. Ездить в ней тряско и без навыка до крайности неудобно: сидений нет, ноги все время находятся в задранном положении. Чтобы размять их, нужно либо встать на колени, либо сидеть на пятках.

Для Александры Федоровны положили ватный матрац. Она села с Марией и высказала пожелание, чтобы с ними ехал и Николай, но Яковлев, почтительно приложив руку к папахе, отказал, усадил его в свою кошеву.

В четыре часа утра наконец тронулись.

На улицах было безлюдно, темно и тихо, молчали даже трещотки ночных обходчиков, лишь сонно взлаивали собаки да маячили часовые, расставленные по всему маршруту — от дома губернатора до переправы через Иртыш. Совдеп опасался нападения монархистов.

* Прощайте, дорогой друг! (франц.)

Дорога была ужасна; полая вода перехлестывала мосты, — приходилось высаживаться и брести по шиколотки в воде. Ах, как молилась Александра Федоровна, чтобы Господь вскрыл реки и отъезд сделался невозможен!..

Реки вскрылись, но узники были уже в пути. Тележный поезд состоял из девятнадцати троек, охраняемых верховыми. В последней кошевке трясся начальник охранения большевик товарищ Касьян, прикомандированный от Уфимской боевой организацией народного ополчения. Намаевшийся со сборами, не выспавшийся, материл дорогу, пленников и начальство.

— Ну, как там царь? — спросил он вестового красногвардейца.

— А ничё, паперёски курит.

— Кто пасет?

— Мишка Сыч.

— Позови.

Вестовой поскакал выполнять приказ. Доскакал до середины обоза. Дальше дорога резко сужалась; чтобы догнать головную часть, где везли царя, надо было скакать целиной.

Пожалев лошадь, попробовал взять глоткой:

— Мишка, стой!

Сыч уснул в седле и на зов не отреагировал. Вестовой заорал снова, и снова без всякого результата. Тогда обратился непосредственно к подконвойному:

— Товарищ царь! Николай Романович! Гаркни нашему глухарю, мол, Касьян зовет!

Николай, с интересом наблюдавший эту сцену, привстал в кошеве, потеребил за штанину тугоухого конвоира:

— Товарищ Миша!

— Чё надо? — огрызнулся тот.

— Вас товарищ Касьян зовет!

— А ему чё?

— Не могу знать, — пряча в усы улыбку, по-военному четко отвечал Николай.

Позже Касьян выбрал вестового:

— Какой он тебе товарищ? Арестант он! Твой краугольный классовый враг! В настоящем времени экс-император, в прошлом эксплуататор!

Из села Иевлево гвардейцы, внедренные в охрану сопровождения, послали первую весточку Кобылинскому: «Пока все в порядке, грязь непролазная, двигаемся в Тюмень».

На другой день — того же содержания известия из Покровского. На третий поступила телеграмма от самого Яков-

лева: «Едем благополучно. Христос с нами. Как здоровье маленького?» Телеграмма была отправлена из Тюмени. И наконец 3 мая на имя отрядного комитета пришло известие о том, что узники находятся в Екатеринбурге.

Через пять дней гвардейцы ворвались в Тобольск и рассказали, как вышло, что Романовы застряли в Екатеринбурге. Вместо того, чтобы, по всем расчетам, подъезжать к Москве.

А вышло следующее. В Тюмени всей компанией сели в специально составленный трехвагонник, следующий по маршруту Тюмень—Екатеринбург—Москва. В пути Яковлев из своего источника узнает, что в Екатеринбурге их собираются задержать. Сейчас же возвращает состав в Тюмень и из Тюмени идет на Омск — в обход Екатеринбурга. На станции Куломзино путь ему преграждают красные пулеметы, и объявляется ультиматум: или Екатеринбург, или расстрел на месте. Обстановка накалилась до критического предела.

Яковлев отцепил паровоз и помчался в Омск, благо до Омска было рукой подать. Оттуда по прямому проводу связался с ЦИКом: что делать в сложившейся ситуации?

Просил совета, а получил приказ: ехать в Екатеринбург, в распоряжение уральских большевиков.

Этого Яковлев не ожидал.

— Да как же так, Яков Михайлович? — растерялся он. — А наши планы?!

— Планы иногда меняются, — отвечал Свердлов. — Вы кого должны были привезти в Москву?

— Николая Александровича Романова с сыном.

— А кого везете?

— Но, Яков Михайлович...

— До свиданья.

Дрожащей рукой Василий Васильевич повесил трубку.

В Екатеринбурге Романовых арестовали. Яковлеву, заподозренному в измене, пришлось удирать в Уфу.

Глебу попался протокол № 35 собрания Уфимского народного ополчения.

В повестке дня были указаны два вопроса:

1. О принятии в дружину тов. Сулима-Грандовского.

2. Заслушивание доклада тов. Яковлева В.В.

Василий Васильевич выступает с пространством отчетом о поездке в Тобольск и Екатеринбург. Даже в сухом изложении рассказ изобилует, мягко сказать, неточностями. То есть Яковлев озвучивает версию для наивных, непосвященных слушателей, не раскрывая всей подноготной правды. В то

же время ненавязчиво оттеняет свою верность идеалам революции и революционному долгу. Для вящей убедительности выводит на сцену соучастника тех событий некоего Неволлина.

Собрание вынесло резолюцию: «Заслушав товарищей Яковлева и Неволлина, выражаем одобрение их поступкам и спасибо за их доклады».

Подписано председателем собрания Тараевым при секретаре Тевлеве.

На сей раз Яковлеву повезло, был публично реабилитирован. Удалось оправдаться и перед ЦИКом. Но уже в конце года он порывает с большевиками и переходит на сторону Колчака.

Осенью девятнадцатого бежит в Китай. В двадцать восьмом, измученный ностальгией, вернулся в Советскую Россию и очутился на Соловках. Освободился в тридцать третьем и четыре года проработал в НКВД. Расстрелян в тридцать восьмом году.

Продолжение следует

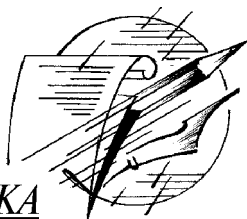
Владимир ФИЛАРЕТОВ,
доктор технических наук

ДВОЙНОЕ ДНО ЛИБЕРАЛИЗМА

Не случайно у большинства граждан «новой» России слова «демократия» и «либерализм» ассоциируются с нецензурными эпитетами, а светлое будущее либерализма рассматривается не как образ желаемого завтра, а как отрыжка доставшего до печенок сегодня.

Четвертый год коррозия радикального либерализма истончает изнутри и властный тандем, и партию власти, и оппозиционные партии. Либеральные фундаменталисты и мнимые правозащитники стоят на страже общественных пороков и антиобщественных проявлений. Перед «пятой колонной» стоит задача закрепить успех импорта «демократии», двадцать лет насаждаемой новыми варварами из-за рубежа.

Под маской «общечеловеческих ценностей» тлетворная энергия отщепенцев и извращенцев фокусируется толстыми линзами либерализма и прожигает духовно-нравственные основы нашего общества. Либерализм подобно чужеродному пищеварительно-му ферменту обволакивает государство согласно программе, установленной внешним управлением. Фальшивое дно либерализма скрывает его ущербность

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

и нежизнеспособность. Агонизируя, либеральный Запад пытается утянуть за собой в адову преисподнюю зараженные демократией страны Востока, Азии и Африки, предварительно выкачав их ресурсы.

Вырождение либерального Запада проявляется в снижении рождаемости и катастрофическом старении населения. Причиной этого является разрушение традиционных семейных ценностей и активное потребление так называемых «достижений» цивилизации. Самонадеянное желание вырастить искусственного человека входит в противоречие с физиологической основой, которая формировалась миллионы лет. Дегенерация Запада — «золотого миллиарда» — проявляется в стремлении навязать человечеству, угрожая и применяя «высокоточное» оружие, свой порочный стиль жизни, попирающий ключевые заповеди всех мировых религий.

Нетерпимость к людям с иным мировоззрением, особенно опасная у облеченного властью индивида, обычно обусловлена его физиологией — элементарным несварением, отравлением продуктами переработки пищи или их задержкой... Эволюционируя миллионы лет, мы рассчитаны на видовую пищу, а не на западные «вечные» продукты, напичканные антибиотиками или генномодифицированные, с «улучшителями» вкуса, запаха и цвета...

Кратковременный период индустриальной цивилизации не позволил трансформировать биологические принципы жизнедеятельности — за это время можно лишь подсадить человека на токсины, впихнув ему в глотку ВТО, и заставить работать на аптеку. За исторически ничтожный отрезок «нового времени» невозможно что-либо изменить в природе человеческого вида. «Венцу Природы» по силам лишь подорвать свой генофонд в результате употребления неестественных и некачественных продуктов, использования услуг, несовместимых с физиологическими особенностями организма.

Катастрофическое снижение репродуктивной функции, обусловленное «прессом цивилизации», образует порочный круг с выпадением эволюционного естественного отбора. В этом смысле успехи в борьбе с детской смертностью нельзя рассматривать однозначно, так же, как и искусственные пищевые продукты вроде белого сахара, чипсов и пепси-колы.

Нарушение основного закона эволюционного развития (если хотите, то игнорирование замысла Творца) создает механизм старения и смерти человечества, заключающийся в деградации человеческого вида, связанной с неспособностью противостоять генетическим заболеваниям. Это проявляется не только на уровне физиологии, но и в психической сфере, поскольку капиталистическое общество формирует бездуш-

ного потребителя, предрасположенного к немотивированной жестокости и агрессии, нуждающегося в психокоррекции.

В здоровом теле — здоровый дух, поэтому физиологические проблемы влекут нравственное разложение человека, он нуждается в искусственных стимуляторах жизни. При этом человек может с разной скоростью убивать только себя или попутно других (курение, алкоголь, наркотики, автомобиль). Физически истребляя и переформатируя государства с патриархальным укладом жизни, «развитые» страны лишают Землю остатков генофонда, который не тронут цивилизацией и продолжает эволюционно развиваться благодаря отсутствию «высокотехнологичной» медицинской помощи.

Земля прогибается под гнетом алчности потребительской цивилизации. Совершая покупки бесполезных, а в большинстве случаев вредных товаров, мы наносим Природе-матушке удар за ударом. Либеральная диктатура, при которой производство стало командовать потреблением с помощью вездесущего кнута-рекламы, является последним изданием тоталитаризма. Перед ней меркнут все до сих пор существующие «тоталитарные» режимы, ведь они не лезли в душу и подсознание...

«Винтики» либеральной диктатуры тасуются как карточные колоды, а вместо клеймения каленым железом или татуировок используются личные коды, индивидуальные номера, паспорта с тремя шестерками. За кодом Дьявола воскресли полиция, и для электронного концлагеря не хватает живых микрочипов (будто мало у нас раковых заболеваний). Вчера граждане получили свободу обладать сотовым телефоном, сегодня исчезли тараканы и платяная моль, а завтра исчезнут пчелы... Индустриальная цивилизация зашла в тупик, из которого трудно с достоинством выйти.

Законопослушных налогоплательщиков топят в потребительской рекламе до проявления рвотного рефлекса. В задаче демократических СМИ изначально, еще со времен демонстрации СССР, входила выработка у населения условных хватательных рефлексов. Для закрепления «цапательного» рефлекса оказалось достаточно двух десятилетий — теперь метастазы коррупции вышли на поверхность всех ветвей государственной власти и правоохранительной системы. Вместо познавательных и очищающих нравственно телепередач в ходу пропагандистские сериалы, культивирующие жадность, зависть, насилие и дающие готовые рецепты незаконного обогащения с уходом от ответственности.

Сходство с Древним Римом времен упадка империи подчеркивает обилие развлекательных шоу, эксплуатирующих низменные инстинкты и закрепляющих примитивизм мышления. В задачу либералов не входит просветительская

работа — «черни» достаточно знать, кому она должна быть обязана за освобождение от «тоталитарного прошлого».

Наука — ведущая сила информационного общества — хорошо развивается тогда, когда ее двигают ученики, а научные руководители им не мешают. Для этого умы, «алчущие познаний», не должны думать о хлебе насущном. Однако подачек студентам и аспирантам, называемых стипендиями, не хватает даже на хлеб. Крохоборы-либералы из верховной власти это понимают, поэтому недавно «вбросили» в общество предложение отменить стипендии.

Нынешние аспиранты уступают студентам советского времени не только в профессиональной подготовке, но и в элементарной грамотности. Если мозги замусорены рекламой и прошиты западными стандартами потребления, то чтобы ощущать себя полноценным «винтиком» общественного устройства типа «купи-продай», приходится думать не о науке, а о работе на стороне.

Либералам ли заводить речь о модернизации страны? Ведь наиболее результативное и находящееся в пике формы среднее поколение ученых «выкошено» гайдаровскими реформами — отброшено в бизнес или за рубеж. Нынешний преподавательский корпус вузов рекрутирован преимущественно из пенсионеров, которые работают потому, что нечем оплачивать коммунальные и медицинские услуги.

В либеральной России высшая школа не имеет будущего и по существу «сливается» руководством страны. Теперь выпускников не увлечешь преподаванием и не вдохновишь статусом ученого. Каждому ясно, что при капитализме деньги достаются другим. Не физики, «технари» и математики стали кумирами нашей смены, а юристы и экономисты, которые преуспели в низведении страны до сырьевого придатка «цивилизованного» Запада. Как видно, либеральная отравка лучше всего растворяет мозги гуманитарного профиля, подчиняя их внешнему управлению.

При либерализме все служит извлечению прибыли — физкультура и спорт становятся элитарными. Простые люди обращаются к другим способам поднятия тонуса и снятия напряжения, превращая свой организм в рухлядь дармовой водкой, денатуратами и наркотой, поставляемой Западом из Афганистана. Болельщики (виртуальные спортсмены!) являются статистами на трибунах увешанных рекламой стадионов или перед телеэкранами. При нездоровом образе жизни созерцание спортивных состязаний приводит к хроническим заболеваниям, а энергия, не нашедшая выхода на спортплощадке или в спортзале, побуждает к уголовно-наказуемым деяниям и несет угрозу для общества.

Люди, загнанные либеральными реформами в города-резервации, стали заложниками пищевой промышленности, полисно-платной медицины, своры жилищно-коммунальных и страховых компаний. Отсутствие государственного контроля и оскал либерализма приводят к дегуманизации этих общественных структур, что порождает недоверие людей друг к другу, провоцируя войну всех против всех. Утверждение о том, что «лучше демократии человечество ничего не придумало», опровергается у нас на глазах — сверхпотребление не только оказывает неподъемную нагрузку на планету, отправляя в небытие представителей фауны и флоры, но и приводит, лишая нас эволюционных преимуществ, к вырождению человеческого вида.

Хваленая производительность труда капиталистического способа производства сопряжена не только с нещадной эксплуатацией наемного работника. На излете этого способа (при диктатуре потребления) осуществляется расхищение природных ресурсов для производства никчемных или опасных товаров, превращение природной среды в зону, непригодную для жизни.

Основным противоречием эпохи становится антагонизм между Природой и Капиталом, что вплотную подводит к Апокалипсису. Это пока плохо осознает двуликий Запад, который покоится на чрезмерно высоком и богопротивном уровне материального потребления. Маниакальное потребление оправдывает все средства его достижения — цену вопроса не перевешивают жизни «недочеловеков», которым «посчастливилось» родиться на углеводородах. Таково двойное дно либерализма...

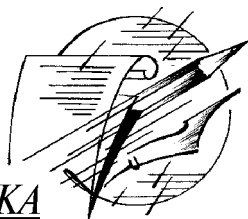
Митрополит Московский Филарет (1783—1867), предвидя шквал идущих на Россию испытаний, оставил нам в помощь для противодействия им простое правило: «Люби врагов своих, гнушайся врагов Божиих и сокрушай врагов Отечества».

Мудро сказано: личные враги у каждого могут быть и среди соотечественников, но по большому счету это — не враги. Врагами Христовыми иносказательно выступают те, кто стравливает между собой различные вероисповедания внутри Отечества. А вот врагами Отечества являются не только внешние, но и внутренние враги, которые поддерживаются в той или иной форме извне. Последние при активации распада страны (вспомним СССР!) побеждают не числом. Влияние внутренних врагов подобно действию фермента, который в ничтожной концентрации катализирует расщепление пищи. Пищи для Запада, проржорливого до самоуничтожения.

АТАКА НА ЛИВИЮ — ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ РОССИИ

Хотя весь мир весной этого года говорил о Ливии, самое главное по поводу событий вокруг этой страны всё-таки не было сказано. Большинство тех, кто говорил на эту тему, о главном не догадывались. А те, кто знал, — помалкивали, памятуя, что «во многом знании много печали».

Целью операции НАТО против Ливии была не Ливия, а Россия. Это был очередной этап давления на Россию, на этот раз на уровне высших руководителей государств и с угрозой применения военной силы. (Это уже знал вице-президент США Джозеф Байден, когда летел в Москву на переговоры с Медведевым и Путиным, но об этом — ниже.) Это вовсе не очередная версия «теории заговора», а самая настоящая реальность. Только люди не приучены видеть исторический процесс именно как процесс. Им присуще, особенно в наши дни, под влиянием телевидения и рекламы, клиповое мышление, способность воспринимать жизнь только как происходящее «здесь и сейчас». А нынешняя атака на Россию — это не какая-то ситуация, внезапно возникшая, а очередной этап долгосрочной,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

даже многовековой стратегии «окончательного решения русского вопроса», которое, как известно, заключается в том, чтобы, как минимум, отбросить русских за Урал, а если удастся — то и за Ледовитый океан. О том, что для этого делается ныне, будет сказано ниже. А теперь надо вернуться к тем фактам, что лежат на поверхности.

«Товарищ волк» (именуемый также НАТО) отыскал для себя новую жертву — Ливию, и подверг её бомбардировкам. Поводом для нападения послужило то, что в Ливии якобы подняли мятеж силы, желавшие свергнуть режим Муаммара Каддафи. Но только простаки могут поверить, будто это было стихийное выступление оппозиции. Говорят, часть армии почти сразу перешла на сторону повстанцев, обеспечив их оружием. Это неправда, перебежали лишь немногочисленные дезертиры. К тому же у оппозиции откуда-то оказались на вооружении мощные установки залпового огня, каких, видимо, нет и у ливийской армии. Кроме того, стало известно, что ещё до возникновения кризиса в район мятежа были переброшены части британского спецназа. Американский спецназ начал там работу ещё раньше (вот что я имел в виду, когда говорил, что Байден уже знал о предстоящем вторжении в Ливию) А само восстание французские спецслужбы начали готовить задолго до революции в Тунисе. Оказались там и иностранные наёмники. По словам Каддафи, беспорядки в стране организуют диверсанты из Алжира, Афганистана, Египта.

Революции в Тунисе и Египте были шагами Запада по подготовке революции в Ливии. Но и Тунис, и Египет, при всём своеобразии каждой из этих стран, были обычными мусульманскими странами. Это не Ливия, в которой нельзя было свалить правящий режим, устроив многомиллионные демонстрации. Поэтому события в Ливии Запад готовил по иному сценарию, в котором оппозиции отводилась лишь роль детонатора.

Кстати сказать, Запад, как это часто у него получалось, в известной степени «влип» в вызванную им же ситуацию. Дело в том, что на востоке Ливии, где концентрировалась оппозиция Каддафи, традиционно сильны и влияние исламистов (в том числе и Аль-Каиды и Хезболлы), и антиамериканские настроения. Оппозиционеров нельзя было считать мирными жителями, ставшими жертвой режима кровавого диктатора, потому что они начали мятеж с нападения с оружием в руках на полицейские участки и государственные учреждения. Спасая повстанцев от Каддафи, Запад готовит на свою голову будущих антизападников, в том числе и международных террористов.

Говорят, что среди повстанцев много молодёжи. У тех из них, что попадают после ранения в госпиталь, в карманах оказываются сотни, а то и тысячи долларов, и многие из них часто находятся в наркотическом опьянении. Откуда у них эти деньги, и где они могли найти наркотики, если они в стране строжайше запрещены? Кто-то заранее отпечатал большими тиражами листовки и плакаты, заготовил в массовом масштабе ливийские королевские флаги, которые в мире давно уже стали раритетами. Повстанцам через открытую восточную границу оказывают помощь из Египта и других стран. Словом, речь идёт о заранее спланированном и направляемом извне мятеже.

Власть решила подавить мятеж. И цель была уже почти достигнута, Каддафи опоздал всего на сутки. Но тогда страны Запада лишились бы повода для вмешательства во внутренние дела Ливии и возможности свергнуть негодный им режим Каддафи, опираясь якобы на волю части ливийского общества. Вот почему именно в этот момент Запад проявил лихорадочную активность и приложил все силы, чтобы принять резолюцию Совбеза ООН, которая развязывала бы ему руки в осуществлении агрессии. При этом голос Ливии не был услышан. Представитель Ливии при ООН перешёл на сторону врагов своей страны, а когда власть Ливии сместила его и назначила другого своего представителя, США этому законному чрезвычайному послу отказали во въездной визе, не помогло и вмешательство Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, настолько страшна была правда о действиях Каддафи инициаторам агрессии. Видно, здесь нужно напомнить, чем же негоден Западу Каддафи.

О роли личности в истории Ливии

За 42 года, что находится у власти Каддафи, вряд ли найдётся в мире другой политический деятель, который больше, чем он, сделал бы для своего народа. Ведь за всю свою историю, уходящую в глубь веков, Ливия никогда не была самостоятельным государством, а всегда оставалась чьей-то колонией или провинцией. Лишь в 1951 году было провозглашено «независимое» королевство Ливия, в котором хозяйничали монополии ряда стран Запада. Но в 1969 году группа офицеров во главе с Каддафи совершила бескровный государственный переворот, свергла монархический режим (король, ныне уже покойный, в то время находился за границей) и провозгласила республику.

Но Каддафи не остановился на этом. Он виноват перед Западом ещё и в том, что установил в Ливии Джамахирию.

Это (как он считает) — первое в мире общество народного исламского социализма, основанное на принципах равенства и справедливости, как они были заложены в раннем исламе. А это был открытый вызов как капитализму, так и коммунизму, не нравилась данная теория и духовным лидерам и светским владыкам того современного ислама, который установился в большинстве арабских стран. Знаменитая «Зелёная книга» Каддафи, в которой была изложена теория нового строя (пусть и отчасти утопического, с элементами анархии), принадлежит к числу наиболее выдающихся памятников социально-политической мысли XX века. (Вот и в России существует несколько обществ друзей «Зелёной книги».) Каддафи камня на камне не оставил от либеральных и демократических ценностей, на которых основана западная цивилизация, являющаяся, по его убеждению, новейшим видом рабства, а такого надругательства над самими основами своего строя жизни Запад перенести не может. Поэтому Ливия Каддафи и тем более сам её вождь давно воспринимались на Западе и на Ближнем Востоке как кость в горле.

Государство, правительство и политические партии были в Ливии официально упразднены. Власть на местах передана народным конгрессам, которые охватывают всё взрослое население данной территории. Они избирают свои исполнительные органы — народные комитеты. Вся эта система несколько напоминает устройство власти в СССР периода «Вся власть — Советам!» первой половины 1920-х годов, но «с ливийской спецификой». Эта рыхлая структура держится в рамках благодаря влиянию Совета революционного командования. Сам Каддафи не занимает никаких официальных постов, оставаясь лишь вождём ливийской революции (и председателем названного Совета). Его цель — превратить Ливию из сырьевого придатка Запада в современное государство, вытащить её из средневековья в XX век. И он этого добился. Что это дало народу?

Многовековая бедность и жилищная нужда в стране ликвидированы. Для бывших неграмотных и лишённых медицинской помощи кочевников и обитателей трущоб (этих бедолаг колонизаторы и за людей-то не считали), построены современные жилые дома, прекрасно оборудованные больницы, школы и вузы. Квартиры предоставлялись бесплатно, и квартплата (как и плата за электроэнергию) не взималась. Новобрачным выплачивалось пособие на приобретение квартиры. При рождении ребёнка тоже предоставлялась помощь из казны. Образование и медицинская помощь (в том числе и за рубежом) были бесплатными. В Ливии — самый высо-

кий уровень жизни в Африке (хотя, например, в Нигерии нефти намного больше). Каддафи решил жизненно важную для пустынной страны проблему пресной воды — как за счёт использования подземных её источников, так и с помощью установок для опреснения морской воды.

ВВП на душу населения, уровень зарплат, продолжительность жизни и даже индекс развития человеческого потенциала (!) в Ливии выше, чем в РФ. Такого имущественного неравенства, как у нас, там нет, в списках самых богатых людей планеты, печатаемых в журнале «Форьс», нет ни одного ливийца. Но всё же крупный специалист мог получать до 30 тысяч долларов в месяц, а рядовая медсестра — «всего» тысячу (при дешевизне продуктов питания и пр.).

Поскольку относительно бедные всё-таки есть, для них открыта сеть продуктовых магазинов и аптек с символическими ценами. Во всех семьях есть телевизоры и холодильники, а закупленные за счёт казны импортные автомобили продавались гражданам за половину или даже за четверть стоимости, бензин был дешевле воды. Очень дешёвым был и хлеб. Часть доходов от экспорта нефти (а её запасы и добыча в Ливии значительны) перечисляется на банковский счёт каждого гражданина.

В стране действует «сухой закон», никакого алкоголя в продаже нет, за наркотики полагается смертная казнь. Воровства там нет — суровыми наказаниями оно искоренено полностью. Каддафи называют кровавым диктатором, а за годы его правления население страны выросло почти в три раза! И т.д., и т.п.

Сам Каддафи ведёт довольно аскетический образ жизни и предпочитает обитать в бедуинской палатке, хотя и благоустроенной по-современному. Но для работы народных конгрессов и для представительских целей он украсил ливийские города красивыми и роскошно убранными дворцовыми комплексами. Телевидение показало, в частности, дворец в Бенгази, захваченный (и, видимо, разграбленный повстанцами, — там были видны лишь голые стены).

Каддафи считает, что богатства недр Ливии должны принадлежать её народу, и потому отказывается приватизировать предприятия нефтяной и газовой отрасли, чего требуют монополии Запада, прежде господствовавшие в стране. К тому же Каддафи добился ликвидации военно-морских баз Англии и США на территории Ливии. Разве всё это не повод для того, чтобы объявить Каддафи врагом человечества и «по соображениям гуманности» устранить его?

Значит, противостояние Каддафи и Запада — не только экономическое и политическое, но и идеологическое, и ду-

ховное. Со временем идеи Каддафи могли бы стать основой для объединения арабского плюс африканского мира, а это была бы уже грозная сила. А если бы правда о том, как в Ливии осуществляются начала справедливости, стала доступной народам мира, разве это не усложнило бы положение властей в «цивилизованных странах»? Пусть похващаются подобными же достижениями на поприще повышения жизненного уровня и социальной защищённости народа, например, все правители России после 1953 года!

Конечно, Каддафи — не ангел, он — политик, против которого организовывались заговоры, на него устраивались покушения как внутри страны, так и извне (авиация США бомбила много лет назад его резиденцию, и он чудом остался жив). В Ливии — более 150 племён, и едва ли не каждое считает только себя самым главным и достойным всяческих привилегий. Каддафи приходилось неоднократно проводить чистки армии и органов управления от контрреволюционных элементов. А их было немало в стране, где в колониальный период существовала прослойка компрадоров, а офицеры и интеллигенты получали образование и соответствующую идеологическую обработку в странах Запада. (Сам Каддафи тоже учился в военной академии в Англии, но, видимо, не всех западные ценности привлекают в равной степени.) Но эти репрессии касались в основном верхушки общества и практически не затронули рядовых граждан. Каддафи и сам, возможно, был причастен к заговорам против тех лидеров арабских стран, которые, по его мнению, изменили делу арабского единства. Его поддержка тех, кто, как он полагал, борется за подлинный ислам, на Западе могла восприниматься как помощь экстремизму и терроризму. Его обвиняют в том, что он прибегает к услугам иностранных наёмников, но ведь это примерно то же, что контрактная армия или иностранный легион во многих странах (в РФ также предполагается приём на военную службу контрактников из иностранных государств).

Каддафи (при всей его порой экстравагантности) — один из выдающихся политических деятелей и мыслителей современности, харизматический лидер. Он сожалел (и отчасти его можно понять), что при его масштабах видения мировых проблем ему было суждено родиться и действовать в небольшой стране с 6 миллионами жителей. А у него были планы не только арабского, но и африканского единства. Каддафи выступал за вывод войск всех государств Запада из стран Африканского континента, за создание единой африканской валюты «афро» и за выход из долларовой и прочих западных валютных зон.

Каддафи упрекают в том, что в последние годы он отклонился от своего прежнего курса и пошёл на сближение с Западом, стал сворачивать социальные программы, начал либеральные реформы, допустил в страну иностранный капитал. Между прочим, эта «многовекторность» его новой политики его же и подвела. Углубляя контакты с Западом, он упустил время и не успел закупить современные российские средства ПВО, при наличии которых у Ливии натовцам было бы много сложнее развязать против неё агрессию. Но его можно и понять. Пока существовал дружественный Советский Союз, нелады с Западом мало тревожили Каддафи. Но СССР распался, ельцинский режим предавал всех прежних союзников России. Лишь в конце своего второго президентского срока в 2008 году Владимир Путин посетил Ливию, в итоге были подписаны крупные контракты как военного, так и экономического характера. Каддафи приходилось маневрировать в условиях международной изоляции, и, видимо, ряд уступок Западу надо рассматривать как вынужденные шаги со стороны Ливии.

Каддафи имеет миллионы поклонников, но у него и много врагов. В истории Ливии не было другой такой яркой личности, и можно понять, почему он убеждён в том, что ливийцы его любят и готовы сражаться за него. Идеологи капитализма и ортодоксальные коммунисты ненавидят его за его теорию и практику народного социализма. Арабские монархи — за то, что он сверг режим короля. Исламисты — за то, что он сделал Ливию светским государством, оставив духовенству лишь возможность деятельности на поприще религии и нравственности. Но за что же выступили против режима Каддафи молодые образованные ливийцы, получившие от него все блага цивилизации?

Чего не хватало оппозиционерам?

Спрашивается, неужели, в самом деле, как только человек получает образование, ему уже становятся необходимыми западные демократические ценности, полная свобода вплоть до вседозволенности?

На мой взгляд, наиболее энергичной части молодёжи при общественном строе, установленном Каддафи, жить было комфортно и сытно, но... скучно. В исламских обществах нет той свободы нравов, какая царит на Западе. В Ливии у женщин широкий выбор возможностей карьеры (там даже служба в армии обязательна и для мужчин, и для прекрасного пола.) Лозунг Каддафи в части обеспечения гендерного равенства

таков: женщина равноправна с мужчиной во всём, кроме того, что мешает ей быть женщиной (ей, например, запрещено трудиться на физически тяжёлых работах). Но дискотеки, клубы, концерты, развлекательные, а тем более эротические фильмы, весёлые вечеринки юношей и девушек, их пикники с шашлыками вряд ли там были популярны, а уж наркотики, однополая любовь и прочие привычные на Западе атрибуты свободы были под полным запретом.

Ливия всё же оставалась страной нефти, газа и фиников. В этой пустынной стране, где пока не обнаружены месторождения каменного угля и руд, нельзя было создать разносторонне развитую экономику с многоотраслевой промышленностью. Молодёжь, как и во многих странах, не хотела оставаться в оазисах, где ведётся сельское хозяйство, и устремлялась в города, но и там она не могла найти для себя работу, достойное занятие. Поэтому бичом Ливии оставалась безработица, особенно для молодых. Люди получали приличное пособие, но ведь не всё можно купить на деньги. Людям хотелось какой-то иной, более осмысленной жизни. Каддафи предлагал путь борьбы за совершенствование исламского социализма, духовной работы, но всех ли молодых ливийцев это могло увлечь? А перед глазами у них были курорты, устроенные для иностранцев, чтобы страна и на этом могла зарабатывать валюту. Там — весёлая беззаботная жизнь, музыка, танцы, курортные романы, сверкающая реклама. Как против этого устоять?

И дело здесь не в том, что запретный плод всегда сладок, а в том, что у части ливийских молодых людей создавалось ощущение, будто они живут в некоем загоне, вдали от центров мировой цивилизации, где творится история. (На самом-то деле история творится не там, где огни рекламы и дискотеки, но юность этого не знает.) В среде с такими настроениями заброшенные извне идеи свободы, окрашенные, разумеется, в самые романтические тона, быстро находят благоприятную почву. К тому же Ливия — страна племён, часто враждовавших между собой, и восток страны всегда был в той или иной мере в оппозиции к западу её.

В связи с ситуацией, сложившейся в Ливии, вспоминаются старые кубинцы, помнившие, что их страна была местом отдыха и развлечения, а точнее — большим публичным домом для богатых американцев и разветвлённой службой для его обслуживания, с одной стороны, и краем нищеты большинства населения — с другой. Фидель Кастро и его соратники преобразили Кубу. Надпись на жилищах «Это и твой дом, Фидель!» не была изобретением марксистской пропа-

ганды. Но старики говорили: вот войдёт во взрослую жизнь поколение, которое не застало прежней Кубы — страны разврата, голода и нищеты, и потребует изменения кубинского строя. Авторитет Фиделя на Кубе по-прежнему велик, но всё же значительной частью молодёжи вождь воспринимается как величественный памятник прошлого.

Да и советские люди в 1991 году не встали на защиту родной власти не только потому, что их облапошили «демократы», но и потому, что они уже выросли, и им надоело, что их водили на помочах партия и правительство.

Вот и у ливийцев появились такие молодые демократы. И при определённых условиях в их среде мог возникнуть мятеж. И всё же оппозиция была немногочисленной, массового движения протеста она создать не могла.

Вряд ли оппозиционеры думали о том, что в случае свержения Каддафи и установления любого иного строя, чем существующий при нём, в Ливии возникнет рыночная экономика с её неизбежным социальным расслоением, кучкой богатеев и снова нищим большинством народа, и тому благоденствию, которым пользовались ливийцы в последние годы, придёт конец. И будут ливийцы вспоминать об утраченных социальных благах так же, как ныне вспоминают о них ещё живые бывшие советские люди, осознавая, что всё это осталось в прошлом и что виновниками потерь были в большей мере мы сами.

Итак, на востоке Ливии вспыхнул мятеж. Но подавление мятежа внутри независимой страны — это её суверенное право, а совсем не повод для военного вмешательства со стороны. Что же касается гибели мирных граждан, то это, к сожалению, не редкость даже в малой гражданской войне и во время мятежей. (Российским политикам, критикующим Каддафи за войну против собственного народа, следовало бы вспомнить, кто развязал чеченскую войну, кто бомбардировал Грозный, а затем из танков расстрелял парламент, — за всё это было заплачено многими тысячами жизней наших мирных граждан.) Китайская власть не побоялась танками раздавить молодёжь, бунтовавшую в центре Пекина, как не боится и подавлять мятежные выступления сепаратистов в Синьцзяне и Тибете.

Свою агрессию НАТО прикрывает лицемерными заявлениями, будто её цель — защита мирных жителей — противников Каддафи, жизни которых угрожает ливийская армия. Я не поленился посмотреть подлинные тексты обеих резолюций Совбеза ООН по Ливии. Приводить их целиком в рамках данной статьи нет возможности, но вот чего, в частности, требовала ООН в первой из них:

Незамедлительно положить конец насилию и предпринять шаги для удовлетворения законных требований населения. От ливийских властей требовали уважать права человека и нормы международного гуманитарного права и предоставить доступ международным наблюдателям за положением в области прав человека, а также отменить ограничения в отношении всех видов средств массовой информации.

Ну, мы ведь хорошо знаем, что Запад подразумевает под правами человека и что обычно следует после прибытия в ту или иную страну его наблюдателей. Ни Россия, ни Белоруссия, ни Китай, с точки зрения этих западных эмиссаров, не принадлежат к числу стран, где права человека соблюдаются в полной мере. А насчёт свободы СМИ... Тут надо напомнить принципиальную позицию Каддафи по этому вопросу.

Он полагает, что, например, любая газета, издаваемая (либо финансируемая) частным лицом или партией, отражает мнение не народа, а данной личности или какого-то слоя общества, а значит, это частное мнение, и оно не должно навязываться всему населению. Если есть какое-то профессиональное сообщество, например, медиков, оно вправе выпускать беспрепятственно свою газету или журнал, но только на профессиональные темы. То есть в Ливии — полная свобода печати, но по-ливийски, а не по-американски. Народный комитет издавать газету (и без цензуры) может, а олигарх — не может.

Что в этих условиях означало требование ООН ввести в Ливии свободу СМИ по-американски? По сути, от Каддафи потребовали изменить государственный строй Ливии. А это уже — недопустимое вмешательство во внутренние дела суверенного государства, требование капитуляции Ливии без войны. Поэтому Каддафи в послании Бараку Обаме подчеркнул неприемлемость резолюции № 1973 и заявил, что он не ведет войну с собственным народом, а защищает Ливию от боевиков «Аль-Каиды». «Приезжайте и убедитесь в этом сами», — сказал он. Каддафи заявил, что любая военная операция против Ливии будет «явной агрессией», и пообещал, что страны Запада «пожалуют», если вмешаются в ливийский конфликт. Каддафи также предостерег западные страны от военного вторжения в Ливию, что будет расцениваться как агрессия. «Это несправедливо, это агрессия в чистом виде. Вы пожалеете, что предприняли шаги в сторону вмешательства в наши внутренние дела», — предупредил Каддафи, лидеров Франции, Великобритании и ООН.

Итак, ООН ввела «бесполётную зону» над Ливией. Каддафи заявил, что его авиация будет соблюдать это условие. Зачем же после этого бомбить Ливию, уничтожать её систему ПВО?

Ну, ладно, систему ПВО нужно было уничтожить, потому что вероломный Каддафи мог нарушить своё обещание. Но зачем нужно было уничтожать танковые колонны правительственных войск и другие военные объекты, скопления живой силы? Почему надо было прикрывать продвижение мятежников, бомбардировками подавляя очаги сопротивления им? Это уже прямое вмешательство в гражданскую войну на стороне повстанцев. Если уж требовалось остановить насилие, то надо было бы наносить предупредительные удары по обеим сражающимся сторонам?

ООН ввела также эмбарго на поставку оружия в Ливию. Но, надо полагать, запрещено было поставлять оружие только Каддафи, а не повстанцам — те без помощи извне вообще не могли бы сражаться.

Во второй резолюции важен лишь один конкретный пункт — о введении запрета на все полёты в воздушном пространстве Ливии, чтобы помочь защитить гражданское население. Но ещё сказано: международному сообществу дано право принимать все необходимые меры в отношении Ливии. А такая запись позволяла Западу творить с Ливией всё, что ему угодно.

Жертвами уже первых ударов агрессоров по ливийской территории стали мирные жители и ряд объектов гражданского назначения. А ведь это было только начало «принуждения к перемирию»! Причём Запад ведёт в Ливии типичную колониальную войну за обладание ресурсами этой страны, используя современное вооружение, которого нет у ливийской армии. Его войска неуязвимы для противника, находясь в отдалении от него, вне сферы действия его оружия. Совершенно так же действовали европейские колонизаторы в XIX веке, уничтожая из винтовок и пушек войска туземцев, оснащённых копьями и луками со стрелами. Это не война, где воины обеих сторон одинаково рискуют жизнью, а хладнокровный расстрел людей «низшей расы», тренировка армии агрессоров (вместо обычных манёвров) и испытание её вооружений в действии при стрельбе по живым целям. А если учесть, что против маленькой и слабо развитой Ливии, этой африканской Югославии, с населением 6 миллионов человек ополчились 30 государств с полумиллиардом жителей и огромным экономическим и военным потенциалом, то хочется сравнить их с ватагой кавказцев, которые нападают на одного русского и, убив его, быстро разбегаются. Чувство справедливости требует в этих условиях встать на сторону избиваемой бандой убийц жертвы, кем бы она ни была.

Многие недоумевают, почему Россия (как и Китай) воздержалась при голосовании в Совбезе ООН, а не наложила вето на проект военных действий против Ливии. Тогда НАТО не удалось бы прикрыться мандатом ООН, и этот блок выступил бы перед мировым общественным мнением как откровенный агрессор и колониалист. Именно так (а ещё и назвав новыми крестоносцами и кучкой фашистов) охарактеризовал его Каддафи в своих обращениях к народу.

Ведь у России с Ливией был договор о дружбе и сотрудничестве, уже шла речь о возможности создания в Ливии нашей военно-морской базы. Ливия была потенциальным богатым покупателем российского оружия. Не сыграли ли здесь решающую роль либеральные воззрения Дмитрия Медведева, не скрывавшего своей антипатии к Каддафи? Наш президент задолго до начала военных действий в Ливии объявил, что Каддафи — живой политический труп, которому не место в современном цивилизованном мире. Поэтому Каддафи должен уйти. (То же заявляет и Обама.) Но ещё в 2008 году Каддафи приезжал в Москву с официальным визитом, и любой желающий может посмотреть в Интернете встречу его с Медведевым. Там партнёры только не обнимаются и не лобзаются, а заверения в дружбе и желании сотрудничать лились рекой. Теперь Медведев считает, что применение военной силы со стороны Каддафи в отношении вооружённых мятежников неприемлемо. С самого начала он негативно воспринял нынешние действия властей Ливии.

Медведев также заявил, что Россия не будет принимать участие ни в какой операции против Ливии, и она вообще против военного решения ливийской проблемы. По его словам, Москва готова предложить посреднические усилия в мирных переговорах по Ливии, но пока в этой стране не с кем официально вести переговоры.

Так или иначе, по существу Россия помогла НАТО развязать войну против Ливии, как в своё время — против Югославии. Тогда по поручению Ельцина уламывал руководство Югославии согласиться на требования НАТО Черномырдин, теперь за подобное же дело взялся сам президент РФ.

Медведев поддержал действия Запада, подчеркнув, что они были вызваны преступлениями руководства этой страны против собственного народа. «Всё, что происходит в Ливии, связано с безобразным поведением, которое осуществлялось руководством Ливии, и преступлениями, которые были совершены против собственного народа, об этом не нужно за-

бывать, все остальное является последствиями». Думается, если бы в России её лидеры проводили такие же «репрессии» (типа ликвидации жилищной нужды, устранения бедности и пр.) против рядовых граждан, то население таких руководителей носило бы на руках. Ну, а выступать против войны после того, как своей позицией сам открыл дорогу этой войне, — значит махать кулаками после драки. (Такую же позицию заняли и арабские государства: дескать, мы просили прислать наблюдателей, а вместо этого на Ливию посыпались бомбы и ракеты, но это тоже были запоздалые сожаления; Запад использовал обращение арабов как повод для агрессии, а потом не обращал внимания на их сетования.)

Либеральные СМИ, особенно связанные с олигархами, захлёбывались от восторга по поводу такой позиции России. Ещё бы! Россия и поддержала НАТО в агрессии против Ливии, и сохранила возможность своим компаниям заработать в этой стране при любом исходе нынешней войны.

«Начав военную операцию против Ливии, США смогли не только заручиться поддержкой большинства союзников по НАТО, но и добиться благожелательного нейтралитета России и Китая, — писала газета «Коммерсантъ». Причём, по данным газеты, первоначально Москва даже не исключала возможности голосования за резолюцию Совбеза ООН, открывшую дорогу для военной операции, но в итоге решила воздержаться. Более того, за сутки до начала операции в отставку был отправлен посол РФ в Ливии Владимир Чамов, который, как выяснило издание, до последнего держал сторону Каддафи. (Думаю, только такую позицию и мог занимать посол в дружественной стране, лидером которой был Каддафи, в противном случае он был бы участником заговора против этого лидера.)

«Такой подход позволяет России решить две задачи — укрепить отношения с Западом и сохранить свои активы в Ливии после свержения диктатора, — утверждал «Коммерсантъ». — Москва не хочет лишиться многомиллиардных контрактов, которые «Рособоронэкспорт», «Газпром» и РЖД подписывали с Триполи». На благоприятный вариант Москва вполне может рассчитывать, ведь даже в послевоенном Ираке российские компании всё же получили несколько нефтяных месторождений, добавляла газета.

Замминистра иностранных дел СССР в 1986—1990 годах, первый заместитель главы МИД РФ в 1992—1994 годах Анатолий Адамишин (известный либерал) в рубрике издания «Цена вопроса» аплодировал позиции России в Совете Безопасности ООН. «Непросто было преодолевать стереотипы

прошлого, — уверял он. — Такая позиция России отвечает её как сиюминутным, так и долговременным интересам. Теперь бы только не впасть в некое лицемерие, выражая сожаление в связи с ударами по Каддафи... Не дай нам Бог, критикуя Запад, начать сегодня выглядеть защитниками Каддафи. Ведь в картине новой Ливии, сколь бы неоднозначной эта картина ни была, места ему не окажется».

Ну, без лицемерия-то тут никак не обошлось. Дав согласие на войну против Ливии, РФ сразу же начала протестовать против «неизбирательного применения силы». «Россия заняла сразу две позиции: во-первых, воздержалась от голосования в Совбезе ООН по резолюции № 1973, во-вторых, призвала отказаться от применения силы, — подчеркивали «Ведомости» в редакционном комментарии. — То есть пусть коалиция повоюет, а Россия будет сокрушаться по поводу жертв среди мирного населения, Такое сохранение лица можно назвать динамическим» (или фарисейским. — М.А.).

«Обычно Россия всегда выступала против вмешательства, её решение по резолюции — свидетельство перемен», — вторил «Ведомостям» главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов. «Правильно Россия вместе с Китаем, Бразилией, Германией пожали плечами: кто хочет играть в футбол на минном поле — бегайте, — соглашался в комментарии «Комсомольской правде» директор Института изучения Израиля и Ближнего Востока Евгений Сатановский. — Но и защищать Каддафи тоже не собираемся. Потому что портить отношения с Западом нам ни к чему».

Вот так: «первым делом, первым делом — самолёты...», точнее, будущие контракты и прибыли частных компаний, из которой ни нам, гражданам, ни государству ничего не перепадёт. Да и неизвестно, оправдаются ли надежды на эти будущие прибыли. Посол РФ в Ливии Владимир Чамов предупредил Медведева, что, поддержав врагов Каддафи, Россия лишится многомиллиардных контрактов. Оно и понятно: если на место Каддафи Запад поставит своего правителя Ливии, тот и контракты станет заключать с фирмами нового хозяина, а Россия останется на бобах. Чамов приравнял подобные действия руководства России к измене Родине. Вернувшегося на Родину отставленного посла простые люди встречали едва ли не как национального героя — с цветами и с криками одобрения его позиции. А это — важный показатель общественного мнения.

А вот минусов в позиции, занятой Россией относительно Ливии, — не счесть.

Начну с того, что по примеру событий в Ливии могут развиваться и сценарии внутри России. Вот как живописует соответствующую картину один из активных пользователей Интернета, сотрудник «Московского комсомольца»:

«И вот вдохновленные примером Ливии либералы и демократы проводят серию несанкционированных многотысячных митингов в разных городах. Лозунги при этом должны быть исключительно политические — типа «Долой кровавый режим!», «Освободим страну от тоталитаризма!», «Демократия!» ну и так далее. Причем, стараются сделать так, чтобы полиция по митингующим как следует оттопталась. И всё это видео, заранее смонтированное так, чтобы сочнее показать зверства властей, выкладывается в сеть, передается западным компаниям.

Мир негодует, но пока не очень сильно. И тогда в ход идут козыри. За малую денежку, полученную понятно от кого, в известном вузе либералами приглашаются для съемок чернокожие студенты. Им дают муляжи автоматов Калашникова, и они со зверскими лицами иностранных наёмников режима фотографируются на фоне окровавленных правозащитников. Для правдоподобия, чтобы был настоящий труп — жертва диктаторской власти, либералы могут даже грохнуть кого-нибудь. Эдичку, например. Всё равно только смуту в ряды вносит. А самый страшный и безбашенный негр должен будет прямо перед объективом видеокамеры изнасиловать Валерию Ильичину. Вот после такого видео мир содрогнется.

«Это что же творится! Варварство! Резня, ад и кетчуп!» — возопят в ООН и срочно примут резолюцию по спасению простого народа от диктаторов.

И вот уже летят либеральные «Томагавки», демократически настроенные В-2 утюжат небо, выцеливая оплоты тоталитаризма. Либералы торжествуют. За идеалы льётся кровь. Не их кровь, конечно, а народа той страны, в которой они обосновались. (Некоторые в последнее время даже научились выговаривать «моя страна», вместо «эта страна». Но они вообще очень способны к мимикрии.) Наступает рай — деньги и доступ к углеводородам наконец-то переходят из недостойных кровавых рук в руки достойных (не путать с населением!).

Так бы оно и было. Но территория у нас слишком большая и, главное, есть Бомба. Впрочем, если внимательно присмотреться, то и в этом направлении работа ведётся».

Что имеется в виду в последней фразе цитированной статьи, не очень понятно. То ли договор СНВ-3, ослабляющий наши Вооружённые силы, то ли всё более частые высказывания высокопоставленных российских генералов, будто отечественное вооружение низкого качества, и к тому же дорогостоящее, а потому следует закупать оружие у наших потенциальных противников. Хотя общий смысл картины ясен: двусмысленное поведение РФ обусловлено тем, что она пока ещё сильно зависит от Запада, а в военном отношении мы — та же Ливия, только с большей территорией. Сходство двух наших стран даже большее, чем может показаться на первый взгляд.

Ливия — это узкая полоска вдоль моря, на которой и расположены все её города. А остальная территория — это пустыня, пески, с редкими оазисами, где возможно земледелие. Россия тоже — это узкая полоска вдоль магистралей Санкт-Петербург — Москва и Транссиб, всё остальное — рукотворная пустыня (хотя и с чернозёмами), устроенная либералами в ходе осуществления их реформ. Да, Бомба у нас есть (Каддафи начал было создавать её у себя, но потом отказался от этой затеи.) Только вряд ли найдётся в России политик, который осмелился бы отдать приказ о применении этой Бомбы.

То, что ливийский сценарий может пригодиться Западу в войне против России, не исключено. А чтобы РФ не смогла бы воспользоваться своим правом вето, Запад смог бы добиться предварительного исключения её из ООН (как в своё время СССР был исключён из предшественницы ООН Лиги Наций в связи с советско-финской войной).

Более реалистичный, на мой взгляд, сценарий агрессии Запада против России представил другой журналист, но также и политик (бывший вице-премьер РФ при Ельцине) Михаил Полторанин. Вот что он написал в своей книге «Власть в тротиловом эквиваленте» (М., 2010, с. 405):

«Обезопасив себя (добившись уничтожения наших самых мощных межконтинентальных баллистических ракет. — М.А.), американцы начали разрабатывать оружие «политического принуждения». Это ядерные заряды с ограниченными возможностями площади ядерного поражения. Спрашивается, зачем невероятным возможностям ставить пределы? А вот зачем. Скажем, в каких-то регионах подняли мятеж против сверхдружественного Соединённым Штатам кремлёвского режима, и появилась угроза реального прихода к власти патриотических сил. Тут и может возникнуть необходимость нанести ядерные удары «политического принуждения» по штабам, по скоплениям мятежников, но чтобы при этом

не отравить радиацией экосферу, то сырьё, которое пойдёт из России на Запад. (Идеи людоедские, а разве у Пентагона было когда-нибудь что-то святое!)»

В общем, вдруг либералы, будто мир изменился настолько, что России теперь никто извне не угрожает. Напротив, всё чаще в нашей стране после начала войны в Ливии раздаются голоса, в том числе и в СМИ (в частности, об этом сказал по телевидению Максим Шевченко): «Россия — на очереди».

Краткий экскурс в историю

Россия (Русь) была известна в Европе давно и изначально воспринималась католическим Западом как порождение и продолжение ненавистной ему православной Византии. Если не вдаваться уж совсем в глубокую древность, отмечу, что Россия при Петре I, по словам Пушкина, вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек. С этого времени Россия принимала живое участие в европейских делах, чаще выступая в защиту не своих, а чужих интересов. Сам Пётр во время поездок в Европу своим пьянством и манерами, далёкими от западных эталонов, лишь подтверждал мнение европейцев о русских как о крещёных медведях.

По-настоящему Россия вошла в клуб великих европейских держав лишь после её победы над Наполеоном и взятия Парижа нашими войсками. И хотя она стала членом Священного союза европейских христианских монархов, в Европе считали, что, как выражался Меттерних, Азия (то есть, в глазах европейцев, дикость и отсталость) начинается к востоку от Вены.

Россия, присоединившаяся к наполеоновской континентальной блокаде Англии, а затем и наметившая совместный с Наполеоном поход в Индию, стала смертельным врагом Англии. Францию питала жажда мести России за разгром на наших, а затем и европейских полях сражений наполеоновской армии двенадцати языков. В 1848 году, когда зашаталась под ударами революционных сил почти все европейские троны, а во Франции даже была установлена на некоторое время республика, лишь Россия не только не шелохнулась, но даже послала войска, чтобы подавить революцию в Венгрии.

После Итальянского похода Суворова и Отечественной войны русская армия считалась самой сильной в Европе, более того — непобедимой. Когда в Париже была поставлена в театре пьеса, выставленная в неблагоприятном свете Екате-

рину II, Николай I вызвал французского посла и потребовал немедленно прикрыть этот пасквиль, пообещав, что в противном случае пришлёт в Париж миллион зрителей в серых шинелях. Прошло ровно столько времени, сколько курьеру понадобилось, чтобы довести эту ноту до Парижа, как пьеса был снята с репертуара.

Европейские монархи ездили в Петербург к Николаю I, словно русские князья к хану Орды за ярлыком на княжение. Такого своего унижения Запад простить России не мог. И он воспользовался благоприятным для себя (и неблагоприятным для России) стечением обстоятельств. «Христианский» Запад (Англия, Франция и Сардиния) совместно с мусульманским Востоком (Турцией) напал на христианскую Россию.

Крымскую войну Запад, по сути, проиграл. В результате трёхлетних боёв, в которых погибла элита его армий, он добился захвата маленького плацдарма в Крыму и взятия Севастополя. Что ему было делать дальше, никто не знал, продвигаться в глубь России — значило бы повторить судьбу наполеоновской армии. Продолжать войну у Запада не было сил. А в России поднималось движение за создание народного ополчения, за превращение Крымской войны во Вторую Отечественную. Смерть Николая и восшествие на престол западника и либерала Александра II помешали осуществлению этого начинания. Но главное, чего добился Запад (все остальные наложенные им на Россию ограничения были через 15 лет ею отменены), заключалось в том, что был развеян миф о непобедимости русской армии. И это было страшнейшим ударом по России. После этого началась целая серия мелких конфликтов и серьёзных войн, в которых Россия терпела поражения, и в конце концов империя рухнула.

О том, какую зловещую роль сыграла Великобритания в подготовке нацистской агрессии против нашей страны, хорошо рассказано в книге Николая Старикова «Кто заставил Гитлера напасть на СССР?» (она есть и в Интернете).

От событий достаточно отдалённых перенесёмся к делам недавним. 8 августа 2008 года Грузия напала на Южную Осетию. Путин, который предупреждал Саакашвили, что в такой ситуации введёт в Южную Осетию российские войска, находился в Пекине, на открытии Олимпийских игр. Запад, видимо, был уверен, что Медведев на отпор агрессору не решится. Но, как известно, по приказу Верховного Главнокомандующего части Российской армии нанесли Грузии сокрушительное поражение. Но это было поражением не только Грузии, а и всего Запада и прежде всего США. Весь мир

увидел, что США, вооружавшие и подбадривавшие Грузию, оказались бессильны помочь своей полностью разгромленной союзнице. Запад тогда в отместку лишь развернул против России беспрецедентную информационную войну.

Политолог Сергей Кургинян рассказывает, что происходило в те дни на Чёрном море, куда вошли американские корабли с ядерным оружием. Российские и американские корабли стояли чуть ли не бок о бок, и война могла бы начаться совершенно случайно. По его мнению, это был кризис, более опасный, чем пресловутый Карибский кризис 1962 года. Но главное — русские тут «обули» (обыграли) американцев. Мир увидел, что «хозяина» можно «кинуть». Саркози плакал, когда провалился его план ввести в Южную Осетию и Абхазию западный миротворческий контингент. Признание Россией независимости этих двух республик стало шагом, какого от нас никто не ожидал.

Что происходит в тандеме?

Но и в таком важном вопросе, как ливийский, Россия не могла не удивить мир. Реакция на события в Ливии у членов нашего правящего тандема, судя по их публичным заявлениям, оказалась весьма различной.

Медведев подтвердил, что Россия умышленно не воспользовалась правом вето на резолюцию — она «правильная, поскольку в целом отражает и наше понимание происходящего в Ливии». МИД выступал с инструкциями президента, подчеркнул Медведев, они были выполнены.

И тут у президента, согласившегося на бомбардировку Ливии, появился влиятельный оппонент — премьер. Он заявил, что позиция России по ливийскому вопросу должна быть скорректирована. Владимир Путин посетил город оружейников (точнее, строителей ракет «Тополь-М», «Булава» и «Искандер») Воткинск. Во время общения с премьером рабочие спрашивали его в основном о положении в Ливии. «Внешняя политика — это прерогатива президента, но у меня, конечно, есть собственная точка зрения на этот предмет, — с готовностью откликнулся Путин. — Конечно, решения ливийского руководства ни по одному параметру не носят демократического характера. В итоге внутривнутриполитическая ситуация там приобрела характер вооружённой борьбы. Но это не значит, что кому-то можно вмешиваться во внутренние дела суверенного государства. Резолюция ООН на этот счет является неполноценной и ущербной: фактически она разрешает всем всё и напоминает средневековые призывы к крестовым походам».

Позже Путин ещё раз подчеркнул, что внешняя политика не входит в компетенцию премьера. «Правительство у нас занимается социально-экономическими вопросами, решением этих проблем». Но по его личному мнению, «бомбовые удары по территории суверенных государств под предлогом защиты мирного населения лишний раз подтверждают: то, что мы делаем по укреплению обороноспособности России, — правильно! Слишком легко в последнее время принимаются решения о применении силы».

В частности, по его словам, до 2020 года будет полностью перевооружена система ПВО — ракетами С-400 «Триумф». В то же время «ничего не мешает нам провести модернизацию и наступательных вооружений. К 2020 году в российских войсках должно быть 70 процентов современных вооружений». Правда, «в полном соответствии с международными договорами России, в том числе с США». По мнению Путина, в применении США силы за рубежом нет «ни логики, ни совести».

Выступление премьера немедленно поддержали в Государственной думе. Спикер Борис Грызлов заявил, что натовцы превысили допустимые пределы в применении военной силы против Ливии. А председатель думского комитета по обороне Виктор Заварзин сравнил нынешнюю военную операцию с действиями стран НАТО в бывшей Югославии в 1999 году: как и тогда, она только обостряет ситуацию в регионе. Депутаты приняли заявление (правда, несколько двойственное) в связи с силовой операцией в Ливии.

С другой стороны, последовали первые «репрессии». Депутата Госдумы Константина Затулина было решено лишить должности первого заместителя думского комитета по делам СНГ якобы в порядке обычной ротации кадров. Но сам потерпевший убеждён, что его понизили в статусе за то, что он поддержал Путина в споре с Медведевым по ливийскому вопросу. А президенту не понравились формулировки премьера. До такой степени, что Медведев публично заявил о недопустимости заявления, сделанного Путиным.

Медведев призвал быть осторожными в оценках ситуации в Ливии и избегать выражений вроде «крестовых походов». «Ни в коем случае недопустимо использовать выражения, которые, по сути, ведут к столкновению цивилизаций. Типа «крестовых походов» и так далее. Это неприемлемо. В противном случае все может закончиться гораздо хуже, чем даже происходит. Об этом должны помнить все».

В СМИ отмечали, что до сих пор разногласия в правящем тандеме возникали, однако проявлялись куда менее откро-

венно. Так, Путин говорил о виновности Ходорковского. А Медведев напомнил, что определить виновность гражданина может только суд.

Кроме этого, Медведев и Путин несколько раз расходились в отношении к несистемной оппозиции: премьер обвинял Бориса Немцова, Владимира Рыжкова и Владимира Милова в воровстве, а президент отзывался о тех же людях с уважением.

В оценке событий в Ливии «мы видим принципиальное различие позиций президента и премьера, — констатировал директор Института международной политической экспертизы Евгений Минченко. — И это не просто ситуативная история, а демонстрация двух линий. Одна линия — линия Путина — основана на том, что Россия никогда не станет частью западной элиты, а значит, надо жёстко продвигать свои интересы любой ценой. Другая — линия Медведева, базируется на том, что у России сохраняется шанс войти в евроатлантическую элиту, следовательно, нужно взаимодействовать с Западом на ценностной платформе».

Профессор Михаил Делягин вообще видит суть новой эпохи в развитии мировой цивилизации в том, что население планеты делится на два класса. Первый — это глобальный правящий класс (новые кочевники), не привязанный ни к какой стране и ни к какому народу и не несущий ответственности ни за кого и ни перед кем. Эта элита живёт в особом изолированном мире — в пятизвёздочных отелях или на виллах, ограждённых от прочей публики. Второй — это всё остальное население Земли, состоящее из разных социальных прослоек, но равно бессильное перед элитой. Давняя мечта российских элитариев — вписаться в мировую элиту, но это вряд ли получится, как и вообще вряд ли сбудутся мечты глобального правящего класса.

Некоторые эксперты объясняли спор в тандеме свидетельством подготовки Дмитрия Медведева к переизбранию на президентский пост. Директор Института Национальной стратегии Станислав Белковский напомнил, что один из молодых деятелей «Единой России» Алексей Чадаев в своем блоге указал на провал ливийской политики Кремля: «Я считаю попытку кремлевских обитателей присоединиться к хору осуждающих Каддафи ошибкой, которая может стоить Медведеву политического будущего». И заодно атаковал средствами Twitter президентского помощника Аркадия Дворковича, поставив перед ним поистине гамлетовский вопрос: «В случае вооруженного мятежа в Москве что Вы посоветуете своему шефу — бежать или защищаться?»

Владимир Путин на «Первом канале» заявил, что не позволит развиваться иностранным неядерным вооружениям в ущерб безопасности России, вторгшись, таким образом, в президентскую сферу компетенции. Дмитрий Медведев, в свою очередь, пообещал провести правовую экспертизу громких дел, начавшихся при Путине, для чего даже собирались пригласить зарубежных юристов.

Но если оценивать заявления Медведева и Путина с точки зрения соответствия общественным настроениям, то надо признать, что позицию президента одобряла лишь небольшая прослойка либералов внутри страны, а также элита Запада, а мнение премьера разделяло подавляющее большинство рядовых граждан России. Писатель Николай Стариков в связи с позицией президента по ливийскому вопросу даже публично обратился к Медведеву с призывом: «Дмитрий Анатольевич, вернитесь к своему народу!»

Однако наблюдатели из «Московского комсомольца» полагают, что тандему ничто не грозит:

«Скандал невероятный! Говорят, Тандем раскололся пополам.»

Слушайте, если бы Путин действительно жаждал спасти Каддафи, он бы шепнул пару нужных слов Лаврову. Категоричного «нет» России на Совбезе ООН было бы достаточно, чтобы осложнить жизнь западным ястребам.

Но Россия многозначительно воздержалась. Зато после начала военной операции прозвучали взволновавшие всех заявления двуглавого председателя России. «Интеллигентный» Медведев операцию в Ливии поддержал, послав таким образом нужный сигнал Западу и российским либералам. «Брутальный» Путин выступил резко против, послав нужный сигнал арабскому миру и российским патриотам.

В итоге все довольны, все услышали то, что хотели. Другие страны так делают постоянно, ведь отношения надо сохранить с обеими сторонами конфликтов. Президент США частенько делает заявления, противоречащие словам вице-президента. Госсекретарь и вовсе может высказать третью точку зрения. Это политика».

Мир снова погрузился в гадания: то ли президент и премьер разрушили свой тандем и оба начали подготовку к президентским выборам 2012 года? То ли это обычная игра политиков в «добраго и злого следователя», призванная запутать ситуацию, вступила в новую фазу? То ли оба они думают одинаково, но премьер высказывается в расчёте на россиян, а президент вынужден на публике осуждать его, чтобы не вызвать нервной реакции на Западе?

А вот и суть проблемы

Говорят, Запад наказал ливийского полковника, чтобы предупредить одного отставного полковника в России. Во время своего приезда в Москву (его трёхдневный визит завершился 11 марта) вице-президент США Джозеф Байден встретился и с Медведевым, и с Путиным. На встрече с лидерами российской оппозиции Байден сообщил, что сказал Путину о нецелесообразности выдвижения его кандидатуры на президентских выборах в России в 2012 году. Россия, по мнению американского вице-президента, «устала от Путина, и эта усталость будет нарастать и неизбежно приведет к событиям, аналогичным тем, что происходят в арабском мире. Очевидно, что динамика этих событий заставляет США начать пересмотр отношений со всеми авторитарными режимами, в том числе и российским. Стабильность путинской вертикали перестает являться константой для американской внешней политики», — сообщил в своём блоге оппозиционер Гарри Каспаров. Примерно о том же рассказывали и другие участвовавшие во встрече оппозиционеры. Примечательно, что посольство США в Москве не подтвердило, но и не опровергло эти сообщения. (Не опровергло — значит, нечто подобное было!)

Очевидно, что Байден пугал Путина не вообще событиями в арабском мире, и именно судьбой Ливии и Каддафи. Но ведь предостережение Байдена Путину — это откровенный шантаж. Впрочем, американцы могут, не стесняясь, вмешиваться во внутренние дела России, которую они рассматривают как страну, потерпевшую поражение в «холодной войне» и принявшую продиктованные ей условия капитуляции. А потому американцам и решать, кому в России быть президентом, а кого отправить на суд Гаагского трибунала. Они в целом правы, но всё же нужно внести одно уточнение.

Самая глубокая тайна современности

СССР не проиграл «холодную войну», он до последнего дня своего существования был самой могущественной державой на планете, и Запад панически боялся его межконтинентальных баллистических ракет, против которых были бессильны все тогдашние (и сегодняшние, и завтрашние) системы противоракетной обороны. И Россия, которой досталась наибольшая часть советского ракетно-ядерного потенциала, войны не проигрывала. Но в РФ пришёл к власти Ельцин с командой либеральных реформаторов, неисправимых западников, для которых США были образцом во всём. **И наша страна добро-**

вольно признала себя побеждённой и приняла условия капитуляции. А эти условия были гораздо более тяжёлыми и позорными, чем условия Версальского договора 1919 года, продиктованные Антантой побеждённой Германии.

Россия приняла требования:

— уничтожить львиную долю своего ракетно-ядерного потенциала, взамен которого ей разрешено иметь на вооружении уязвимые типы ракет («Тополь-М» и др.);

— сократить численность и снизить боеспособность своих Вооружённых сил до такого уровня, при котором они никогда бы не стали грозой Западу, но в то же время сохраняли потенциал для участия в локальных конфликтах в его интересах, а также для подавления возможных протестных выступлений населения;

— разрушить свой промышленный потенциал (в первую очередь — оборонно-промышленный комплекс), научные школы и конструкторские коллективы, способные решать серьёзные военные и экономические задачи; превратить страну в сырьевой придаток Запада и в рынок сбыта его устаревших технологий;

— провести приватизацию в промышленности и в банковском секторе, передав богатства российских недр кучке проамерикански настроенных олигархов;

— перевести большую часть крупных российских предприятий в иностранную юрисдикцию, а остальные комплексы, комбинаты, разветвлённые энергосистемы раздробить на части, передать разным владельцам, вступающим в ожесточённую конкуренцию внутри страны, но неконкурентоспособным на мировом рынке;

— ввести частную собственность на землю, разрушить свой агропромышленный комплекс, превратить страну в рынок сбыта для сельскохозяйственной продукции Запада, с тем чтобы в случае конфликта с ним Россия гарантированно оказалась бы перед угрозой массового голода;

— разрушить свою финансовую систему и построить новую, основанную на долларе США, для которого российский рубль служил бы только туземным эквивалентом; понизить курс своей национальной валюты к доллару так, чтобы на любой экспортно-импортной операции Россия переплачивала бы за зарубежные товары и услуги в 2—3 раза;

— обеспечить свободу вывоза капитала из России, чтобы истощить и обескровить её, сделав невозможным восстановление её экономического и военного потенциала, и в то же время использовать финансовые ресурсы РФ для поддержки экономики и финансовой системы США;

— разрушить свои системы образования и здравоохранения, бывшие лучшими в мире, и подогнать их под стандарты, установленные Западом для колоний; провести «оптимизацию» численности населения РФ, чтобы оставить контингент, достаточный для обслуживания сырьевых отраслей экономики; обеспечить и соответствующее снижение уровня человеческого потенциала у оставшегося населения;

— и главное — отказаться от идей социализма, от идеологического противостояния с Западом, от планового ведения народного хозяйства, и довести экономическую и духовную разруху до степени, когда никакое возрождение страны станет невозможным.

Другие условия этого «Российского Версаля» здесь можно пока не рассматривать, хотя надо отметить, что в совокупности принятие всех перечисленных выше условий есть акт государственной измены и преступления против человечности, не имеющих сроков давности.

Хотя принятие всех перечисленных условий очевидно, само оно было обставлено как глубочайшая тайна. Русский народ, если бы ему объявили, что Россия так позорно капитулировала, мог бы взорваться от негодования. Нет, внешне всё было обставлено так, будто Россия оставалась великой державой, и её на Западе на официальном уровне принимали как таковую. В аэропортах перед Ельциным расстилались ковровые дорожки, выстраивался почётный караул, исполнялся российский гимн и пр. У этого решения была ещё одна выигрышная сторона: побеждённую Россию не надо было американцам оккупировать, как в своё время Германию и Японию, а с русскими всё так гладко, возможно, не прошло бы. Но Ельцин и его поделельники добровольно и с радостью взяли на себя роль колониальной администрации, и введение оккупационного режима в России так и не было сразу понято. Оно не понято основной массой населения и до сих пор. А официальные лица во власти и не могут об этом заявить открыто, это могло бы быть воспринято на Западе как объявление войны, как стремление избавиться от позорной капитуляции.

Главной гарантией того, что Россия не сможет вырваться из той петли, которую накинуд ей на шею Запад, служат неизмеримое экономическое, финансовое, идеологическое и военное превосходство Запада над нынешней Россией.

В качестве дополнительной гарантии соблюдения Россией принятых условий капитуляции наше руководство обязали не трогать, не выводить из состава правящей элиты «неприкасаемых» вроде Анатолия Чубайса (о котором за грани-

цей даже пишут, что он — единственный от России член тайного мирового правительства); не ущемлять существующие в нашей стране на зарубежные подачки неправительственные и некоммерческие организации, фонды, агентов влияния и прочие отряды «пятой колонны». Так что наблюдателей за соблюдением условий капитуляции Россией хватает — и за рубежом, и в лице аккредитованных в Москве дипломатов и разведчиков, и добровольных их помощников внутри страны.

Одна часть условий капитуляции России была зафиксирована в международных документах, подлежащих ратификации и ратифицированных РФ (например, Договор СНВ-2). К этой же группе надо отнести Соглашение о Статусе Сил (о пребывании войск НАТО на территории РФ) в рамках программы «партнёрство ради мира». Оно готовилось ещё при Ельцине, но заключено и ратифицировано только в 2007 году. Многие эксперты полагают, что это Соглашение может быть использовано НАТО для того, чтобы в случае каких-то осложнений в России встать на защиту прозападных сил и на всякий случай взять под контроль наше ракетно-ядерное оружие.

Другая существовала в виде правительственных документов США. Как пример, можно привести выступление Клинтона на совещании Объединённого комитета начальников штабов в октябре 1995 года. Там он расписывал размер контрибуции, уплаченной Россией, и гарантии того, что США уже из побеждённой РФ не уйдут.

Третья представлена в виде документов Международного валютного фонда и инструкций руководителя группы западных советников и экспертов Джеффри Сакса, а также в переписке министров обороны РФ и США Грачёва и Чейни (отчёт об уничтожении Россией большей части самого грозного своего ракетно-ядерного оружия и др.).

Четвёртая отражена в кабальных сделках РФ и Запада, в частности, сделка «Гор — Чернобырдин» по продаже Россией Америке за бесценок 800 тонн оружейного плутония. Эту сделку даже Джордж Буш-младший назвал примером коррупции. Чернобырдин грозился подать на Буша в суд, но не подал, зная, что подаст на свою шею.

Пятая излагалась в виде проектов постановлений правительства РФ, составлявшихся в Вашингтоне и пересылавшихся в Москву на подпись (что не раз служило предметом насмешек в российских СМИ).

Шестая — это те условия, которые даже Ельцин сначала отказывался принять. (Типа тех, о которых он, пока ещё не потерял здравый рассудок, говорил своим подельникам: «Да

нас расстреляют за это. И правильно сделают», — Полторанин, «Власть в тротиловом эквиваленте», с. 453.) Но Клинтон, используя страсть Ельцина к спиртному и доводя его до пьяного состояния, вступал с ним в «задушевные беседы» с похлопываниями по плечу, а то и с объятиями, получал его согласие. Вероятно, Ельцин, протрезвев, сам поражался тому, какие ужасные условия он принимал, но изменить что-либо было уже поздно. Полторанин рассказывает об этом, ссылаясь на близкого друга Клинтона, дипломата Струба Тэлботта (с. 389—390), но об этом можно прочитать и в мемуарах самого Тэлботта.

Наконец, седьмая, самая важная, видимо, была продиктована Ельцину устно перед лицом представителей тех, кого обмануть не посмеет никто в мире.

Все эти условия были приняты Ельциным, и по большей части соответствующие меры были осуществлены командой гайдаров-чубайсов. Соответственно, была выработана и Конституция РФ. Так что преемникам Ельцина всё досталось в готовом виде. Надо полагать, что Ельцин, передавая Россию Путину (а Путин — Медведеву), ознакомил его с условиями капитуляции.

Вот в каких условиях нашему тандему приходится решать все вопросы внутренней и внешней политики России. Отсюда, надеюсь, понятно, насколько неосведомленными, некомпетентными и легкомысленными предстают различные критики действий руководства России, тьма политологов, экспертов и аналитиков, даже не подозревающих, какие условия капитуляции навязаны России.

Мы часто сравниваем итоги реформ в России и в Китае, спорим, возможно ли было у нас развитие по китайскому пути и пр. Но эти сравнения бессмысленны, потому что различие между нашими двумя странами было не в специфике их экономического положения и не в характерах народов, а в главном: Россия приняла условия капитуляции, а Китай, даже находясь в несравненно худшем положении, побеждённым себя не признавал. А потому он мог позволить себе проводить реформы по своему сценарию, в соответствии со своими национальными интересами. Россия же была вынуждена проводить чуждую ей политику, направляемую извне. Как описать состояние руководителей такой страны после Ельцина?

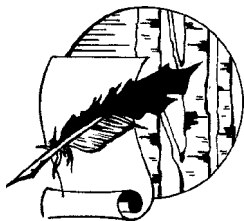
Помнится, один старый профессор, преподававший в военной академии, рассказывал мне, что он чувствовал, когда ему присвоили воинское звание (достаточно высокое) и выдали форменную одежду. «Так что же, теперь у меня не оста-

ётся никакой свободы действий?» — спросил он своего начальника. «Почему же? — ответил тот, — у вас остаётся полная свобода шевелить большим пальцем ноги... в сапоге!»

Вот примерно такова же свобода действий у нынешних руководителей России. И если они действительно хотят возрождения России как великой мировой державы, им придется действовать в узких пределах, не выходя за рамки поставленных ей ограничений, ибо за это могут последовать санкции. Приходится терпеливо выжидать, когда где-то Запад даёт слабину, и воспользоваться этой временной его слабостью, а затем ожидать другого такого благоприятного момента. Вот наглядный пример тому.

Когда Россия разгромила Грузию в августе 2008 года, наши руководители говорили, что хотят захватить и наказать Саакашвили. Российские танки находились в нескольких часах езды от Тбилиси, и грузинских воинских формирований, которые могли бы преградить им путь, не существовало. Но США приказали остановить наши танки, и приказ был выполнен. Даже в победоносной войне нашим успехам был поставлен жёсткий предел.

А вот как нам выбираться из того болота, в каком мы оказались, — это и есть главный для нас вопрос.

Леонид КОРНИЛОВ

В ОБОЙМЕ ВРЕМЁН

* * *

Ещё ручьи молчат в оврагах,
Ещё сугробы видят сны.
Но в неизменно чёрных фраках
Спешат грачи на бал весны.
Ещё восход — замёрзшей клюквой.
И снегодуй срывает злость.
Но графы носят в белых клювах
Сухие веточки, как трость.
Ещё сосулек стыннут грозди
И март по-зимнему сердит.
Но в окружённых стужей гнёздах
На яйцах оттепель сидит.

ЗИМНИЙ НАРОД

Зима научила кострам
И шапкам-ушанкам, и шубам,
Деревьям, поваленным в срубы,
Взлетающим с плеч топорам.
Зима научила стогам
И песням про русскую тройку.
Любую дорогу и тропку
Зима приучила к снегам.
И выюгами высекла грудь.
И сбила в полозья колёса.
Невиданный бросила путь
Под ноги великого росса.
Мы скованы стужей в народ.
В железо нам выкалил нервы
Холодный кутузовский год
И знатный мороз в сорок первом.

Зима — наша белая кость
И самая гордая сказка.
От Балтии русый авось
Катал снежных баб за Аляску.
Мы, русские, — зимний народ.
Бессмертие в душах озимых.
И в топи вселенских высот
Уходит космический зимник.

* * *

Октябрь споткнулся на пороге.
Всему — осенняя судьба.
А по заброшенной дороге
В последний путь идёт изба.
Сбивая в кровь венцы босые,
С дырявой кровлей набекрень —
Бредёт на кладбище России
Для недобитых деревень.
Сюда, почувствовав кончину,
Со всех оплаканных сторон...
Сюда, на кладбище Отчизны,
Без панихид и похорон...
Оно — везде. Шагни с угора
За горизонт... Оно — везде...
И перерезанное горло
Тропы в заросшей борозде.
И крик ворон в костлявых кронах.
Колодца выклеваный глаз.
В ослепших окнах, мёртвых брёвнах
Безбожья сумеречный лаз.
Коньки, проваленные в срубы.
Заборов-бражников загул.
Взамен крестов печные трубы
Несут печальный караул.
Когда-то было здесь крылечко.
Вот столб остался от ворот.
На дальнем взгорочке у речки
Изба на кладбище идёт.

АСТЕРОИД

Ось земная хрустит и ноет.
Запад, словно радикулит.

Вся надежда на астероид,
Что в Америку угодит.
Эй, космический Авиценна,
Хоть навылет, но исцели!
И не дай себе сбить прицела
Самой худшей стране Земли.
Солнце бледной лампадкой светит.
И созрел Вашингтон прыщом.
Астероид — вселенский смертник,
Божьей выпущенный пращой.
Не могу изъясняться проще,
Распирает восторг меня:
Я сегодня — корректировщик
Астероидного огня.
Жаждой мести потешу душу.
И не будет ничьей вины
В том, что волны проглотят сушу
С небоскрёбами сатаны.
И цунами устроят пляску
По-над статуей их свобод.
Мы продали им не Аляску,
А — ревушую бездну вод.
И когда океаны стихнут
И срастутся в один поток, —
Атлантический станет Тихим,
Запад в Дальний войдёт Восток.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Как последний патрон, ветеран
Остается в обойме живых.
По цветам салютующих стран
Он когда-то дошёл до своих.
В штыковую бросаясь на смерть,
Как ребёнка, спасал белый свет.
А теперь он не может смотреть
На останки великих побед.
И над плитами братских могил
Замер он, как живой обелиск.
Те, кто сделали всё, что смогли,
Навсегда под землёй обнялись.
Там солдатское братство навек
По прозванию Русский Иван.
И зовёт это братство наверх

Человек из осколков и ран.
Похоронена слава страны.
Хоть и — Вечный Огонь, да погас.
Похоронкой с великой войны
Ходит старый солдат среди нас.
В заржавевшей обойме времен,
Фронтовые сто грамм пригубя,
Он загнал сам себя, как патрон,
Как последний патрон — для себя.
И на братство священное пал,
Как всегда героически смел.
Победителем быть он устал.
Побеждённым он быть не умел.

Владимир СМЫК

Нашему постоянному автору Владимиру Филипповичу Смыку в этом году исполнилось 70 лет. Сердечно поздравляем его с юбилеем и желаем ему жизненного и творческого долголетия.

НЕБЕСНЫЕ НИВЫ

* * *

Февраль свои откроет закрома
взметнет сугробы и оснежит рощи.
Еще уроки чистоты и мощи
ведет в России матушка-зима.
Кладет пред нами новую страницу —
во весь простор сиянье белизны.
Над нею — ветер, и она искрится,
и многое еще должно случиться.
И смертные нам рано видеть сны.

ДОРОГА

Все больше неба и земли,
леса случайней, а дорога
все тот же нам сулит вдали
степной простор, открытый Богу.

Все те же долгие поля
да речка изредка, в которой
среди досужих разговоров
домашней птицы — журавля
вдруг слышишь крик и видишь взмах,
несуетливый, серых крыльев...
На мост идет невторопях,
однако и не без усилия
телега. Речь с нее слышна
о недороде. Он заметил,
что все же год не тридцать третий.
— Хай милует Господь! — она
ему ответила. Телега
в село свернула. О, село
малороссийское! Везло
тебе на лихолетья: следом
шли разоренье, мор, война;
иной вдовы убогой хата
такими былями богата,
каких седая старина
не помнит; здесь душа иная
идет по мукам столько верст,
что хватит ей дойти до звезд,
а может, и дойдет — кто знает?
Ей свет навстречу звезды льют
и видят: степь, село, могилу
там за дорогой, где зарыли
давно уж бабушку мою.

ОСЕННИЙ КУРС

Вбóроны полем ходили степенные
в поисках падали.
Лес красовался бумагами ценными,
но они падали.
Вдруг подхватили их ветры проворные,
как братья Черные.
Шумно захлопали крыльями вороны:
— Продано! Продано!

* * *

Поздним летом я видел воочию
над притихшею гладью озерной

созревавшие в небе полночном
яровые, горячие зерна.

Млечный Путь уводил в роковую,
восковую, последнюю спелость.
А луна... На секиру такую
любоваться нужна была смелость.

Вот зерно покатилося, сверкая, —
осыпались небесные злаки.
Что ж, душа, ты не можешь, родная,
различить эти явные знаки?

В ожидании жатвы ты или
спишь, как прежде, к суду не готова?
Те, что душу свою не щадили,
столько дали зерна золотого...

Что ж не замерли сердца порывы,
что ж не стих голос плоти и крови?
Надо мною небесные нивы
побелели — и серп наготове.

ПТИЦЫ

День медлил начаться, в низинах стояли туманы —
Путь Млечный там все еще с ночи, казалось, гостил.
Но ближе к полудню нахмурилось небо над нами,
и клин журавлиный над рощей березовой взмыл.

Всё дальше, всё дальше уходит он горней дорогой,
и сила упорная в каждом упругом крыле.
Куда же вы, птицы, и так нас осталось немного,
нас мало осталось на горестной нашей земле.

И тучи за вами, их ветер порывистый гонит,
мятежная ярость в холодных порывах слышна.
Овраг перед ним, на краю генералами — клены,
он срежет погоны, сорвет с их груди ордена.

И будет раздет донага этот лес и расстрелян.
А сколько в нем раненных в самое сердце рябин!
В осенней войне никогда не считают потери —
моли о нас Господа, птиц улетающих клин.

Прощайте, прощайте, богатство, достоинство, слава,
на землю пришел разоренья великого час.
Все выше — вошел уже в тучу — ваш клин величавый.
Куда же вы, птицы, нас мало осталось без вас.

* * *

Бог сказал:
Я страну тебе дал.
Она разве
не прекрасней всех стран на планете?
Бог сказал:
Я жену тебе дал.
Она разве
не прекрасней всех женщин на свете?
Бог сказал:
Я язык тебе дал.
Разве он
всех иных не прекрасней наречий?

Что же ропщешь и мечешься ты, человек?

Ольга ДЪЯКОВА

ЗАРИ ВОЗНИЦА

* * *

Звезды шурят к исходу ночи
Письменами, данными навек.
Вызов пустоте бросаю, прочно
С высотой связан человек.

Заголовки это или знаки
В космос зазывающих афиш?
Незловиво звери зодиака
Гонят лунный свет по скату крыш.

Буду я в котле земли вариться,
Буду искры высекать из строк.
И зари неведомый возница
В птичий хор меня с собой повлек.

* * *

За спиною воина — дорога,
Весть о славе, мертвая трава.
За спиною женщины — тревога,
До глубин родимого двора.

Дом стоит, понурый, не похожий
На уют в минувшие года.
Ты оставил синий плащ в прихожей,
Зная, что уходишь навсегда.

* * *

Забрызгана дорожной грязью
Страна великих перемен.
Но видится всё время разной
И несравнимою ни с чем.

Волхвы гадали на дощечках
И по коре берестяной.
Средь потрясений бесконечных
Страна таит в себе покой.

Желтеют времени страницы,
Но неизменны облака.
Мои глаза уйдут в глазницы
Смотреть гудящие века.

* * *

Прислушайся, осенний ветер
Летит вдогонку поездам.
Мосты железные ответят
Дежурным грохотом верстам.

И дождь внезапный не смывает
Пыль пролетевших поездов —
За перелеском пропадает,
Пройдясь по шифрам проводов.

* * *

Всё вокруг переменялось
У открытого окна.
Голова луны катилась
Вдоль ночного полотна.

Плотный мрак меня окутал
И в глаза вцепилась тьма.
Лишь одной звезде минутной
Было дело до меня.

КРЕЩЕНСКИЙ ВЕЧЕР

В светёлке девушка поет,
По бархату кольцо катает.
И кто зайдет на огонек —
Ее душа еще не знает.

Колдун-слова слетают с губ,
Их призывают лишь однажды.
Открыть бы дверь в суровость вьюг,
Но снег не утоляет жажды.

Михаил ШУТОВ

ПЛЯШЕТ ВЕТЕР

О ВЕЛИЧИИ

Слышу: напрасно
Мы в нем увидели гения,
Просто набрался
Вдоволь от Маркса и Гегеля.

Слышу, что Ленин,
И уходя, не покаялся.
Наши алеют
Звезды на башнях пока еще.

Хмурые ели —
В строгом порядке размеренном.
От Мавзолея
Веет величием развеянным.

У КОСТРА

Ночь. Ни неба, ни себя не вижу.
Я в тайге. Ни звука. Боже мой...
Лишь раздумье в темени нависшей:
«Где-то люди, где-то дом родной...»

Лишь в безбрежье вечном вспыхнет где-то
Тихий свет, чтоб изойти скорей,
Огоньком живучим сигарета
Повторяет ход руки моей.

Да кержак с лица костром распарен,
«Я забудусь, — говорит, — на час,
Дым держи, а то недолго, парень,
Прикурить от вспышки рысских глаз».

БЕРЕЗА

Пляшет ветер в небе
Белым скакуном,
Завалило снегом
Все пути кругом.

От берез артельно,
Выросших в логу,
Прутья, как антенны,
Слушают пургу.

Лишь один, зеленый,
Листик на сучке
Бабочкой залетной
Бьется, как в сачке.

Вихрь ему белёсый
Реквием поет,
Но его береза
Все не отдает.

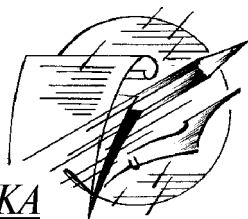
Тонкой и продрогшей
Сверху до корней,
Видно, всех дороже
Этот листик ей.

ВОЙНА С ПОСЛЕДНИМ СОЮЗНИКОМ

Под предлогом защиты прав детей в стране разворачивается настоящая атака на семью. Убедить общество в правильности этих действий никто и не пытается.

Всё большая часть публики всё твёрже убеждается, что под названием (более чем условным) «ювенальная юстиция» на страну надвигаются два новшества. Во-первых, у родителей будут отбирать детей — под предлогом широко толкуемого неблагополучия ребёнка в семье. Публика понимает это прямо: детей станут отбирать *за бедность*. Во-вторых, детей будут поощрять к доносам на родителей по поводу любого нарушения их, детских, прав: ну там папа накричал за двойку, мама запретила допоздна гулять или не купила мороженого. По таким доносам детей опять-таки станут изымать из семьи; бедные глупые Павлики Морозовы восплачут в детских домах, да будет уже поздно.

Лоббисты ювенальной юстиции нехотя и всё более раздражённым тоном публику успокаивают: да ничего подобного, кто вам рассказал эту чушь? Такие большие глаза — чтобы лучше ви-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

деть тебя, такие большие уши — чтобы лучше... то есть, тьфу; не так. Никаких ужасов ювенальная юстиция людям не готовит, а, напротив, несёт огромную пользу. Публика бы, думаю, и поверила: приведённые страхи настолько дики, что смерть как хочется, чтобы их кто-нибудь поскорее развеял. Но, к сожалению, текущие события то и дело подтверждают мнительным гражданам их худшие опасения.

При желании каждую отдельную неприятность, замечаемую вблизи этой больной проблемы, можно трактовать как чей-то ляп. Как сколь угодно скверный, но — анекдот. Вот в либеральнейшей газете проректор либеральнейшего вуза публикует призыв отбирать детей у жителей сёл Центральной России, поскольку там-де не сёла, а «источники социального загрязнения». Ну заучился человек: думал, что беседует в своём кругу, а брякнул при всех — с кем не бывает. Поплевались — забыли.

Вот в крае, возглавляемом просвещённейшим губернатором, объявляются вакансии с неплохой зарплатой; работа — выявление неблагополучных семей. От соискателей требуется опыт успешного... — чего? оказания помощи? Нет: ведения процессов по лишению родительских прав. Сам омбудсмен Астахов на своём сайте разъяснил, что работа по «выявлению» правильна и необходима, но что «недопустимо превращать очень важную государственную задачу — помощь социально незащищённым семьям и семьям, попавшим в сложную жизненную ситуацию — в очередную кампанейщину и «охоту на ведьм». Ладно; публика посердилась — отошла.

Вот в том же самом крае (уже после скандала с вакансиями!) студентам предлагают за вознаграждение выявлять кандидатов на лишение родительских прав. За каждую социально неблагополучную семью, где есть дети школьного возраста, наводчику платят по 350 рублей, а если ребёночек помладше, то даже 430. Признаки неблагополучия нехитры: плохие оценки, неремонтированное жильё... Оказывается, госзаказ был в регионе: вынь да положь 723 такие семьи — а самим чиновникам искать их было лень. Как раз этот госзаказ омбудсмен Астахов и назвал правильным и необходимым. Ну так ведь он же обещал, что это правильное дело не превратится в охоту на ведьм, — значит, не превратится. К какому-нибудь чиновничку, возможно, «примут меры» за некорректность — зато небрезгливые студенты чуток подзаработали. Ладно; забыли и это.

Вот в школах пытаются с помощью «паспортов здоровья» собирать данные о жизни в семьях учеников — данные с яв-

ным прицелом на то, чтобы впредь не приходилось платить студентам за доноссы. Ну так это какой-то умелец в Минобре в благородном усердии чуточку забежал за рамки Конституции. Забыли. Вот чиновники годами преследуют священника, без видимых оснований пытаюсь отобрать у него то всех детей (семеро родных и двое приёмных), то хоть некоторых. Ну так это закусили удила работники конкретного органа опеки. Если достучится злосчастный поп хоть до кого-нибудь властного, к районным деятелям тоже «примут меры» (пожурят). И так неделя за неделей; и публика, кажется, уже устаёт всё это забывать — и устаёт каждый раз верить в чью-то личную глупость или гнусность. И каждая следующая новость — даже если она сама по себе не важна — воспринимается всё острее, поскольку бьёт *в ту же боль*.

Вот, например, три тысячи серьёзных людей, собравшихся в Москве на Всероссийский родительский форум «Спасём семью — спасём Россию!», чуть было не потребовали распустить к чертям всю Общественную палату. А почему? Из-за пустяка. Участники форума прознали о форсайт-проекте «Детство-2030». Им послышалось, что этот документ уже одобрила Общественная палата и вот-вот его понесут для одобрения президенту, — они и рассердились.

Германская служба опеки получила право изъятия детей из семьи и иммунитет от любого внешнего контроля, кроме партийного, в 1939 году: так нацисты склепали орудие политических репрессий. Наши власти двинулись той же дорогой.

Авторы «Детства 2030» верят, что несколько «учёных» и, главное, модных терминов, будучи повторены много раз, автоматически порождают содержательный остросовременный текст. Само слово «форсайт» их так восхищает, кажется им столь волшебным, что страниц семь или восемь из общих сорока они отвели на токование вокруг чудесного термина. И как удачно, что форсайт не есть ни планирование, ни прогнозирование; и как сложно проводить форсайт именно в России, где люди и слова-то этого всё никак не поймут (читай: мы-то какие крутые!); и какие в их форсайт-проекте применены методологические инновации. А поверх *форсайта, инноваций, стратегирования да дискурса* в бумаге почти ничего и нет. Единственной заявкой на самобытность оказываются как раз те нехитрые пощёчины общественной морали, что так всех сердят: мол, стариков, конечно, убивать не надо, но и чрезмерно тратиться на них не следует; мол, родительская любовь есть скорее отживший предрассудок, чем наблюдаемый факт, и т.п.

Зато в учёных-то словах какая открылась силища! Оказывается, например, что все проблемы новых поколений разрешаются установлением правильного *дискурса детства*. Не в том всё-таки смысле, что дети рождаются от разговоров, но «в зависимости от того, какой дискурс существует и поддерживается в обществе, появляется тот или иной тип детства». Мы-то с вами, вахлаки, полагали, что «тип детства» зависит ещё от страшно многого. От того, в каком состоянии образование и медицина, от уровня алкоголизма и наркомании, от количества достойно оплачиваемых рабочих мест — да не перечислишь. Конечно, избранный авторами жанр подразумевает изрядную степень свободы от деталей — взгляд, так сказать, с высоты птичьего полёта. Но птичий полёт, с высоты которого не видно, скажем, не только наркомании, но вообще ни единой криминальной проблемы (хотя удаётся внимательно обозреть «бизнес детских товаров»), свидетельствует о незаурядном классе летателей. Если же авторы «Детства» и касаются действительно насущных вопросов, то опять как-то больше в смысле дискурса. Вот про медицину — не могу удержаться, процитирую: «Ориентация на болезнь и больных приводит к росту числа больных и больниц, ориентация на здоровье приводит к культивации (к культивированию? — А.П.) здорового образа жизни и разнообразию профилактических мер».

Исходя из подобного напыщенного псевдомыслия, пардон, *дискурса*, авторы строят «дорожную карту». Например, на 2030 год ими назначены чипизация и генная модификация человека, которые, конечно же, сильно поменяют все подходы к проблеме. Как чудесно сказала в интервью руководитель форсайт-проекта Алина Радченко, «хотим мы того или нет, это станет частью нашей жизни... Пришла зима — надели шубы, пришла чипизация мозга — надо быть к этому готовым». Так и видишь, как А.Ф. Радченко готовно чипизирует свой мозг, а равно мозги попавшихся под руку детей — и неторопливо надевает шубу. Так вот, к этой же «дорожной карте» на 2015—2020 годы отнесён отказ от дискурса «дети растут в семье». Необходимость отказа авторы поясняют безапелляционными фразами о том, что семейная структура тормозит развитие детей, что многие родители некомпетентны в воспитании, а главное — о ложности стереотипов, будто родители любят детей и будто дети нуждаются в родительском присмотре. Словом, дано краткое, но свирепо откровенное оправдание того самого массового изъятия детей, которого всё больше опасается публика. Сердиться на авторов бумаги такого качества, повторюсь, не стоит, но очень стоит

придумать: если уж они так уверены, что начальство желает слушать по проблемам детства именно такие публичные речи, то дело зашло далеко. Ведь госпожа-то Радченко не с улицы человек — она помимо форсайт-проекта руководит и аппаратом Общественной палаты. Вхожа-с. Так что говорить про эту бумагу всё-таки следует всерьёз.

Полемизировать? Да, нужно и полемизировать. Только не с этой уценённой шигалёвщиной, не с публикаторами крошечных софизмов, а с теми, кто, не произнося их вслух, буд-то по ним действует.

Вести или не вести российскому государству войну с семьёй — это один вопрос; отбор наилучших ювенальных технологий — вопрос другой. Первый сейчас неизмеримо важнее, но заниматься нужно обоими

В случайность таких совпадений не поверит никакой Ватсон. То профессор в «Ведомостях» мнение выскажет, то г-жа Радченко форсайт обнародует, то по телевизору ролик социальной рекламы запустят — и всё в одну дуду. Ролик-то не видели? Ещё увидите — его и на федеральных каналах в прайм-тайм крутят. Милый такой мультик про чудесный телефон, который забирает у детей их страхи. Испуганная девочка шепчет в трубку доброй тётё: «Мне страшно!» Тётя отвечает: «Давай поговорим, и твой страх уйдёт». Мерзкий фиолетовый страх уезжает от девочки по проводу — и она улыбается. Чего же она боялась-то? А боялась она ссорящихся за стеклянной дверью мамы и папы. Не пьяных соседей, не школьного хулиганья, не уличных наркоманов — мамы и папы. «Если ты тоже боишься, позвони... телефон...» Главный враг детства выбран и назван: объявляется война семье. Принимаются и разрабатываются всё новые законопроект, меняющие семейное, уголовное и административное законодательство в сторону резкого ужесточения контроля над семьёй со стороны государственных органов, облегчения вмешательства в дела семьи, изъятия детей и проч.

Президент подписал ряд поручений: «В частности, правительству РФ совместно с органами исполнительной власти субъектов Федерации поручено подготовить предложения по формированию накопительных счетов для воспитанников детских домов, имеющих родителей, но оставшихся без их попечения, и по разработке механизмов взыскания с этих родителей средств, используемых для формирования таких счетов». Понятно, что готовящаяся мера затронет не опустившуюся пьянь, у которой ребят и в самом деле следует изымать, — что с неё возьмёшь для накопительных счетов! Стра-

шилки о том, что детей и отберут и будут ещё драть с родителей суммы, сопоставимые со средней зарплатой, — ходили давно. Правда, слух шёл дальше: говорили, что, если лишённые детей родители не потянут этого оброка, у них опишут и продадут жильё.

Как этот поразительный курс обосновывается — помимо мультиков и софизмов? Очень просто. Нам втолковывают, что семья — главный источник насилия над детьми, значит, в ней-то с насилием и следует бороться. Это просто ложь. Цитирую министра Нургалиева: «В 2009 году было зарегистрировано порядка 106 тысяч преступлений в отношении несовершеннолетних, было признано потерпевшими более 108 тысяч детей и подростков, более половины из них, около 68 тысяч, пострадали от насильственных посягательств. При этом 4 тысячи преступлений данного вида были совершены родителями в отношении своих детей». Министр не очень внятен, и я не знаю, соотносить 4 с 68, со 106 или со 108; но ни 3,7%, ни 5,9% родителей — никак не главный источник. Говорите, в семье латентность выше? А то она у вас на улице низкая... Ладно, умножьте на три; да хоть на пять — всё равно «главного» не получится.

Нам говорят: во множестве семей дурно обходятся с детьми — надо же с этим что-то делать? Да, в крайних случаях надо — и для изъятия детей из нетерпимых условий закон давным-давно содержит адекватные инструменты. Идея же изъять детей из всех семей, которые чем-нибудь кого-нибудь не устраивают, и рассовать добычу по приютам не кажется удачной. Давно ли призывали детские дома свести на нет, возглашали, что «детдома — позор России!»? Теперь они, что, славой России будут? Да и невозможно поверить в то, что доля подвергающихся насилию детей в детских домах ниже, чем в семьях; если же изымаемых детей станет много, то обстановка в госприютах резко ухудшится даже по сравнению с нынешней.

Нам говорят: в бедных семьях дети не могут нормально развиваться. Нужно утвердить некий минимум, и если в семье этот минимум не обеспечен, детей из неё нужно изымать. Но если государство готово тратиться на лучшее содержание изъятых ребёнка в детском доме — какого чёрта оно половиной этих денег не подтянет злосчастные семьи к стандарту? Нет — оно, как мы видели, лучше со *слишком бедной* семьи будет драть на содержание в неволе её ребёнка. Нам говорят: ужесточения госконтроля за семьёй требуют подписанные Россией международные соглашения. Это не совсем правда, но даже не в том дело. Пусть нам лучше скажут: когда Рос-

сия в соответствии с теми же международными соглашениями создаст правовые механизмы обеспечения социальных обязательств государства. Но государство не хочет выполнять свои обязательства. Оно хочет карать семью, обвинив во всех бедах детей одну её.

Спору нет, семья в нашей стране не в лучшем состоянии: и бедных семей много, и пьяных семей много, и асоциальных. Да и сама идея классической семьи шатается. И одичанию — в частности, нарастающему насилию — семья противостоит плохо; всё так. Только замены-то ей нет. Кроме семьи, одичанию противостоять некому; она единственный сегодня осязаемый островок страшно дефицитных в России доверия и солидарности. На единственного союзника не идут войной за то, что он слаб. Уничтожить семью, по счастью, государство не может, но ещё больше ослабить её может быстро и радикально. Настойчивой пропаганды подлой идеи, что семья — главный враг детства, и массового вмешательства в семейные дела циничного нашего чиновничества будет для этой цели вполне достаточно. Страшилок, описывающих последствия такого сценария, написано уже с избытком — не будем умножать их число.

Заступники ювенальной юстиции спрашивают оппонентов: а чего это вы вдруг так переполошились? Ведь всё то, что так вас страшит, давно уже в России существует. И это правда. Уже сейчас у родителей, лишаемых родительских прав, отбирают примерно по 70 тысяч детей в год — в полтора раза больше, чем десять лет назад. Суды удовлетворяют более 90% исков этого рода, поступающих из органов опеки или прокуратуры, при том, что лишь в 10% из них идёт речь о непосредственной угрозе жизни и здоровью детей и только в 4% — о жестоком обращении с ними. Большинство же исков говорят о «неисполнении родительских обязанностей», то есть о вещи заведомо не бесспорной, но суд, повторим, в подавляющем большинстве случаев на сторону родителей не становится. Детей изымают не только при лишении их отцов и матерей родительских прав, но и при ограничении этих прав — изъятых таким образом детей в год бывает по 6—7 тысяч; достаточность оснований для ограничения прав тоже в решающей степени определяется органами опеки. О случаях явно необоснованного изъятия детей мы, как уже говорилось, слышим всё чаще. По мнению депутата Е.Б. Мизулиной, действующее семейное законодательство даёт возможность применять «порядка десятка технологий, позволяющих произвольно отбирать ребёнка из семьи».

То же и с доносом на родителей: ничего нового. Открываем Семейный кодекс РФ и в статье 56 читаем: «При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд». Что в этой статье изменится от введения ювенальной юстиции? Да ни буквы! Так что ни в первом, ни во втором смысле и вправду сколько-нибудь заметной разницы между предлагаемым ювенальным и нынешним обычным судом — нет. Больше того, продолжают сторонники ЮЮ: нарастающее недовольство граждан работой органов опеки как раз и свидетельствует о том, что эту сферу давно пора реформировать, — что же вы вставляете нам палки в колёса?

Нарастающее недовольство, на мой взгляд, свидетельствует как раз об обратном: о том, что сфера *начала* реформироваться — и явно к худшему. Но тут всё-таки придётся потратить несколько строк на избавление от путаницы в терминах. Ювенальная юстиция, в своём исходном и основном смысле, — это система правосудия в отношении несовершеннолетних. Что преступивших закон юнцов следует судить несколько иначе, чем взрослых, понимали ещё в Риме; сегодня с этим никто не спорит — разногласия наблюдаются лишь по деталям. Но современная трактовка термина включила в понятие ЮЮ и защиту прав несовершеннолетних, и профилактику преступлений, направленных против них. Именно в этих областях, как мы видим, и идёт баталия.

Ювенальных судов у нас — по крайней мере в обозримом будущем не будет: Дума отвергла такой законопроект. Теперь, говоря о ЮЮ, люди имеют в виду некоторую, пока не вполне определённую, совокупность *ювенальных технологий*, включающую выделение в общих судах специализированных «ювенальных» составов, придание органам опеки и попечительства дополнительных полномочий и прочее. И хорошо бы нам всем не путать: вести или не вести российскому государству войну с семьёй — это один вопрос; отбор наилучших ювенальных технологий — вопрос другой. Первый сейчас неизмеримо важнее, но заниматься нужно обоими.

Выделение специализированного состава суда всегда сулит плюсы, а иногда грозит минусами. Плюсы очевидны: судьи, избавляясь от необходимости распылять время и силы,

получают возможность серьёзно повышать свою квалификацию и быстро набирать ценнейший опыт. В плюс пошло и то, что в помощь судьям ювенального спецсостава взяты в штат социальные работники; они и собирают информацию о фигурантах дела, и ведут взаимодействие с госслужбами, работающими с «проблемными детьми», и устраивают подростков на учёбу и работу.

Минусы же сказываются, сразу неизмеримо превосходя плюсы, если судьи специализируются на остро взяточёмком разряде дел. В таких случаях спецсоставы моментально коррумпируются сами и, подавая слишком яркий пример, стимулируют продажность судей в соседних кабинетах. С ювенальными спецсоставами может получиться нечто весьма похожее, поскольку и это направление коррупциогенно уже сейчас, а в самом ближайшем будущем может стать звездой коррупции.

Коррупциогенна ювенальная сфера буквально *по определению* — по тексту законов. Так, Семейный кодекс постулирует право ребёнка на защиту от злоупотреблений со стороны родителей, но не определяет, какие действия родителей следует считать злоупотреблением; разрешает ребёнку жаловаться на родителей «при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию», но не определяет ни что такое обязанности по воспитанию, ни что считается их ненадлежащим исполнением, — и так далее, без конца. Это готовый парничок для коррупции, да к тому же неотменимый: так называемые Пекинские правила, определяющие международные стандарты в этой сфере, требуют, чтобы у ювенального судьи был «достаточный объём дискреционных полномочий».

Пока коррупции там мало, и она мелкая — во всяком случае, о ней как-то не слышно. При выделении ювенальных спецсоставов суда коррупция, безусловно, умножится, но — если не развернётся война государства против семьи — она по-прежнему будет мелкой: ну, будут чиновник опеки да ювенальный судья помогать друг другу накручивать производственные показатели; ну, сдерут время от времени клок с подвернувшегося пьяницы. Говорить не о чем. А всё дело в том, что сегодня не закажешь дело по ювенальной части для устрашения конкурента или отъёма бизнеса, как заказывают уголовные дела по более привычным статьям — от мошенничества до изнасилования и наркоторговли. Заказное изъятие ребёнка из семьи зажиточного бизнесмена на сегодняшнем фоне выглядело бы очень уж вопиюще, то есть

слишком рискованно: как спрячешь дубовый лист на паркетe? И не возьмётся никто, да и если возьмутся, с большой вероятностью не сделают. А вот если натиск на семью вообще будет, как нам говорят, значимо усилен, то появится лес, в котором уже можно будет прятать заказные листья. Тогда мы поймём, что прежние коррупция и грабёж были семечками. Сомнительно, чтобы много нашлось людей, способных долго сохранять выдержку после заказного изъятия ребёнка. Оружие будет неотразимым аргументом. Как этой неизбежной цепи следствий можно не предвидеть, понять трудно.

Необходимо немедленно прекратить вредоносную и подлую антисемейную кампанию, перестать крутить асоциальную рекламу, подстрекающую детей стучать на родителей, помочь на освободившиеся деньги отремонтировать квартиры сотне бедных семей. И тем самым избавить чинуш от соблазна изымать детей из семьи.

Владимир БОЯРИНЦЕВ
Анатолий САМАРИН

ЭЛИТНОЕ БЫДЛО

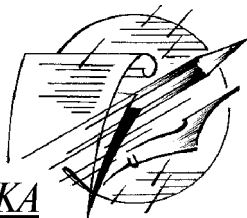
Начнём с вопроса: что такое «элита»?

Элита — в социологии и политологии — высший слой (или слои) социальной структуры общества... В современной социологии выдвинуты концепции множества элит — политической, экономической, административной, военной, религиозной, научной, культурной...

В российских условиях на виду у изумлённой публики постоянно находятся представители бизнес-элиты и шоу-элиты.

Чрезвычайно наглядное представление о выделении элиты из общества дал М.Е. Салтыков-Щедрин: «Не только страна, но и град всякий, и даже всякая малая весь, — и та своих доблестью сияющих и от начальства поставленных Ахиллов имеет, и не иметь не может. Взгляни на первую лужу — и в ней найдешь гада, который иройством своим всех прочих гадов превосходит и затемняет. Взгляни на дерево — и там усмотришь некоторый сук больший и против других крепчайший, а следственно, и доблестнейший...»

Слово «элита» пришло некогда из коневодства, где его использовали для ха-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

рактические характеристики лучших жеребцов и кобыл, предназначенных для случки. Читая бытописания представителей российской элиты, глядя телепрограммы с участием шоу-элиты, щедро насыщенные сюжетами скотного двора, невольно подумаешь, что главное их предназначение не ушло далеко от традиционных коневодческих задач. Во всяком случае, для большинства из них постельные похождения оказались едва ли не самыми заметными достижениями, о которых говорят публично со знанием дела в отличие от вопросов об источниках их состояний и степени социальной полезности.

Принадлежность к бизнес-элите, к шоу-элите и прочим «элитам» нужно подкрепить, поэтому-то наши нувориши так дружно ищут у себя признаки прирожденного, якобы самой высокой пробы аристократизма, а иные для подтверждения собственной значительности — даже ринулись закупать дворянские родословные и замки в Европе.

Пусть ещё вчера они слыли заурядными мошенниками или казнокрадами, пусть только вчера «они слезли с дерева», теперь, попав в «бизнес-элиту», они даже «олигархами» не желают именоваться, а хотят зваться «магнатами» или «предпринимателями».

За время торжества демократии в России изменилась структура элиты: из неё исчезла большая часть производителей, генералитета, учёных и деятелей культуры. Их сменили банкиры, лоббисты, криминальный бизнес, шоумены, «телеведущие» (а ля К. Собчак), которые стремительно вытеснили всё, напоминающее о культурных «излишествах» СССР.

В бизнес-элиту страны вошли все те, «кто не сидел на печи последние десять лет» по известному выражению олигарха Б. Березовского, а в действительности это те, кто под видом «реформ» помог стране избавиться от общественной собственности, превратив её в узко-частную.

Новая элита нуждается в обслуживающем персонале — «шоу-элите», не без ее помощи стремительно развивается сфера секс-услуг, появилась элитная категория работниц данной сферы, которая возможно станет локомотивом нашей рыночной экономики, заменив собой промышленные инновации.

Новая элита нуждается в своих учебных заведениях, куда «кухаркиным детям» вход запрещён. Газета «Аргументы и факты» (2011, №5) помещает интервью с Николаем Губенко, где он говорит об «элитных школах»: «Там учатся отпрыски богатейших людей, которые стали богатыми только благодаря тому, что ограбили собственный народ. Они посылают сво-

их детей в ультракомфортабельные концентрационные лагеря, оставляя всех остальных в нормальных концлагерях на похлёбке. Но как только кончатся деньги, этого ребёнка не станет, он не выживет в обычной жизни. Он не личность. За ним стоит только капитал его родителей, больше ничего».

Естественно, новая элита нуждается в собственных средствах информации для избранных, и возникают журналы «Элита Общества», «Элит Стандарт», «Элита России», «Элита Татарстана, журнал для самых успешных» и т.д. Журнал «Элита Общества», издающийся тиражом в 20 000 экземпляров, так определяет категорию своих потребителей: «Герои и читатели журнала формируют определённое сообщество, в котором все друг друга заочно знают и при этом интересуются жизнью, успехами, достижениями своих друзей, коллег, партнеров, конкурентов. Развлекательная часть издания посвящена наиболее значимым событиям сообщества: благотворительным вечерам и балам, корпоративным праздникам, эксклюзивным выставкам, презентациям новых проектов в области искусства, *luxury*-товаров и услуг».

Обозначим второй ключевой термин сюжета — «быдло», тем более что он стал излюбленным для представителей «культурной» «элиты». Они систематически используют это слово польского происхождения для характеристики того народа, на горбу которого они паразитируют, презирая его. Это отношение к народу сформулировала как-то Лолита (Милявская), сказав, что шоу-элита мечет бисер перед свиньями.

В «Большом толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова даётся два значения слова «быдло»: 1) рабочий рогатый скот; 2) люди, подчиняющиеся чьей-нибудь воле, позволяющие эксплуатировать себя.

Помните, как во время путешествия Нильса с дикими гусями он спас жителей замка от крысиного войска. Играя на волшебной дудочке, он превратил крысиное войско в быдло, и дружными рядами направил это войско в глубокую реку, где крысы благополучно и утонули.

Точно так же, как крысы пошли за волшебной дудочкой, и дружно — к своей гибели, так и российская «творческая» «интеллигенция» вместе со «звёздами» шоу-бизнеса пошла за «золотым тельцом», пошла за правительственными ласками, наградами и званиями. Идёт по пути, который целенаправленно ведёт их к погибели, но не в чистой речной воде, а, как писалось в басне о подобном случае: «...их топят в грязной луже, иль в чём-нибудь ещё похуже».

Естественно, возникает вопрос, а кто играет на дудочке наживы, стяжательства, бездуховности и бездумности, унич-

тожая понятия чести, морали, патриотизма, в конце концов?

На дудочке «*золотого тельца*» играют зарубежные объединённые финансовые силы, для которых Россия должна представлять собой колониальную страну — источник дешёвых полезных ископаемых, источник дешёвой рабочей силы, дешёвого населения, пригодного для любой манипуляции: рекламной, финансовой или политической.

Вспомним также, что такое «золотой телец»: «Уже через 40 дней после того, как с горы Синай прозвучали Десять Заповедей, евреи начали поклоняться золотому тельцу». Теперь посмотрим, каков «*золотой телец*» российского шоу-бизнеса?

«В России подхватили идею журнала Forbes и составили рейтинг гонораров звезд, который никого не удивил. Все «звезды» нашего шоу-бизнеса были условно поделены на три группы»:

1. Гонорар в 30—50 тысяч дол. за выступление — Алла Пугачева, София Ротару, Николай Басков, Григорий Лепс, Филипп Киркоров;

2. Гонорар в 10—30 тысяч дол. — Лариса Долина, Валерий Меладзе, Иосиф Кобзон, Валерия и Кристина Орбакайте;

3. Гонорары, не превышающие 10 тысяч долларов — Жанна Фриске, Лолита, Юлия Савичева, Владимир Пресняков, Ирина Аллегрова, Стас Пьеха, Анна Седакова, Ани Лорак, Диана Гурцкая и другие такие же «звезды».

А теперь вспомним, что курс доллара в январе месяце 2010 года составил около 30 рублей за одну, самую малоценную, зелёную бумажку.

Но «творческая» «интеллигенция» и «звёзды» шоу-бизнеса не только сами идут к гибели, но, играя на своих дудочках и скрипочках, устраивая шутовские телевизионные представления, выполняют социальный заказ государства сверенной бюрократии, стараясь подтянуть весь народ до своего уровня — уровня *элитного быдла*, но только без материальной компенсации.

И вот уже бывший «Цыплёнок табака» — Леонид Ермольник (он же — Ярмольник), приложивший немало сил для превращения телевизионного зрителя в быдло, говорит:

«Думаю, утрата таких понятий, как «мораль», «честь», вкупе с квасным патриотизмом делает людей поверхностными, а нашу жизнь превращает в какие-то комиксы. Есть картинки жизни, но за ними нет глубины, содержания. Политика, массовая культура, СМИ превращают людей в быдло... Я удивляюсь, почему власти не понимают, что духовность, мораль являются теми вещами, на которых может базиро-

ваться всё остальное. Как исправлять сложившуюся ситуацию? С чего начинать? Не знаю... Наверное, начинать надо с мелочей...» («Аргументы и факты», 2010, №19).

Но как можно бороться за духовность, и с каких «мелочей» начать?

Вот рецепт от Ермольника, яркого представителя *элитного быдла*: «Мы же ни в чём не знаем меры. И самое ужасное, — мы не знаем, чего хотим. Даже выйдя на улицы, мы не сможем сформулировать, против чего протестуем, в чём суть претензий. Да, опять найдутся декламаторы, которые будут вещать за народ, якобы борясь за справедливость, а на самом деле — преследуя свои корыстные цели. В другой поворот событий при таком раскладе я мало верю, поэтому, естественно, **ратую за то, чтобы у нас всё было максимально жёстко, строго. В этой стране, к сожалению, по-другому нельзя.** Всё-таки мы монархическое государство» (выделено нами. — Авт.).

А где же, извините за выражение, свобода, за которую так боролись и столь много говорили бывшие «мастера культуры», превратившиеся в *элитное быдло*?

В каких городах «этой страны» надо построить лобные места и поставить виселицы? Пока таких рекомендаций от Ермольника не поступало.

Самым мощным инструментом общественной деморализации стало ТВ. «Всякое телевидение — образовательно, — говорил видный американский эксперт по телекоммуникациям Н.Джонсон, — вопрос лишь в том, чему оно учит».

Во имя чего они трудятся, демонстрируя ежедневно сотни убийств на экранах телевидения и кино. Но есть и другая сторона медали, хорошо известная психологам, исследующим графические продукты. В излюбленных сюжетах картинок («телекартинок» — тоже) выражается сущность автогра, они, по сути, автопортреты создателей. Таким образом вряд ли герои, прославляемые реальными хозяевами ТВ, сильно отличаются от них самих. И программы российских каналов более убедительно свидетельствуют о нравах нынешней власти и прочих «элит», чем любые доверительные интервью.

Они пишут коллективный портрет элитного быдла. Вот крупнейший красноярский мафиози по кличке «Челентано», едва выйдя из тюрьмы, куда он попал ненадолго, пришёл в школу на День знаний поделиться со школьниками жизненными идеалами. И его урок удостоили вниманием все до единого «общенациональные» телеканалы.

Воспитательное значение подобной информации — а она не единична — мощно перечеркивает всю благонамеренную

риторику ТВ. Тем более что это не курьезный эпизод, а скорее норма: как всем очевидно, целое десятилетие не менее достойные субъекты владели главными электронными СМИ.

Они творят своего «нового человека», но его образ сильно отдаёт несвежим ликом человеческого подполья, по Достоевскому, неким родом «бесовщины». Беспредельное своекорыстие, отсутствие общественных ценностей и социальных обязательств сродни безумию и содействуют прямым его проявлениям. Они особенно опасны, когда становятся обыденным делом для целой социальной группы. И они вдвойне опаснее, если в её руках находится власть, в том числе над СМИ.

«Мэтры» современного телевидения без смущения принимают прозвище «телекиллеров». Вообще основные телеканалы страны сегодня представляют собой не что иное, как повседневную школу насилия и антропофобии, где предлагается систематическая отработка технологии смерти. Трудно выискать минуту на телеэкране без убийств или садистских сцен. В этом торжестве некрофильности участвуют представители самых различных политических течений, которые формируют новое поколение, в том числе и «элитное», готовое к реальному истреблению и самоистреблению. Российская практика показала, что проповедь насилия никогда не остаётся без последствий и вслед за фальшивой телекровью проливаются потоки настоящей. Эту свою провоцирующую функцию прекрасно понимают сами манипуляторы.

По данным опросов телезрителей, абсолютное большинство смотреть эту «отраву» не хотело бы, предпочитая лирические, музыкальные фильмы, комедии, разнообразные концерты и познавательные передачи. Опросы выявили, что в своей массе телезрители не любят боевики и фильмы ужасов, испытывают отвращение к сценам насилия. Тогда чьим вкусом отвечает их каждодневная обильная демонстрация?

Думается, что это вкус или расчетливый выбор тех, кто владеет или распоряжается телеканалами. И руководство телеканалов настойчиво навязывает его всем, преодолевая протесты, и неспроста. Оно выполняет здесь заказ элит на предстоящее будущее, целенаправленно выращивает исполнителей, «готовых на всё», включая насилие над людьми и их уничтожение. «Бандитский капитализм», как окрестил своё детище его вдохновитель А. Чубайс, нуждается в расширенном воспроизводстве.

Существенная часть элиты, сформировавшаяся в процессе приватизации, поднялась наверх с самого дна, пополнив свои ряды уголовниками, и она вполне подпадает под промежуточную (маргинальную) категорию элитного быдла.

Суррогаты чиновной, культурной, научно-экспертной, правовой, информационной и другой элиты, которые необходимы властям, олигархическим структурам и представителям транснациональных корпораций для нужд управления Россией, иначе говоря, весь обслуживающий «верхи» слой, это тоже часть элитного быдла.

Один из руководителей страны назвал как-то эту низшую часть элиты «номенклатурной шпаной», что и проявляется в её поведении. Все причисленные к этой категории: от руководителей радио- и телеканалов, крупных либеральных изданий, чиновных постов до широкой аудитории «звёзд культуры» или экспертов подбираются и санкционируются правительственными структурами.

За двадцать лет демократии достигнуты впечатляющие культурно-психологические результаты телевизионного «просвещения» (в их соединении с практикой). Вот некоторые, данные, свидетельствующие о нынешних моральных ориентирах молодежи. Тех, кто хотел бы:

- торговать оружием, женщинами и наркотиками — 3%;
- украсть крупную сумму денег — 5%;
- работать в сомнительной фирме — 12%;
- не платить налоги — 25%;
- использовать оружие — от 17% до 21% (по разным возрастным подгруппам);
- готовы прибегнуть к насилию — 60%.

Эти и другие асоциальные устремления молодых продолжают нарастать. Куда дальше? Простая экстраполяция на будущее уже имеющейся динамики поведения за последние 10 лет говорит о том, что в пределах последующих одногодных десятилетий практически вся молодежь, не исключая элитную, так или иначе станет жертвой криминализации.

Например, в 2009-м году официально было зарегистрировано около 3 млн. преступлений, а по данным НИИ Академии Генпрокуратуры РФ, фактически в том же году в России было совершено не менее 26 млн. преступлений, совершённых молодыми людьми! Что станет с будущим страны, когда это поколение не только войдёт в жизнь, но и целиком заместит своих предшественников?

ТРОПА

РАССКАЗ

Дом старика Елисеева стоял за кладбищем, в поселке Ромашки, что в двух километрах от города. Раньше кладбище и поселок были отдельным от города местом. В погожее время в поселок ходил автобус. А в непогоду, когда проселочную дорогу размывали дожди или засыпали снега, доезжал только до кладбища, где кончался асфальт. И чтобы из поселка попасть к нему, нужно идти либо проселочной дорогой — что дальше, либо тропой через кладбище — здесь намного короче.

Жители поселка давно привыкли к такому положению, и те, кто почему-то боялся кладбища, ходили по дороге, остальные шли напрямик.

С годами город расширил свои границы, застроил ближние окраины многоэтажными каменными домами, так что кладбище и поселок давно оказались в городской черте. Продлили асфальтовую дорогу, и теперь автобус не завершал свой маршрут возле кладбища, а заезжал прямо в центр поселка.

Одноэтажных домов в Ромашках оставалось немного, в одном из них жил старик Елисеев. То был еще

ПРОЗА

крепкий дом, крытый почерневшим и местами позеленевшим шифером, с большим сараем, где хранились дрова и всякая хозяйская мелочь. И сам Петр Николаевич Елисеев — крепкий старик: высокий, худощавый, спортивного сложения. В прошлом спортсмен-десятиборец, он когда-то отлично бегал и прыгал. А вот с ядром и диском были проблемы — не хватало веса. Он быстро стал перворядником и до мастера бы дотянул, если бы не четырехлетняя служба на флоте. Трудна была матросская служба, потому и дала ему профессию на всю жизнь — почти полвека отплавал он механиком на речном буксире.

В одном своем плаванье перегруженная лесом баржа, которую они тащили по Оке, села на мель у деревни, что стояла на горе, сбегая к реке новыми домами. Пока ждали помощи, механик загорал на корме, глядя на искрившуюся под солнцем воду. А когда перевел взгляд на берег, увидел трех граций на песчаной отмели — стояли у воды, собирались купаться. В глаза особенно бросилась средняя — повыше двух других, с высокой грудью и длинными, словно точеными ногами.

— Эй, русалки! — крикнул он. — Плывите сюда, завяжем знакомство!

Они посоветовались, и средняя закричала в ответ:

— Сам плыви, коль корыто на мель посадил.

Ему нельзя оставлять судно, в особенности, когда аварийная обстановка, но что-то случилось, что-то не удержало на месте, и он прыгнул в воду и поплыл. Пятнадцать-двадцать взмахов, и он уже рядом с ними, уже называет себя и слышит ее имя — Светлана. И смотрит в ее серые, чуточку с прищуром глаза, и понимает, что не уйти, не уплыть ему отсюда, не заручившись обещанием Светланы встретиться уже не случайно, а по взаимной договоренности.

Ее подруги сразу поняли, что с ним происходит, и удалились. А Петр, трясясь от смущения, долго не мог объяснить, чего он хочет. Но она поняла без лишних слов, и так как он тоже приглянулся ей, кивнула на гору:

— Я живу здесь. Будет время, заходи в местный фельдшерско-акушерский пункт, на мою работу.

От Светланиной простоты и яркого девичьего голоса он сразу пришел в себя и чуть не подхватил ее на руки, но сдержался и выдохнул:

— Буду, жди!

Он вернулся на судно, вскоре подошел второй буксир, сняли баржу с мели и повели в порт назначения. Девушки давно покинули берег, а Петр все стоял на корме и, бросив руку на лоб, вглядывался в пустынную отмель.

В первый же выходной оседлал мотоцикл и погнал в село, где жила и работала фельдшером Светлана. Прикатил, дождался, когда она закончит работу, и пошел знакомиться с ее родителями. И всё сложилось как нельзя лучше. К нему и Светлане пришла любовь, а скорая свадьба, переезд Светланы в поселок и рождение сына Саньки навсегда сделали их родными людьми.

Сын быстро подрастал дома и в детском саду. Светлана работала в городской больнице медсестрой, а Петр по-прежнему бороздил речной простор на своем буксире. Летели годы. Санька окончил московское военное училище, стал офицером и был назначен служить в Белоруссию, под Могилев. Там влюбился в учительницу старших классов Марию Алексеевну, куда она приехала по направлению после Витебского педагогического института. И привез ее в отпуск родителям напоказ.

Нужно было видеть эту голубоглазую, темнобровую белоруску: тоненькая, высокая, с белыми, вьющимися кудряшками, с тихим, но властным голосом, она являла собой не просто юную женщину, но человека, знающего, с кем и как разговаривать и поступать. Большого, сильного Саньку, к тому же кадрового офицера, она делала еще сильнее: перед ней нельзя предстать нетрезвым, неряшливо одетым или в худом настроении. Она тут же вздернет бровь и укажет на непорядок. Но уж когда она весела, нет девушки остроумнее и обаятельнее, чем Мария.

С матерью Саньки они сразу сделались подругами. Обе с характером, обе знают, что для жизни нужно, а без чего можно вполне обойтись, обе нацеленные на дом и семью, они сошлись во мнении, что к мужчинам надо относиться строго, но справедливо. Тогда в семье будет покой и мир.

Сыграли свадьбу, точнее, две свадьбы, одну здесь, другую в Витебске, и уехали молодые снова в Могилевскую область — сын на службу, Мария на работу. Вскоре и у них родился сын, которому дали дедово имя — Петр. И родиться он угадал в один день с отцом — девятого июля.

Однако счастье было недолгим. Наши двинули войска в Афганистан наводить порядок там, где его сам черт не наведет. Когда-то пытались это сделать англичане, потом бесславно воевали наши, теперь американцы увязли на многие годы, и всё не понять высшим военным стратегам, что еще никто и никогда не выиграл войну в лесу и в горах. И погубили сына Саньку, прислав на родину «черный тюльпан» и вручив жене Марии красивый советский орден.

Душа зашлась у Светланы от потери сына, жить не хотела, и Петр боялся, что она наложит на себя руки — ей как медику

это просто. Уговорил потерпеть, а чтоб хоть немного утишить боль, написал письмо в Белоруссию и попросил невестку переехать с сыном к ним в поселок. И Мария сразу поняла, что без нее, в особенности, без внука им не выжить, и дала согласие. Приехала с шестилетним Петькой и частично отвела боль матери о сыне. Здесь тоже устроилась в школу, и вскоре ее признали лучшей учительницей в поселке, а через несколько лет — и в области.

В самый разгар перестройки вышли наши войска из Афганистана, не дав ответа на вопрос — для чего их туда вводили? Чтобы навести порядок? Или положить четырнадцать с половиной тысяч лучших молодых мужчин страны и сделать несчастными двадцать девять тысяч их отцов и матерей? Думали санитарную зону от исламской агрессии и наркотиков учинить, но, судя по тому, что происходит сейчас на Кавказе, и зону не создали, и обильно полили кровью российских ребят афганскую землю.

Взрос внук Петька без отца, окончил технический колледж в городе, стал отличным самбистом и пошел в армию. А тут подросла Чечня с ее неумным характером, и нет ничего удивительного в том, что физически подготовленного, спортивного парня направили туда наводить порядок. А дальше та же история, что с сыном — и оказался внук рядом со своим отцом на местном кладбище.

Бабушка Светлана не дожидая этого несчастья — отдала Богу душу после первого же инсульта. Всю жизнь она помогала людям, выхаживала их от болезней, а ей самой помочь не смогли.

Невестка Мария, похоронив сына, уехала к себе на родину, в Витебск. Жила она теперь с матерью и отцом, изредка писала Петру Николаевичу письма и раз в году — в день рождения мужа и сына — приезжала постоять у их могил и, задыхаясь от слез, молча терпела свое горе. Только раз не выдержала и в сердцах сказала: «Не переехали бы из Беларуси, сохранили бы жизнь Петеньке...»

Петр Николаевич не продолжал эту тему. И не хотел думать, чье горе больше — его или ее? Он потерял сына и внука, а она — мужа и сына. Тут и сравнения никакого — обоих одинаково душат страдания. Но ей тяжелее потому, что ее родные могилы далеко от нее. И сюда она не вернется, потому что к потере мужа и сына — прибавится потеря страны.

* * *

Старик Елисеев не завидовал другим и не печалился, что его не переселяют в благоустроенную квартиру. Он готов ко-

ротать и дальше свой век здесь, где родился почти восемь десятков лет назад, хотя понимал, что дни его старого дома сочтены — городу нужна земля для строительства новых многоэтажек.

И вот однажды под вечер к нему приехали две молодые, красиво одетые дамы. Одна — Маргарита Захаровна, высокая, строгая лицом — представительница городских властей, привезла распоряжение о его переселении в однокомнатную квартиру на втором этаже только что построенного девятиэтажного дома. И предложила перевезти его скарб на новое место жительства. Другая — полная блондинка с ямочками на щеках, директор местной средней школы Анастасия Викентьевна. Она давно и хорошо знала семью Петра Николаевича и с большим уважением относилась к его невестке — бывшей учительнице вверенной ей школы. Долго уговаривала ее не покидать школу, но так и не уговорила. А теперь попросила Петра Николаевича в канун Дня Победы выступить перед старшеклассниками и учителями школы.

Пока он соображал, почему она приглашает именно его, Маргарита Захаровна сказала:

— Вот такая радость вам, Петр Николаевич. Новая квартира — новая жизнь. Тем более, для пожилого мужчины.

— Ну, какой я мужчина, я старик, — усмехнулся он. — Я теперь думаю только о том, что было, а не о том, что есть.

— Все мы больше о прошлом думаем, чем о настоящем, потому что в прошлом нам было хорошо, — сказала Маргарита Захаровна.

— Не всё, не всё в прошлом хорошо, — не согласился он. — Много в нем такого, чего лучше бы не было.

— Ничего, Петр Николаевич, у вас впереди еще много хорошего.

— Спасибо, — кивнул он и засуетился, собираясь поставить чай для неожиданных гостей. Но они отказались от угощения и попросили указать день, который он назначит для переезда.

— Скажите, когда вы будете готовы, и мы выделим специальную машину, — пообещала Маргарита Захаровна.

— Спасибо, думаю, через неделю в самый раз, — сказал он. — Да, в следующий вторник и приезжайте, стану ждать.

— А почему не завтра или, скажем, не послезавтра?

— Завтра и послезавтра не получится. Нужно в баньку поехать, чтобы в новую квартиру чистому вселяться. Опять же, найти благодарственные слова дому, в котором прожил всю жизнь. Послаться, подумать. Ну и раздать соседям то, что мне на новом месте не пригодится.

— Так почти нет ваших соседей, только один дом остался, где живет Лидия Васильевна. Но и она переезжает. Ей тоже выделена квартира.

Петр Николаевич остановился у окна, посмотрел на Лидин дом, что стоял на противоположной стороне улицы.

— Вы что, всех перевозите в новые квартиры?

— Нет, Петр Николаевич, далеко не всех, а только тех, кто заслуживает государственного участия. Вы человек особенный, ваш сын погиб в Афганистане, а внук в Чечне. Это большое несчастье для отца и бабушки, мы вам глубоко сочувствуем. И вы у нас на особом счету.

— Так-то оно так, но жизнь Лидиной дочки тоже оборвалась преждевременно. И сама Лида после ее смерти будто жить перестала. Существует теперь, как растение, вся в прошлом, словно бы и нет ее нынешней жизни.

— Да, Петр Николаевич, мы знаем, что произошло с ее дочерью Ниной. Печальная и не совсем красивая история. И мы сочувствуем матери, но у нас нет возможности помогать с переездом всем и каждому, — вежливо и несколько сухо пояснила Маргарита Захаровна.

Петр Николаевич увидел соседку Лиду, что шла с ведром воды от колонки. Шла тяжело, сильно изогнувшись в спине, хотя ведро было неполным.

— Тогда и мне не нужно, — сказал он тихо, словно бы самому себе. — Неудобно перед Лидой, что меня перевезут, а ее не станут. Сами переедем.

Обе женщины не ожидали такого отношения. Посмотрели друг на друга и улыбнулись. Маргарита Захаровна чуть веселее, чем прежде, сказала:

— Петр Николаевич, мы обязательно учтем ваше пожелание и также поможем соседке с переездом. Не сомневайтесь, пожалуйста, можем даже перевезти сначала ее, а потом вас.

— Вот и ладно, — кивнул он и посмотрел на директора школы.

— Именно так, — подтвердила она. — Всё устроится как нельзя лучше. А мы давно собираемся пригласить вас в школу, и, если вы согласны, можем организовать встречу послезавтра, в четверг, в двенадцать часов дня. Пригласим десятые—одиннадцатые классы, и вы расскажете им то, что считаете нужным.

— Но ведь я не воевал. По возрасту не довелось. Хотя некоторые мои ровесники сумели это сделать. Кто в юнгах на кораблях, кто в партизанах. Не будучи военными, они стали воинами. Я долго им завидовал, особенно в молодые годы.

Петр Николаевич отбросил крючки на раме окна и рас-

пахнул створки. В дом ворвался свежий ветер, а со двора и огорода донеслись посвисты весенних птиц и хлопотливое чириканье воробьев.

— Гроза будет, — сказал он. — Первая майская гроза. После нее земля откроется и станет все цвести и расти.

Женщины не обратили внимания на его слова, они приехали по делу и ждали его согласия на встречу со школьниками.

— Да, Петр Николаевич, мы знаем, что вы не воевали, — сказала Анастасия Викентьевна. — Тех, кто воевал, становится всё меньше и скоро совсем не будет. Но мы также знаем, что воевали ваши сын и внук. И оба погибли. Мы приглашаем вас как человека, воспитавшего настоящих защитников Отечества. У нас есть небольшой фонд, и мы сможем оплатить ваш труд.

Петр Николаевич остро взглянул на нее:

— Разве за такую встречу можно брать деньги?

— Ну, насколько я понимаю, вы человек небогатый, к тому же переезжаете на новое место, вам пригодятся...

— Ладно, приду. Но без денег.

Они поблагодарили его, пообещали прислать машину, которая отвезет Петра Николаевича в школу, и расстались, довольные встречей и самими собой.

Оставшись один, Петр Николаевич долго стоял у окна, переживая столь необычный визит двух властных женщин и глядя на небо, где с запада надвигалась тяжелая, светло-синяя туча. Сверкнула дальняя молния, долго не было грома, и вот он раздался — глухой и как будто задумчивый.

Оставив окно открытым, вскипятил воду и заварил чай. Отрезал черного хлеба, положил на него кусок сыра и принялся за еду.

«Хорошие женщины, зря не угостились, — подумал он. — Сейчас много хороших женщин, умных, образованных. Вот только удастся ли им, как этим двоим, найти свое дело, где могут пригодиться их знания и умения? Моя Светлана тоже была мне хорошей женой. Умной, приветливой. Где-то она теперь, может, думает обо мне? И ждет, пока я тут закончу дела. Квартиру новую дают, наш дом сносить будут. Вместо него и Лидино дома построят большой, в нем одном мог бы разместиться весь наш прежний поселок. Жильем люди всё ближе становятся, а душами — нет, не выходит... Пожалели меня женщины. И неудивительно: одинокий старик, потерявший сына, внука, жену. Есть невестка Маша, но она далеко, в Витебске, у родителей. Давно не писала, а позвонить нельзя — нет телефона. Наверно, поставят в новой квартире? Или, может, сотовый завести? А кому звонить?»

Снова раздался гром, но теперь ближе, яснее. Пошел крупный дождь — тяжелые капли забарабанили по наличникам и стенам, сухо зашелестели по листьям яблонь и траве. Вспомнив просьбу директора школы, он с тревогой подумал, что ему особенно нечего рассказать о себе поселковым старшеклассникам. Может, зря согласился?

Старик закрыл окно, допил чай и лег на диван слушать грозу и вспоминать. Но мысли как-то не собрались, ничего он не вспомнил. То ли волнение, пережитое в разговоре с женщинами, то ли мерный стук дождя о стекло сморили его, и он уснул.

* * *

Утром позавтракал яичницей и кефиром и собрался в город, в баню. Поднялся на чердак, снял с гвоздя березовый веник и поместил его в полиэтиленовый мешок. Приказал себе не забыть на троицу нарезать новых веников, чтобы хватило до следующей троицы. Хотя зачем теперь веники, когда в новой квартире ванна с горячей водой? Плюхнулся в нее и купайся, сколько захочется. Но такая мысль недолго держалась в голове. Пришла другая — ванна приспособлена для мытья и неги, а вот попариться можно только в баньке, только в ней, спасительной.

Он взял сумку с бельем и направился на автобусную остановку через кладбище. Перед маленькой кирпичной часовней трижды перекрестился и ступил на тропу. Теперь она стала совсем узкой и почти заросла свежей весенней травой. После вчерашней грозы и дождя всё тихо кругом и свежо. В только-только распутившейся листве еле слышно тенькают невидимые птицы. Над старой могилой, что без памятника и креста, будто маленький вертолет, кружит золотисто-черный шмель.

Старик давно не приходил сюда, с самой зимы. Долгая была в этом году зима, с морозами и большими снегами. С белыми лунными ночами и сияющими в вышине звездами.

Теперь весна и солнечный день. Яркие тени ложатся на тропу, на невысокие ограды, могилы и памятники, что поднимаются там и сям, как часовые. Вот могилка Лидиной дочки Нины — просто холмик с памятником без ограды, а памятник — каменный прямоугольник метровой высоты. На нем — небольшой коричневый медальон с портретом красивой светловолосой девушки Травниковой Нины Владимировны, с датами рождения и смерти и материнской строкой: «Любимой доченьке от мамы». Лет пятнадцать назад, сразу

после похорон местные недоросли черной краской дописали строку: «и от всех кобелей».

Лида плакала. Смывала краску бензином и ацетоном, но тщетно. Петр Николаевич применил свой способ и очистил камень пемзой и крупнозернистой шкуркой. Больше над памятником не глумились.

В поселке каждый знал Нинину трагическую историю. Будучи студенткой-пятикурсницей, она влюбилась в женатого человека — то ли модельера, то ли артиста. У того была машина, и однажды зимой они приехали в гараж, выпили вина и занялись ласками. А мотор машины, чтобы не мерзнуть, не выключили...

Петр Николаевич жалел Нину и ее возлюбленного, что так легкомысленно покинули этот мир. Но больше всего жалел соседку Лиду. И не только жалел, но и помогал ей, чем мог, — хоть огород вскопать, хоть дров наколоть. Лида красиво пела и всегда благодарила его песнями, которые знала только она. После смерти жены Петр Николаевич предложил Лиде объединиться и жить вместе. Она долго думала и всё же отказала, решив, что в ней самой с уходом из жизни дочери не осталось ни капли тепла.

Он поднял с могилы занесенный ветром желтый кусок газеты, скомкал его и бросил в карман банной сумки. И дальше пошел по тропе. За последние годы кладбище разрослось и поделилось на старую и новую половины. На новой половине хоронили горожан, ставили дорогие памятники и ограды, на старой находили упокоение в основном жители Ромашки.

Недалеко от Нининой могилы, тоже слева от тропы, за красивой литой оградой возвышался холмик с деревянным крестом, под которым похоронен двадцатитрехлетний наркоман Лёша Окоёмов. Петр Николаевич приостановился, взгляделся. Крест большой, восьмиконечный, сделанный на городском судостроительном заводе, где начальником цеха работал отец Лёши — Михаил. Он и его жена Марина долгие годы жили без детей, и, когда стало ясно, что своего ребенка у них уже не будет, решили взять чужого и воспитать как своего.

Марина рассказала о таком их желании своей лучшей подруге Тамаре. Та работала врачом в роддоме и посоветовала не обращаться в дом малютки или в детский дом, где неизвестно от кого и какие дети, а подождать, когда явится к ней порядочная женщина с просьбой сделать аборт. Ждать пришлось недолго, вскоре такая женщина пришла — сорокалетняя служащая банка, статная, красивая, с большими карими глазами и милым, усталым лицом. Рассказала, что она замужем, у них двое детей, мальчик и девочка четырнадцати

и девяти лет. У нее хорошая работа и зарплата, и она боится, что беременность и роды лишат ее престижного места. Тамара сразу вспомнила о просьбе подруги, расспросила женщину о муже, не пьет ли, неотягощен ли опасными болезнями, и сказала: «Вот что я вам могу посоветовать, дамочка: у вас большой срок беременности, операция, скорее всего, будет тяжелой, поэтому для вашего здоровья советую доносить и родить ребенка. И передать его хорошим людям, которые станут ему родителями. Таким образом, вы не только укрепите свое здоровье, но и сохраните жизнь маленькому человеку».

И женщина, поколебавшись, согласилась. Когда пришло время рожать, вместе с нею в роддом положили Марину и передали ребенка ей. Оформили соответствующие документы, и Марина с Михаилом стали законными родителями малыша, которого назвали Алексеем. Чтобы исключить лишние разговоры о происхождении мальчика, поменяли квартиру в городе на поселок и стали растить сына. Он рос красивым, смышленным парнем, любил отца и мать, не догадываясь, что не они дали ему жизнь. Однако нашлась сволочь, которая открыла мальчишке тайну. Сначала Алеша не поверил, боялся спросить у матери, правда ли, что его отец и мать вовсе не они, а другие люди. Но всё же спросил. И мать рассказала. Алексей лишь рассмеялся и поцеловал ее руку. А тут перестройка, вопли о том, что образование теперь ни к чему, что грядущий рынок отвалит каждому столько, сколько нужно для жизни, а значит, не стоит слишком напрягаться в учебе. Тем более что родители с утра до вечера на работе, ему воля вольная и ничем не ограниченный простор.

Он и не напрягался. С трудом одолел девять классов и поступил в судостроительный лицей на специальность судового маляра. Появились приятели, а с ними ничегонделанье и наркотики. Алексей был теперь озабочен только одним — достать денег.

Родители страдали. Обращались к врачам-наркологам, к знахарям и экстрасенсам. Не помогало. Сын стал выносить из квартиры и продавать за бесценок вещи. Продал холодильник, стиральную машину, телевизор и даже люстру. Дозы стояли всё дороже. Родители установили в прихожей металлическую дверь и отгородили кухню и комнату сына от своей комнаты. Дошло до того, что он бросил лицей и жил только одним — как бы уколоться. Было ясно, что долго это продолжаться не будет. Так и случилось — Михаил и Марина похоронили сына как раз в день его рождения, когда ему исполнилось двадцать три года... Живут по-прежнему в поселке, ходят вместе. Страдают, что не справились с мальчишкой.

Петр Николаевич положил руку на ограду, зачем-то покачал ее, словно испытывая на прочность, и пошел дальше. Остались далеко позади старые могилы, на камнях и крестах которых уже невозможно прочитать, кто и когда под ними похоронен. Началась вторая, новая половина кладбища. И вот справа совсем свежая могила — в ней лежит Лёня Гладунец, тридцатилетний бандит, на счету которого не одна загубленная душа. Вон какая у него роскошная ограда, какая высокая могила вся в искусственных цветах и памятник из черного мрамора в виде арки или гигантской подковы. И подходы к могиле выложены цветной художественной плиткой — знать, не простой человек положен, не какой-нибудь повар или учитель.

Петр Николаевич много лет знал семью Гладунцов — Александра, его жену Антонину и двух сыновей — Лёню и Витю. Лёня был другом Петьки — внука Петра Николаевича. Вместе учились в школе, вместе пошли в самбо, добились высоких результатов на первенстве области. Но потом их пути разошлись. Петю призвали в армию, направили в Чечню, где он был смертельно ранен, пытаясь вынести из боя контуженного товарища. А Лёня сумел откосить от армии и попал к «крутым», выбравшим себе преступную дорогу. Начinalи с малого, нападали в городе на стариков, что, получив пенсию, возвращались домой. Грабили женщин в подъездах, вырывая из ушей серьги, а из рук сумочки. Вскрывали отмычками квартиры. Потом занялись рэкетом, угоном машин и прочими аферами, пока при одной из разборок Лёня не получил пулю в живот. Его брат Витя, бывший с ним заодно, сумел избежать смерти, но не суда. И отбывает четырнадцатилетний срок в колонии строгого режима. А их родители — Александр и Антонина — не могут признать, что их сыновья — бандиты, плачут и ругают почему зря российские власти и российские порядки.

«Вон как вольготно расположился ваш Лёня на обширной территории, будто маршал какой или министр. У моего сына и внука памятники простые, хотя нам помогало их ставить Министерство обороны Союза, а потом России. И хорошо, что простые, что не бросаются в глаза, как ваш. Настоящая память в сердце сохраняется, а не в камне. Лев Толстой вообще просил никакого ему памятника на могиле не ставить. Ну, ему хорошо и так, он великий без памятника. А нам нужно приходить на кладбище, чтобы постоять рядом, попросить прощения за то, что не уберегли».

Хотелось подойти к могилам жены, сына и внука, но он решил это сделать на обратном пути, когда будет возвращать-

ся из бани чистым и с цветами, что купит в городе. От этой мысли сделалось легче. Он снова вспомнил о завтрашней встрече со школьниками и понял, что теперь уже вполне готов к ней. Еще минуту назад не был готов, а сейчас пришла уверенность, что готов. Дамочки вчера жалели его, сознавая, насколько он обделен судьбой. А он не может согласиться с ними, не чувствует он себя несчастным в их понимании. Наоборот, он горд как отец и дед за сына и внука. Завтра так и начнет свой разговор:

«Вот вам, ребята, говорили, что я потерял самых близких и родных людей. Это на самом деле так. Еще вам говорили, что меня обделила судьба, что я живу один, как перст. И это правда. Но сам я несчастным себя не считаю. И вот почему. Мой сын и внук прожили обидно мало, да, обидно мало. Слезы в моих глазах и в моей душе, когда я думаю, как мало им отпустила судьба. Но у них была светлая жизнь, понимаете? Светлая жизнь была и светлою осталась. В особенности, если посмотреть, как уходят из жизни другие молодые. Некрасиво уходят, не по-людски. Так что как дед и отец я горюю, это правда. А как человек пребываю в гордости за жизнь моего сына и моего внука. Да, именно. И никто никогда не докажет мне обратное...»

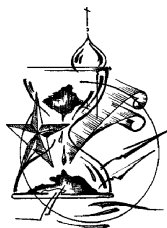
Старик Елисеев выпрямился и широким шагом направился дальше по тропе. На солнце набежало небольшое облако, сделалось прохладнее, и он глубоко вздохнул от нового понимания себя самого и своей судьбы.

ИЗВЕРЖЕНИЕ СВОБОДНОЙ КСЕНОФОБИИ

Позорный финал евросуда по иску партизана Василия Кононова к фашиствующему латвийскому «государству» в очередной раз заставил задуматься: почему же в хоре ненавистников России и всего русского Прибалтика и конкретно Латвия играют первые скрипки? Ведь это не просто попытка ревизии истории Второй мировой войны, не просто подготовка общественного мнения к тому, чтобы предавать проклятию «советских оккупантов», не просто некая «политическая воля», существующая в отрыве от идеального «простого народа», который к русским относится якобы «очень хорошо».

Уж слишком всё это нарочито и не сказать чтобы очень рационально. Даже гибель польского руководства в российском небе подвигла ежедневную газету «Neatkarīga Rita Avīze» («Независимая утренняя газета») откликнуться не чем-нибудь, а именно статьей Валдиса Крауклиса «Кто и почему убил президента Польши?» с почти маниакальным стремлением найти черную кошку в темной комнате:

«Так как я не верю в случайности, в особенностях если они связаны с большим бизнесом и политикой, то такого рода события, как

РУССКИЙ ВОПРОС

гибель высших должностных лиц Польши, не считаю несчастным случаем». И дальше латышский журналист подробно начинает искать руку ФСБ в трех различных версиях. При этом, когда речь заходит о гипотетической «вине России», то весь его скепсис и рассудочность анализа как-то улетучиваются. Он безоговорочно верит в видео украинца Андрея Медерея о якобы добивании раненых. Верит в «секретную научно-исследовательскую военную базу» на Кавказе, как обоснование рукотворного запуска исландского вулкана, чтобы затуманить глаза обывателей от событий под Смоленском. В случайности падающего самолета Крауклис не верит, а вот в неслучайности выбросов вулкана Эйяфьятлайокудль (еле выговорил!) — пожалуйста.

Что хотите говорите, но есть в таком раскладе нечто крайне мистическое и запредельное, далеко выходящее за область восторга перед «лесными братьями» или легионерами СС, таящееся в глубинах подсознания и так и ждущее своего психоаналитика масштаба доктора Фрейда.

Увы, это не предвзятость в отношении маленьких, но свободолюбивых народов. И многое понять из истинного, а не политически-внешнего отношения к России и русским помогает роман Агате Несауле «Женщина в янтаре». Честно говоря, я не знаю другого подобного произведения по своей откровенности и искреннему выражению чувств. Книга эта, право, стоит того, чтобы быть внимательно прочитанной. Тем более, что в 2000 году она увидела свет в специальной серии «Латвия — русскому современнику» и заведомо предназначалась для того, чтобы открыть для восточных соседей (русских) нечто доселе для них закрытое.

Агате Несауле живет в США, пишет на английском языке и передает в своей прозе, предельно напоминающей мемуары, детские ужасы перед гитлеровской Германией и Советским Союзом, которые последовательно входили на территорию Латвии. Чисто художественно «Женщина в янтаре» — книга цепкая и тонкая, написанная с горячим сердцем. Вопрос лишь в том, какими на страницах этой книги предстают русские?

А в том, что такой вопрос не является праздным, убеждает не просто читательская реакция на роман Несауле, выдержавшего множество изданий на разных языках, не просто панегирики со стороны президента Латвии Вайры Вике-Фрейберги, не просто фильм по «Женщине в янтаре» от режиссера Сниедзе Рунге. Важнее другое. Парадоксально, но вопреки всяческим анонсам, история, столь бережно запечатленная в янтаре детской памяти, практически осталась за пределами внимания русской аудитории.

Нечто вроде рецензии в «Коммерсанте» на антологию латвийской современной прозы, выпущенную «Вагриусом» в 2009 году и названную по отрывку из романа Несауле — «Женщи-

на в янтаре». Дословно: «Про современную латышскую прозу мы знаем так же ничтожно мало, как и про казахскую, эстонскую или армянскую. И ко всем к ним относимся не без легкого имперского предубеждения, и, возможно, без достаточного интереса. А ведь это безумно любопытный процесс — много маленьких литератур в поисках себя. Кто пишет, о чем? К кому эта литература обращена, какие вопросы решает? Вот выходит антология современной латышской прозы. Что мы можем из нее, например, узнать про Латвию? Удивительная вещь — ничего. Ничего про Латвию в этой антологии нет. Ощущение Латвии есть в фрагменте романа Роальда Дорновенского «Райнис и его братья» про поэта Яна Райниса, латышского переводчика Фауста. Но оказывается, что роман написан по-русски и писатель — русский по происхождению».

Рецензент газеты Лиза Биргер предельно точно подметила всё, что можно было подметить. И ничтожно малое знание, и имперское предубеждение, и тот эффект подлинности литературы, когда экзотически-ориенталистские пристрастия уже не работают. Но я сейчас не об интеллектуальных экзерсисах, а о банальном внимательном чтении. С выхода первого издания «Женщины в янтаре» в 1995 году так и не было ни одной внятной русской рецензии на эту книгу.

А если какие реплики и мелькали в столичных московских салонах (особенно после соросовского проекта «Латвия — русскому современнику»), то, как правило, они сводились к всякого рода политическим подтекстам в стиле пресловутого поселка Неммерсдорф, который давно уже является нарицательным в создании образа диких и кровожадных русских.

Напомним, что при чрезвычайно туманных обстоятельствах 21–22 октября 1944 года в Неммерсдорфе было в зверской форме убито 26 немцев (цифра из исследования Игоря Петрова, сборник «Нам не за что каяться!», М.: Яуза, Эксмо, 2008). Первой соответствующие подробности рассказала газета «Фёлькишер Беобахтер» в номере за 27 октября в материале «Ярость советских бестий»: «Речь не идет о выходках отдельных советских солдат, а, как подтверждают многочисленные рассказы, о методически претворяемом в жизнь терроре».

Днем ранее Геббельс писал: «Очень важно, чтобы сообщение об ужасных большевистских злодеяниях в Восточной Пруссии было подано как можно крупнее и доходчивее и откомментировано с крайней резкостью». Истерику вокруг Неммерсдорфа продолжила тогда же так называемая международная комиссия под председательством эстонца Мяэ. И с тех пор, а особенно, когда в 1953 году со своими воспоминаниями выступил фольксштурмовец Карл Потрек, небольшой германский поселок стал воистину универсальным символом кровожадности русского солдата.

Потрек из своего 1953-го переплюнул даже Геббельса и «Фёлькишер Беобахтер»: «Комиссия исследовала тела и установила, что все женщины, включая девочек 8—12 лет и 84-летнюю слепую старуху, были изнасилованы». И с тех пор на каждый юбилей Великой Победы и на каждый удобный политический случай следует череда аналогичных филиппик. То историк Макс Гастингс в «Daily Mail» выступит с откровением «Русские варвары» на основании своей книги «Армагеддон: битва за Германию», то на экраны выходит фильм «Женщина в Берлине» по дневнику Марты Хиллер, неоднократно изнасилованной советскими солдатами в Берлине.

Цитировать различные источники можно много и долго. Разве что противно это делать, да и информационно такое занятие малопродуктивно по причине откровенности политического заказа, поскольку без особого напряжения тут же можно привести сотни свидетельств противоположной стороны, и выглядеть это будет не менее леденяще.

В принципе, вообще упоминание о Неммерсдорфе появилось, чтобы исключить возможные неясности при обращении с текстом Несауле. В этом отношении ничего нового о «русских варварах» она не открыла и не рассказала. Исключительно политический контекст Геббельса да поклонников «Фёлькишер Беобахтер». Немудрено, что зачастую мемуары Несауле напоминают откровенные анекдоты из тех, что рассказывают за чаркой шнапса:

«Существовала история и о том, как русский солдат остановил на улице старую женщину и отобрал у нее мужское пальто, которое было на ней. Дело это для солдат привычное; мы все видели, как они указывали то на сапоги, то на пальто, туфли, которые им понравились, ценных вещей ни у кого не осталось. Старушка плача стала говорить, что ей холодно, просила, чтобы солдат оставил ей пальто, потому что без него она замерзнет и умрет. Но солдата ничто не разжалобило. (...) Солдат, пьяный, нетерпеливый, отобрал у старушки пальто и великодушно швырнул на землю свою вонючую потрепанную армейскую шинель».

В конечном итоге оказалось, что в солдатской шинели были зашиты ворованные золотые часы, и старушка в одночасье обогатилась. Тупой же и пьяный русский солдат проснулся с похмелья и был расстрелян за утерю шинели. «Расстреляют его, и поделом. А когда пули своей будет дожидаться, горькими слезами станет обливаться и прощения просить за то, что воровал и грабил, насиловал и избивал, и убивал», — завершает свою анекдотоподобную притчу Агате Несауле.

Или вот еще рассказец о том, как русский солдат вырвал у старушки изо рта зубные протезы. Ему объясняют, что протезы для его матери не подойдут, что протезы изготавливают индивидуально. Но куда там: «...сунул протезы еще глубже в

карман и погрозил кулаком. Он был невероятно зол. Потом мы узнали, что он сказал — у его матери в России нет ни одного зуба, а у этой немецкой суки целых два ряда».

Доктор Геббельс был бы доволен! Нет сомнений, что подобные истории были бы весьма востребованы в 1944–1945 годах на страницах «Фёлькишер Беобахтер» и оплачивались бы по высшим расценкам.

Но, впрочем, ближе к самому главному. К тому стихийно-мистическому, что пролегает нешуточным водоразделом между Россией и русскими и так называемым западным миром. Начнем цитату из Несауле:

«Одна история была о том, как высшие русские офицерские чины, среди них и генералы, устроили бал в одном из конфискованных домов Берлина. (...) Первыми явились несколько красивых немок. Они тоже были из тех, кто следовал за армией, но дружили не с простыми солдатами, а с офицерами. Эти женщины были хорошо одеты и сыты. Они были в вечерних платьях и легких накидках, в волосах цветы и драгоценности, и они умели говорить о музыке и живописи. Только немки поистине элегантны, только они и обладают безупречным вкусом».

Даже немецкие проститутки для автора являются средоточием элегантности, вкуса. Они, конечно же, красивы. Но вот появляются русские, и тон повествования меняется:

«Потом пришли толстые русские женщины, жены офицеров. Ярко накрашенные, голова в кудряшках, сами в атласных и шелковых ночных рубашках, да, в ночных рубашках. Они могли выбирать на ломившихся от вещей складах всё, чего только душа ни пожелает, там хранились отобранные у населения элегантные вещи, а они вот выбрали ночные рубашки. Ни одна уважающая себя немка не вышла бы в такой даже из спальни. Ну разве не дуры эти толстые, необразованные, неотесанные, ограниченные русские? «Шикарно, шикарно», — бормотал какой-то русский генерал. Несмотря на его чин и привилегии, и он был такой же необразованный мужлан».

Грубые, карикатурные мазки. Ни одного сочувствующего взгляда и слова. Толстые, уродливые пародии на людей, не идущие ни в какое сравнение с элегантными немецкими проститутками.

Вообще, из сравнений немцев и русских у Агате Несауле вырастает целая вселенная. Вроде бы и те, и другие принесли ей горе, войну, отняли детство. Вроде бы всех она должна ненавидеть. Но странное дело. Если речь идет о немцах, то это «нацистские надзиратели, на рукаве у них повязка со свастикой», сухая схема, словно заполнение бухгалтерской формы.

И так продолжается, пока нить воспоминаний не приводит к русским. Здесь тональность текста уже обретает эмоциональность и выразительность. Уже нет и в помине пере-

численной графики, начинаются мазки масляной краской: «...русские солдаты с невыразительными, безжалостными лицами и невнятной речью».

Немцы выглядят почти как статисты, манекены, набросанные условными контурами: «Надзиратели в черных мундирах и высоких черных сапогах гонят нас вперед». Почти сочувствие и понимание: если «гонят», то «вперед». А вот появляются русские: «Просыпаемся мы еще до рассвета, когда кто-то ломится в двери. Слышны тяжелые шаги, сердитые голоса ругаются на чужом языке, свет бьет прямо в лицо.

— Русские, — прошептала мама».

Показательно, что когда русские солдаты примеряются, кого бы изнасиловать первой, то всех «спасает» именно немка Хильда, принимая первый удар на себя. Потом она же еще раз ложится под солдата, чтобы отвести его внимание от латышской девочки 11–12 лет. «Веснушчатая молодая немка», муж которой был на фронте, проявила недюжинную широту души, человечность и вынуждена была утопиться в озере, когда забеременела.

В паническом ужасе перед пришельцами с Востока они уже представляются автору некими «монголами с узкими, темными, злыми глазами». «В этой русской военной части служили солдаты из Монголии». «Большинство солдат в этой части были монгольские крестьяне, которые никогда не видели ни зеркал, ни воды из крана, ни электричества».

Так и представляешь себя, что вот-вот откуда-нибудь появятся монголы и начнут с живых людей снимать кожу, словно в «Хрониках заводной птицы» Харуки Мураками. Вспомним хотя бы эту попсово-безупречно выстроенную сцену с убийством Ямамото и смакованием крови под монологи русского офицера:

«Вот они... — Он посмотрел в сторону монгольских солдат. (...) — Они обожают убивать — и делают это изощренно и со вкусом. Мастера своего дела, так скажем. Монголы еще со времен Чингисхана страшно охочи до всяких зверств. Тут они настоящие знатоки! Мы, русские, натерпелись от них так, что дальше некуда. У нас этому даже в школе учат. На уроках истории рассказывают, что монголы творили, когда вторглись на Русь. Миллионы людей убивали. Без всякого смысла».

«Монголы» у Несауле и «монголы» у Мураками одной национальности и подлинное имя им — ужас человеческий. Персонифицированное выражение всего темного, противоположного «западному миру», нечто по определению уродливое, в духе орков из «Властелина колец».

Впрочем, Агате Несауле и не скрывает, что писала не документальный очерк: «Я знаю, что на собственную память нельзя полагаться: она избирательна, она маскируется, она искажа-

ет. Другой те же события расскажет совсем иначе». Она не вралла и не ловчила, она просто жила своими детскими, историческими, национальными ощущениями. И не вина ее, что своей войной она «посадила себя в тюрьму, сама отняла у себя свободу». «Я заточила себя в янтаре», — говорит Несауле.

Война, действительно, очень страшна и беспощадна. С нее нельзя уйти, она не принимает отставок. Вопрос лишь в том, как преодолевать ее. Потакая своим страхам, своим генам, своим теням под кроватью или преодолевать ее хотя бы попыткой взаимного уважения друг к другу.

Прибалтика предпочитает жить детскими страхами. Она верит, что страшно, это когда насилуют немку Хильду, а когда русскую Дуньку — это нормально, это по-монгольски. Она верит, что венец эстетического чувства русских генералов — это млеть от вида толстой жены в ночной рубашке, а немецкая проститутка на голову эстетичнее не подлежащей персонализации мутной волны с Востока. Что же, не будем обижаться на детей. Дети не способны на жалость и разум.

Но будем, одновременно, и знать. Чтобы не слишком уж нервничать, когда в мистическо-монгольском порыве нам попытаются приписать извержение вулкана Эйяфьятлайокудль. Дышите глубже.

Михаил ДЕМУРИН

О ДУХОВНОЙ СУВЕРЕННОСТИ

Анализируя уроки российских смут, необходимо сказать о важности стяжания духовной суверенности, без которой понятия политического и экономического суверенитета не работают, превращаются в пустые слова. В основе духовной суверенности русского человека лежит православная вера и русская культурная традиция, положение которых сегодня в

России далеко не во всем благополучно. Именно поэтому мы должны ставить перед собой две взаимосвязанные задачи. Первая — противодействовать социальной, культурной, интеллектуальной, духовно-нравственной деградации российского социума (использую это иностранное слово, поскольку применять понятие «общество» к жителям современной России было бы неверно: общего у них остается все меньше). Вторая — менять мировоззренческие предпочтения в этом социуме, усиливая в нем приверженность ценностям, смысловым и этическим императивам русской традиции. Укреплять понимание исторической преемственности в судьбе России, веру в нее и русский народ как в исторический субъект, волю к действию с целью изменения существующих условий в стране и в мире. В этом мы являемся соратниками немалого числа русских людей по всей России.

Если мы внимательно посмотрим, в каких условиях нам приходится сегодня жить и работать, то мы вынуждены будем признать, что русский человек сегодня последовательно обездоливается — лишается своей справедливой доли в том, что можно отнести к числу важнейших жизненных основ. Он лишается доли в культуре, пространство которой стремительно сокращается. Он лишается доли в образовании, смысл и содержание которого выхолащиваются, а форма приобретает чуждый национальной традиции характер. Он лишается доли в благосостоянии, достатке, собственности, причем социально-экономический гнет на него увеличивается. Он лишается доли в политике, где все более нахраписто ведут себя люди, чуждые его интересам, а те, кто является выразителем чаяний русских людей, целенаправленно выдавливаются на периферию политической жизни. В условиях, когда в стране нет ни партии, ни лидера, способных в полной мере воплотить его чаяния, он лишен даже права выразить свое отношение к этому: он не может проголосовать против всех и знает, что если он не пойдет на выборы, то это только сыграет на руку сильным мира сего. Он лишается доли своих интересов и своих целей в будущем, потому что у него становится все меньше возможностей сохранить свое здоровье и здоровье своих детей. Более того, будущее у него пытаются отобрать, целенаправленно подрывая должные отношения родителей и детей, выхолащивая чувство сыновства — основу веры и сплоченности любого народа.

Справедливую долю интересов русского человека необходимо вернуть. Как это сделать? Начну не с претензий к власти или с осуждения враждебных русскому народу сил, коих, на самом деле, немало, а с нас самих. Наша собственная ответственность за происходящее очень и очень велика. Многого мы уже лишили и продолжаем лишать себя сами. Даже в се-

годняшних условиях за счет лучшей самоорганизации, большей твердости и последовательности в отстаивании своего культурного кода и права на достойную жизнь можно сделать немало, и деятельность многих общественных организаций по всей России служит тому ясным подтверждением. Этот опыт необходимо распространять самым активным образом.

Есть, однако, другой аспект нашей ответственности. Он, на мой взгляд, заключается в нашем не просто праве, а обязанности оказывать постоянное воздействие на власть. От власти как института, начиная с президентского уровня, мы вправе требовать соответствия своему предназначению — осуществлять волю русского народа как государствообразующего народа России, действовать в его интересах.

Пока получается наоборот. Русский народ не хотел ЕГЭ — его ввели. Русский народ не хочет новых образовательных стандартов — ему их навязывают. Мы хотим, чтобы наши дети изучали основы православной культуры — этому ставятся препоны. Мы требуем достойного или хотя бы достаточного финансирования сферы культуры — в ответ, несмотря на протесты, осуществляется переход на систему автономных учреждений, грозящий параличом деятельности и разорением большинства учреждений культуры. Предприниматели, ориентированные на развитие в России национального производства и рынка, призывают к осторожности в развитии отношений с ВТО, к этому же же призывают ученые и общественность — власть остается на позиции вступления в эту организацию и, соответственно, выполнения навязываемых ею требований, губительных для российской промышленности и сельского хозяйства. Подавляющее большинство военных специалистов уже не первый год протестуют против осуществляемых министром Сердюковым реформ в вооруженных силах — их перестройка продолжается с предсказуемыми негативными для обороноспособности страны последствиями. Эти примеры можно продолжить. Видимо, мы слабо выражаем свою позицию несогласия со всем вышеперечисленным.

Думаю, у большинства русских людей есть понимание, что такая власть не является в полной мере их властью. Критики этой позиции, наверное, укажут в данной связи на высокие рейтинги доверия к президенту и председателю правительства, но я говорю именно о федеральной власти в целом. Давайте приплюсуем к рейтингам Медведева и Путина рейтинги Грызлова и Миронова, Шувалова и Володина, Сердюкова, Кудрина, Фурсенко, Голиковой и Христенко, других министров, которых поставили у власти те же самые президент и премьер-министр, выведем среднее арифметическое, и нам все станет ясно. Изменить эту власть будет непросто.

Более того, стремление к переменам наши недруги попытаются использовать, чтобы навязать нам еще более либеральную и прозападную власть. Поэтому изменения во власти, на мой взгляд, должны рассматриваться как цель не только политического процесса, но и постоянного, каждодневного процесса воспитания власти. Вернее, воспитания конкретных представителей власти.

Возможности соответствующих действий общественно-политических организаций сегодня серьезно ограничены, но они сохраняются, и мы должны их использовать. Большие возможности у Русской православной церкви — РПЦ в целом и, особенно, ее предстоятелей. Россия сегодня переживает сложное сочетание смутного времени и времени сугубых соблазнов и искушений, и кому как не пастырям и архипастырям обличать их? В исполняющейся на Утрени песне Пресвятой Богородицы есть, как известно, такая строфа: «Низложи сильныя со престол и вознесе смиренныя; алчущия исполни благ и богатыяся отпусти тщи». Не это ли должна вслед за Христом делать Церковь сегодня? Между тем, сильные остаются у власти, смиренные продолжают претерпевать скорби, а богатыящиеся пользуются особым расположением церковной иерархии. Православная общественность критикует либерально-прозападное лобби в российской властной элите, серьезно озабочена его деятельностью, а многие из составляющих это лобби бизнесменов и государственных чиновников отмечены церковными наградами.

Очень беспокоит то, что и сама Русская православная церковь сегодня увлечена умножением своей собственности и сознательно демонстрирует миру свое возрастающее богатство. Все это представляет собой не только серьезное искушение для мирян, но и угрозу духовной цельности духовенства, то есть всей РПЦ в целом. Не могу судить, насколько намеренно наша Церковь сегодня вводится государством в этот разрушительный материальный соблазн, но то, что злого дела без соответствующего умысла быть не может, представляется очевидным.

Почему нас так заботит проблема духовной цельности? С одной стороны, потому что в русском языке, в отличие от основных европейских языков, слова «цельность» и «цель» — однокоренные. Только храня свою цельность, русский человек может ставить перед собой правильные цели. И это тем более так, когда речь идет о власти, которая ставит цели перед народом. Но еще более важный аспект этого вопроса связан с тем, что усиливающееся сегодня в российском социуме противостояние, имеющее и политические, и социально-экономические, и этнические, и культурные, и многие другие аспекты, — это,

прежде всего, духовное противостояние, духовная бань. Мы стоим лицом к лицу не с каким-то погрязшим в материальных помыслах бездуховным буржуа, а с силами темного духа — по сути дела, духовными последователями Каина. Они всегда действовали в русской истории, но никогда дело не доходило до того, чтобы так настойчиво навязывать нам так называемую «цивилизацию» вместо национального жизненного уклада, чтобы заставлять Россию ускоренными темпами одновременно и строить Вавилонскую башню, и насаждать Содом и Гоморру, и совершать грех Хама, и лобзать Христа яко Иуда.

Для того чтобы вести с такими силами зла бой святой и правый, смертный бой, как писал Александр Трифонович Твардовский, ради жизни на земле, нужна могучая сила. Такую силу русский человек всегда получал прежде всего от Бога. Но не только. Он, как мы знаем из народного эпоса и истории, а многие — и из своего собственного опыта, черпал ее от родной земли. Описывая свои чувства по возвращении из эвакуации, Анна Ахматова писала: «Как в первый раз я на нее, на Родину, глядела. Я знала: это все мое — душа моя и тело». Не поэтому ли сегодня наших соотечественников через массированные рекламные кампании активно «выгоняют» на отдых за пределы России? И они миллионами туда едут, лишая свой духовный иммунитет важнейшей подпитки от родной земли, разрушая физический иммунитет, особенно когда речь идет о поездках в субтропики зимой, оставляя там ежегодно многие миллионы долларов, которые могли бы остаться вкладом в национальный продукт.

Есть еще один важный источник силы русского человека — жизнь в единстве с народом. Думаю, у многих в их личном наборе архетипов поведения присутствует фраза той же Ахматовой: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Особую силу русским правителям давало единение с народом. Вспомним святого Дмитрия Донского, который в ответ на благословение преподобного Сергия нашел для себя единственное верное место на Куликовом поле — плечом к плечу с простыми русскими воинами в самом опасном месте битвы. Вспомним выдающегося русского полководца Суворова и государя императора Александра III. Вспомним, наконец, И.В. Сталина, оставшегося в Москве в критический момент Московской битвы, когда практически все правительство было эвакуировано в Куйбышев. В этом контексте можно много говорить о личных качествах того или иного государственного деятеля или представителя власти, но важнее обратиться в теме «власть и социальная справедливость». Глубоко убежден, что будущее успешной политики и успешных политиков в нашей стране связано с объединением консервативных, тра-

диционных ценностей с платформой социальной справедливости. Такой синтез в свое время попыталась осуществить партия «Родина», но она была, как известно, подвергнута жесткому давлению со стороны власти.

Хорошо, что РПЦ заняла в своей социальной концепции ясную позицию в поддержку требования социальной справедливости и в последнее время проводит ее все более активно. Иначе и быть не может, если мы постоянно будем помнить, кого Господь посадил по правую руку от себя — того, кто накормил и обогрел ближнего, поделился с ним своей одеждой, своим достатком.

Нормальный русский человек живет не просто в единстве со своим народом, а с любовью к своему народу, с заботой о нем. В своей работе «Путь духовного обновления» Иван Александрович Ильин писал: *«Любовь к своему народу не есть неизбежно ненависть к другим народам; самоутверждение не есть непременно нападение; отстаивание своего совсем не означает завоевания чужого. И таким образом национализм и патриотизм становятся явлениями высокого духа, а не порывами заносчивости, самомнения и кровопролитного варварства, как пытаются изобразить это иные современные публицисты, не помнящие родства и растерявшие национальный дух»*. Сегодня слово «национализм» превращено чуть ли не в бранное слово. На деле же с целью искажения мировоззрения русского человека осуществлена подмена понятий: национализмом власть называет то, что имеет свое ясное название в русском языке — шовинизм.

Есть и «облегченный» вариант искажения, при котором нам предлагают использовать вместо слова «национализм» слово «патриотизм». Спору нет, патриотизм — очень важное и нужное чувство любого гражданина, но это преданность своей стране, своему государству. В данном случае из этого понятия уходит на второй план чувство ответственности каждого представителя того или иного этноса за другого его представителя. Думаю, во многом именно вследствие этого слово «национализм» так ненавистно большинству представителей сегодняшнего российского правящего слоя: они нести эту ответственность за своего собрата не хотят. А опираясь на понятие «патриотизм», легче говорить не о своей ответственности, а об обязанностях других. Прежде всего рядовых граждан перед государством. Другими словами, отдавая должное важному чувству патриотизма, мы имеем все основания в положительном плане употреблять понятие «национализм», помня, кстати, что без этого корня не будет смысла и в понятии «интернационализм».

Так же уверенно мы можем и должны говорить об особой лидирующей роли русского народа как государствообразующего суперэтноса России. По обязанностям, по ответствен-

ности за будущее России, которая ложится на него, русский суперэтнос, или русская нация, далеко опережает все другие проживающие на территории России этносы. Именно поэтому мы с гордостью называли, называем и будем называть себя русскими. Согласимся называться выхолощенным словом «россияне», через непродолжительное время вынуждены будем говорить не на русском, а на «российском» новоязе!

В 1908 году в цикле стихотворений «На поле Куликовом» Александр Блок писал, что ему настолько ясен путь России, что он не боится «мглы — ночной и зарубежной». «Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами степную даль. В степном дыму блеснет святое знамя...» с уверенностью писал он. Он был уверен в силе русского духа, способного выдержать любое внешнее давление. Сегодня «ночная зарубежная мгла» вновь покрывает Россию, и большое число людей в так называемой «российской элите» тоже не боятся ее. Только не боятся по другой причине — они **хотят** этой зарубежной мглы и **не хотят** укреплять русский дух, **не хотят** защищать народ и нашу страну, они верят (напрасно верят), что смогут обеспечить себе лично покой, а что дальше будет с нашей страной, их волнует мало. Именно поэтому для нас сегодня вдвойне не может быть покоя. Именно поэтому, как сказал один добрый и пекущийся о будущем России иеромонах, мы говорим: «Если не мы и не сейчас, то уже никто и никогда!»

Иван САВЧЕНКО,
кандидат социологических наук

О РУССКИХ И РОССИЙСКОМ КАВКАЗЕ

Сегодня много и по-разному говорят о Северном Кавказе. Выросла целая плеяда маститых ученых, политиков, журналистов, которые специализируются исключительно на Юге России. Такой интерес понятен и очевиден: здесь происходят очень болезненные, но при этом не лишённые историчес-

кой яркости события. Поднимаются очень важные темы: терроризм, сепаратизм, религия, экономика, коррупция, межнациональные отношения и так далее. Это действительно очень важные проблемы, в которых нужно разбираться, о которых необходимо говорить.

Но есть проблема, о которой говорить как-то не очень принято. Хотя это проблема носит принципиально важный характер для сохранения и развития российского Кавказа. Я говорю именно о российском Кавказе, то есть о Кавказе, имеющем вполне определенную политическую принадлежность и ориентацию. Это проблема русского населения.

Не то чтобы об этой теме не говорят. Нет, выходят очень интересные журналистские репортажи, публикуются замечательные научные исследования, даже слышны отдельные выступления политических деятелей. Но в общем потоке информации о Северном Кавказе проблематика русского населения теряется и становится малозаметной.

История Северного Кавказа последних лет превратилась в глазах публики в историю кавказцев. Это опасное заблуждение! При чем страдают им в первую очередь сами русские, так как в среде кавказцев такое заблуждение все же не так распространено.

Не совсем понятно, почему так происходит. Не хочется думать, что кто-то нарочно «закрывает» тему русских на Кавказе, понимая ее актуальность. Скорее действует банальная самоцензура, действует по принципу «Как бы кто чего не подумал!». Но, видимо, те, кто так рассуждает, не в полной мере понимают остроту проблемы.

Во-первых, русские — это крупнейший этнос Северного Кавказа. Если говорить об СКФО, то численность русских составляет почти 3 млн. человек. Это данные переписи населения 2002 года, и в настоящее время общая численность русских изменилась, как изменилось и число русских проживающих в северокавказских республиках (в 2002 году их было 706 тысяч человек). И тем не менее русские остаются самым большим народом на российском Кавказе. Можно ли говорить о проблемах региона и не касаться крупнейшего регионального этноса?

Во-вторых, можно, конечно, зажмурить глаза и записать всех разом в новую историческую общность «русский народ», записать просто по месту рождения. Но здравый смысл и окружающая действительность говорит, что это не так. Мы разные. У нас разный родной язык, мы по-разному молимся, у нас различные идеалы, непохожая внешность. Критическая ли это разность? Нет! Нет, эта разность не критическая. Но не потому, что мы, народы России, все такие уж гуманисты и именно нам доступно священное сокровище добрососедства. Наша разность является не критической, потому что многие поколения наших предков пробами и

ошибками научились уживаться вместе. Мы притерлись! В той или иной степени выучили обычаи друг друга. Сформировали общие традиции и обычаи. У нас есть наши общие победы вне зависимости от того, какой мы национальности.

Но при этом не стоит всё упрощать до уровня бытовых контактов и народной дипломатии. Когда говорят о той или иной степени близости народов, говорят об их интегрированности в единое языковое, социальное, политическое, культурное и экономическое пространство. Для такой сложной интеграции недостаточно совместного проживания и народной дипломатии. Интеграция происходит на основе языка, баланса интересов и ценностей, понятных и более или менее принимаемых гражданами страны, независимо от их этнической принадлежности. Помимо этого необходим интегратор, то есть социальная или этническая группа, которая может (или смогла бы) обеспечить распространение этих общих ценностей от центра страны до самых до окраин и может обеспечить соблюдение более или менее приемлемого баланса интересов различных народов, в том числе на Кавказе.

И этим интегратором являются русские, которые плохо или хорошо, но в целом сводят все разрозненные ниточки этнических интересов в единую ткань российской жизни. Не какая-то абстрактная идентичность и не СМИ, а именно русское население. В том числе и на юге, где русские, являются связующим звеном между Северным Кавказом и остальной Россией. И никто другой в обозримом будущем на себя эти функции взять не сможет, даже если захочет, так как другие народы Кавказа этого просто не примут.

В-третьих, забывая про то, что русские такой же этнос Кавказа, как, скажем, черкесы или даргинцы, мы создаем крайне опасную ситуацию. Вкратце опишу ее, разложив на две составляющие: с точки зрения кавказских этносов и с точки зрения русских.

Когда я говорю о кавказских этносах, то имею в виду этносы, для которых Кавказ является (или являлся) местом проживания основной части населения. Для меня «кавказскость» в большей степени территориальный, а не этнический критерий.

Итак, когда представители кавказских этносов начинают считать, что русские — это новый или пришлый народ на Кавказе (забывая о том, что русские в разных частях Кавказа селились, начиная с XI века), то для некоторых горячих голов это может означать, что русских нужно выдавливать отсюда, можно убивать, что территории расселения русских — это захваченные территории, которые непременно необходимо освободить, и так далее.

Когда русские начинают считать себя некавказским этносом в том смысле, что Кавказ не является исконной территорией их проживания, то это означает, что для каких-то горячих голов, скажем, в армейских или других силовых структурах, Кавказ начинает выглядеть как колония, в которой русские как основной этнос России временно находится. А раз это колония, значит, можно здесь вести себя в качестве легионеров, то есть брать ресурсы или какой-либо из видов ренты, можно проводить карательные операции, можно бомбить, не оглядываясь ни на что. Скажем, какому-нибудь абстрактному русскому полковнику, генералу или политику бомбить Вологодчину не приснится и в кошмарном сне, а Чечню можно, потому что это колония, потому что кто-то не очень умный объяснил, что русские на Кавказе временно, что Кавказ не является домом для русских.

Так можно ли, говоря о российском Кавказе, забывать о русских? Мне кажется, что это очень опасно для всех — и для кавказцев, и для русских.

Существуют и другие обстоятельства, которые объясняют крайнюю необходимость говорить о проблемах русского населения Северного Кавказа и поднимать эту тему на различных уровнях. Но и сказанное представляется достаточным.

Нравится это кому-то или нет, но вне русского населения, ощущающего Кавказ своим домом, Северный Кавказ будет становиться все менее российским регионом со всеми вытекающими отсюда как для России, так и для северокавказских регионов последствиями. Хотя номинально российская принадлежность может и сохраняться. Это не означает, что русской темой исчерпываются проблемы Северного Кавказа. Существует множество разноплановых проблем, они касаются в том числе и положения других этносов. Но комплекс проблем, связанных с состоянием, положением, ролью русского населения и взаимодействием русских с северокавказскими этносами, является одним из наиболее значимых для российского Кавказа. И то внимание, которое уделяется данной теме в СМИ, научном сообществе и политических кругах, представляется явно недостаточным. Причем подобная ситуация длится десятилетиями, что усугубляет характер проблем. Сохранить российский Кавказ в качестве полноценного российского региона вне постановки проблемы русских будет очень сложно. Увидеть проблему и начать говорить о ней — значит сделать первый шаг к ее решению.

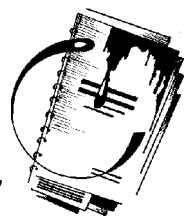
КТО ПОРОДИЛ НАЦИЗМ

Согласно либеральным представлениям, антиподом тоталитаризма является демократия западного типа с её традициями парламентаризма, абсолютизацией частной собственности, уважением гражданских свобод. Однако недавняя история знает и обратную сторону этого достояния человечества.

Тот, кто утвердил 22 июня как «День памяти и скорби», а не начала Великой Отечественной войны преследовал очевидную цель — чтобы россияне чувствовали себя не столько наследниками Победы Добра над Злом, сколько жертвами тоталитаризма.

Провозвестники нацизма

Одним из оплотов демократических ценностей принято считать Великобританию. Тем удивительнее может показаться, что именно этот оплот демократии стал для нацистов примером и идеалом как колонизации великих пространств, так и утверждения права «высшей расы» господствовать над этими пространствами, над расами «низшими», «слабыми» и «падшими».

ДОСЬЕ "МГ"

«Я восхищаюсь английским народом, — говорил Гитлер. — В деле колонизации он совершил неслыханное».

«Наша цель, — заявлял 23 мая 1939 года фюрер, — расширение пространства на Востоке. И это пространство на Востоке должно стать германской Индией».

«Только у меня, подобно англичанам, хватит жесткости, чтобы добиться цели», — провозглашал он. Ему вторило его окружение: «Всё то, что мы хотим претворить в жизнь, уже давно существует в Англии». Учиться у англичан гражданам третьего рейха предписывалось на примере любимого Гитлером английского фильма «Жизнь бенгальского улана», просмотр которого был обязательным для всех членов СС.

Профессор М. Саркисянц, прочитавший курс лекций об английских корнях германского нацизма, написал на эту же тему книгу. В ней он показал, что нацисты были не первыми, кого увлек британский опыт колониализма и расизма. «Нашими наставниками» называл англичан основоположник немецкой колониальной экспансии в Африке К. Петерс, считавший благом для человечества, что с подачи англичан «не романец или монгол задают тон на земле, а именно германцы, каковыми мы и сами себя ощущаем». Разумным и справедливым он считал то, что «многие сотни тысяч людей в Англии могут наслаждаться досугом, потому что на них работают многие миллионы представителей «чужих рас». Одним из духовных предтеч нацизма признан английский писатель и историк Томас Карлейль (1795—1881). **Нет ни одной основной доктрины нацизма, которой не было бы у Карлейля**, — писал он в 1938 году. И провозглашал: «Сила — это право», «Для свободного человека характерен не бунт, а подчинение».

Гармония, по Карлайлю, возможна лишь в том обществе, где «...трудящийся требует от вождей промышленности: «Хозяин, нас нужно записать в полки. Пусть наши общие интересы станут постоянными... Полковники промышленности, надзиратели за работой, распоряжайтесь теми, кто стал солдатом!» Позже, в гитлеровском варианте, подобное называлось «привлечением немецкого рабочего на сторону национального дела». «Кого небо сделало рабом, — учил Карлайль, — того никакое парламентское голосование не сделает свободным человеком». Ну а «чёрный имеет право быть принуждаемым к работе вопреки его природной лени. Худший господин для него лучше, чем вообще никакого господина». Что же касается одного из первых народов, ставшего жертвой англосаксонской экспансии — ирландцев, то во время голода 1847 года Т. Карлайль предлагал выкрасить в чёрный цвет два миллиона ирландцев и продавать их в Бразилию.

Достойным предшественником как британских фашистов, так и германских нацистов следует признать также могущественного главу британского кабинета викторианской эпохи Б.Дизраэли (лорд Биконсфилд), провозглашавшего, что «расовый вопрос — ключ к мировой истории». «Еврейская расовая замкнутость, — доказывал он, — опровергает учения о равенстве людей».

«Будучи евреем, — отмечала немецкая исследовательница А.Аренд, — Дизраэли находил совершенно естественным, что в правах англичанина есть нечто лучшее, чем в правах человека». Можно сказать, что Англия стала Израилем его мечты, а англичане — избранным народом, к которому он обратился с таким рассуждением: «Вы хорошие стрелки, вы умеете ездить верхом, вы умеете грести. И то несовершенное выделение человеческого мозга, которое называется мыслью, ещё не согнуло вашего стана. Вам некогда читать. Напрочь исключите это занятие... Это проклятое занятие члеловеческой расы».

Несколько десятков лет спустя Гитлер словно конспектировал эти тезисы: «Какое счастье для правителей, когда люди не думают!.. В противном случае человечество не смогло бы существовать».

Ну а самым близким — и не только по времени — нацисты считают Чемберлена. Его главный труд «Основы XIX века» главная нацистская газета «Volkischer Beobachter» позже назвала библией нацистского движения. Книга А.Розенберга «Миф XX века» — не только продолжение, но и переложение чемберленовских «Основ».

Сочтя Англию уже недостаточно энергичной для несения «бремени белого человека», Чемберлен во время Первой мировой войны перебрался в Германию. Её он счёл более перспективной для дальнейшего расширения господства белой расы. При этом он продолжал утверждать, что обе страны «населяют два германских народа, которые добились больше всех в мире». Причём немцев он предлагал идеализировать «не в качестве народа-мыслителя, а в качестве народа солдат и торговцев».

Призывая, как и Дизраэли, брать пример с евреев в соблюдении расовой чистоты, Чемберлен вместе с тем доказывал: «Уже одно их существование — это грех, преступление против священных законов жизни» и утверждал, что только арийцы духовно и физически превосходят всех остальных людей и поэтому им по праву следует быть властителями мира. Именно он, английский аристократ и кабинетный учёный увидел в «маленьком ефрейторе» Гитлере «исполнителя своей жизненной миссии и истребителя недочеловеков».

По словам Р. Гесса, со смертью Чемберлена в 1927 году «Германия потеряла одного из величайших своих мыслителей, борца за германское дело, как написано на венке, возложенном от имени Движения». В последний путь Чемберлена провожали гитлеровские штурмовики, одетые в униформу.

Свобода — привилегия господ

Но названные выше фигуры это, так сказать, вершины на британском протофашистском ландшафте. А что представляет собой сам ландшафт? Один из пионеров британского фашизма А.К. Честертон был не единственным, кто считал, что «основы фашизма лежат в самой британской национальной традиции», согласно которой «свобода — это привилегия нации господ».

Самыми яркими носителями этой традиции были, прежде всего, большие и малые колониальные чиновники и офицеры, которым принадлежит первенство и в создании первых в новейшей истории концлагерей во время англо-бурской войны и тайного общества «Потерянный легион», цель которого заключалась в установлении власти империи над всем «нецивилизованным» миром.

Прообраз будущих войск СС прославлял Р.Киплинг, писавший, что в легионе могли служить «только люди с сердцами викингов».

Задолго до индусов, африканцев, аборигенов Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии в низшую расу были зачислены коренные обитатели Британских островов кельты, покорённые вторгшимися из континентальной Европы англосаксами. Популярный в своё время писатель Ч.Кинсли жаловался на то, что в Ирландии его преследовали толпы человекоподобных шимпанзе. «Будь у них чёрная кожа, — писал он, — было бы легче». А «учёный» Дж.Биддоу утверждал, что «предками ирландцев были негры».

Р.Нокс требовал исключить из числа европейских народов кельтов и русских, поскольку «кельтская и русская нации, презирующие труд и порядок, стоят на низшей ступени человеческого развития».

«Свобода — привилегия расы господ». Этот принцип культивировался не только в элитарных кругах Великобритании, но и в самых низших слоях общества, гордившихся своей принадлежностью к высшей расе по отношению к тем же ирландцам, индусам и т.д., и т.п. Замечено также, что родившееся в скаутском движении обращение к старшему — «My leader», принятое нацистами как «мой фюрер», до начала тридцатых годов в Англии употреблялось чаще, чем в Германии.

Фактором, стабилизирующим английское общество, ряд исследователей считает то, что даже малообеспеченные англичане в целом намного покорнее мирились со своим подчинённым положением, чем другие народы Европы. Как отмечал Тениссон, «это спасает нас от бунтов, республик, революций, которые сотрясают другие, не столь широкоплечие нации».

Примечательно, что за 140 лет до нацистских представлений о большевиках, аналогичная пропаганда велась в Англии против французов, устроивших свою Великую революцию и олицетворявших в глазах англичан преступный, дикий, «особый подкласс существ», «особый подкласс монстров». Зато Й.Геббельс восхищался английской «национальной сплочённостью народа в своём стремлении сформировать единоправленную государственную волю». При этом, как признавал Дж.Ст. Милль, «мы восстаём против проявления всякой индивидуальности». Добровольное подчинение нормам «обычно принятого», подмеченное также А.Герценом, позволяло англичанам обходиться без государственного принуждения. Словесный камуфляж выражений типа «открытое общество», «свобода личности» и т.д. в этом, по сути, ничего не менял.

Во время Второй мировой войны отмеченные выше особенности британского общества приводили к тому, что к интернированным иностранцам, жертвам фашизма в их странах, в Англии относились жестче, чем к британским фашистам, так как последние считались патриотами Великобритании, в то время как первые — предателями своей страны.

«Интеллект отравил наш народ»

Многое нацисты постарались прямо позаимствовать из английского образования и культуры. При этом они взяли за основу прежде всего воспитание «расовой гордости и национальной энергии». В ходе этой перестройки Гитлер заявлял: «Мне не нужны интеллектуалы. Знание только испортит молодёжь. Но учиться повелевать им придётся непременно».

Главным стала переориентация с получения знаний на тренировку тела и укрепление воли, а английский язык был провозглашён «языком безжалостного акта воли».

Один из наставников будущих фюреров констатировал, что «английские гости предпочитают самые коричневые из коричневых школ» — так называемые «Наполас».

В докладе, сделанном в английском Королевском институте международных отношений, отмечалось, что «нацистские учебные заведения во многих отношениях построены по образцу наших английских public schools. Всё их воспитание

направлено на то, чтобы привить веру в непобедимость нации». Докладчик сэр Роуен-Робинсон отметил, что руководители школ Наполас — «в высшей степени славные люди».

Единственное, что поначалу снижало эффективность перестройки воспитания на английский лад, это интеллект воспитуемых. «У нас его так много, что с ним одни трудности, — сетовал Гёббельс. — Мы, немцы, слишком много думаем. Интеллект отравил наш народ».

Как показало дальнейшее, этот недостаток во многом удалось преодолеть.

О некоторых странностях той войны

А теперь читатель вправе спросить: если всё так, как выше описано, почему англичане всё-таки объявили войну Гитлеру?

Во-первых, потому, что тот, нацеленный на завоевание восточных пространств и искоренение большевизма, вышел из-под контроля и позволил себе лишнее. Во-вторых, в истории Второй мировой войны до сих пор немало загадок. Достаточно напомнить лишь о трёх. Первая — дюнкеркское окружение летом 1940 года трёхсоттысячной британской армии, разгромить и пленить которую для немцев было делом техники. Но они этого делать не стали, дав возможность англичанам эвакуироваться на свои острова. С чего бы? Об этом до сих пор идут споры.

Вторая загадка — странный полет ближайшего соратника Гитлера Р.Гесса в мае сорок первого года в Великобританию. Явно для переговоров, но о чём — до сих пор держится в секрете, часть которого престарелый Гесс унёс, загадочным образом кончив жизнь в тюрьме.

О третьей загадке широкой публике известно меньше. А она в том, что вермахт как оккупировал в 1940 году принадлежащие Британии Нормандские острова, так и удерживал их до окончания войны в 1945-м. Пять лет рядом развевались британский Юнион Джек и нацистское знамя со свастикой. Все эти пять лет здесь царила атмосфера, в которой немцы и англичане чувствовали себя так, будто между ними не было и нет войны.

По свидетельству американского журналиста Ч.Свифта, побывавшего на островах в 1940 году, побежденные — подданные гордой страны, вели себя с вежливым почтением, а немцы называли англичан «двоюродными братьями по расе». Уровень коллаборационизма и уровень безопасности немецких военных, ходивших безоружными, были самыми высокими в Европе.

Британская администрация островов действовала как агентура гитлеровцев. Здесь были введены специальные за-

коны против евреев. Некоторые островитяне принимали участие в издевательствах над заключёнными концлагерей.

В июне 1945-го, когда война была позади, Министерство информации Великобритании заявило, что коллаборационизм на островах «был почти неизбежен». Никто из нормандских коллаборационистов не был привлечен к ответственности. Более того, 50 самых активных из них были тайно вывезены в Англию и отпущены на свободу, а члены местной администрации даже удостоились почестей.

По мнению журналистки М.Байтинг, оккупация Нормандских островов была «экспериментальной площадкой оккупации всей Великобритании».

Всё в прошлом?

От нас всё настойчивее требуют смотреть в зеркало нашей истории, чтобы мы поняли, из какой бездны Запад хочет помочь нам выбраться.

Но многие ли на Западе готовы посмотреть в собственные зеркала? Возьмем для примера электронную версию солиднейшей Британской энциклопедии, найдём в ней тему фашизма. Здесь весьма конкретно и подробно изложено об итальянском фашизме, испанском, сербском, хорватском, русском!.. О британском же — скупая строчка с сообщением о том, что в его рядах состояло 50 тысяч человек. И, разумеется, упор всё на то же: надёжным оплотом против всяких фашизмов-тоталитаризмов был и остаётся исключительно демократический Запад.

Между тем, не кто иной, как Ф.Папен, последний германский канцлер накануне прихода к власти Гитлера, подчёркивал, что нацистское государство возникло, «пройдя до конца по пути демократии».

На отсутствие непроходимой пропасти между ними указывал философ К.Хоркхаймер: «Тоталитарный режим есть не что иное, как его предшественник: буржуазно-демократический порядок, вдруг потерявший свои украшения».

К аналогичному выводу пришёл Г.Маркузе: «**Превращение либерального государства в тоталитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. Именно либерализм «вынул» из себя тоталитарное государство как своё собственное воплощение на высшей ступени развития.**»

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Геннадий ФРОЛОВ (г. Москва)

ЗВОНЫ КИТЕЖА

* * *

Доживаю, но жизнь не кляню,
И когда просыпаюсь до свету,
Вспоминаю родную страну,
Хоть ее, как нам кажется, нету.

Нету многого, нет ничего,
Из того, что люблю я доселе.
Над Москвою-рекой, над Невой,
Над Амуром и над Енисеем,

Заметая Урал и Кавказ,
По Днепру, по Днестру и по Бугу
Только ветер, не помнящий нас,
Завивает воронками вьюгу.

Мир, которым я был опьянен,
С кем я дрался и с кем обнимался,
Как же это случилось, что он
Вдруг ушел, а меня не дождался.

Но к кому бы он там ни спешил,
Я вослед ему камень не брошу.

Пусть в пустоты отбитой души
Сквозняком задувает порошу.

Пусть клубится она по углам,
Пусть струится от окон до двери.
Я ж не зря говорил себе сам,
Что сберечь можно только потери.

Я ж не зря повторяю сейчас,
Поднимая тяжелые веки,
Что лишь то не изменится в нас,
Чего больше не будет вовеки.

Что, казалось бы, истреблено,
Среди общего смрада и блуда,
А сокрылось, как Китеж, на дно,
Чтобы звоном тревожить оттуда.

* * *

Позабытую песней встревожит мой слух,
И припомнятся мне поневоле
Ленкоранской акации розовый пух
И душистая пена магнолий.

У футбольного поля кусты шавеля,
Красно-бурые кистья соцветий;
И дорога в предгорья, которой, пыля,
Пробегают чумазные дети.

Оплетенные сеткой густые сады,
Лиловевшие сонными мальвами,
И аллея с бассейном зеленой воды,
И лигуструма желтое марево.

Все припомнится разом и разом уйдет
В новогодние сумерки сизые.
Я к окну подойду и увижу сквозь лед
Дом напротив и снег над карнизами.

И подумаю вдруг, молодея душой,
О себе без тоски и без горести,
Как о ком-то, всего лишь придуманном мной
Для еще на написанной повести.

* * *

Время не может, увы, ничему научить,
Если б могло, то давно бы уже научило.
Вот среди сосен закатные гаснут лучи,
Тьма подступает, и стужей из тьмы засквозило.
Что ж я стою на ветру, что ж пытаюсь облечь
Мысль свою в слово, как будто бы в слове есть сила!..
Вечность родная не может души уберечь,
Если б могла, то и в мир бы ее не пустила.

* * *

Была гадать тебе охота!
От нас грядущее не скрыто:
О нем прочтешь у Геродота,
Его найдешь у Фукидида.

Что случится с землей — известно,
Ее судьба — давно не тайна:
Кому все это интересно,
Пускай заглянет в Иоанна.

Давай же суету отбросим!
Что громоздить нам непреклонно
Все тот же Пелион на Оссу,
Все ту же башню Вавилона?

Ты знаешь сам, что с теми случилось,
Кто в ложные поверил речи.
Когда б жизнь вправду улучшалась,
Жилось потомкам предков легче!

Но чего нет, того и нету!
А было бы? Скажи на милость,
Какое же величье в этом,
Какая ж в этом справедливость?

Равенство и предполагает,
Что, как задумано от века,
Одно и то же ожидает
Любого в мире человека.

И как бы мир ни изменяли
Творцы машин, творцы восстаний,

Они ничуть не облегчали
Душе бессмертной испытаний!..

* * *

Возле дома снег, а на дороге
Дрожь воды с отливом золотым.
И светло, как в полдень, на пороге
От луны, сияющей над ним.

Все горит и искрится от света,
Хоть читай на мартовском дворе,
Где сквозная тень намокших веток,
Словно черни вязь на серебре.

Я всегда любил такие ночи,
Эти вот часы глухой порой,
Каждый миг которых не короче
Неизбывной вечности самой.

Кто сказал, что мы живем недолго?
Наша жизнь безмерно велика!
О себе не помня от восторга,
Вдаль она течет издалека.

Даже в этом блеске ясно-синем,
Когда мир весь, кажется, видать,
Мы ее и взглядом не окинем,
Нам ее и мыслью не объять.

Лишь любовь, что в сердце проникает,
Лишь любовь, что из него растет,
Воедино и соединяет
То, что в нас разорванно живет.

И себе, бродя по тротуарам,
Я твержу: люби, а не суди!
О великом думая и малом
С тем же восхищением в груди!..

* * *

Было время, что не было времени,
Будет время, его и не будет.

О себе, об отчизне, о племени,
Отряхнувшись, душа позабудет.

И пространство, воронкою скручено,
Сдавит в атом светила с планетами.
И вопросы, что так нас измучили,
Наконец-то сольются с ответами.

Виктор МЕЛЬНИКОВ (г. Коломна)

СЫН РОДИЛСЯ!

Рассказ

На Руси извечно строились деревянные крепости. Бревенчатые стены, вкопанные в плотный земляной вал, сплоченно высились вокруг крепких дубовых срубов. Эти крепости-поселенья охраняли еще и ворота с коваными створами...

Вот с такой крепостью любила сравнивать Антона Косарева его жена. Антон посмеивался: «Что же это за крепость при таком малочисленном гарнизоне? Давай скорей сыновей нарожаем!» В том, что сможет защитить и ее, и будущих детей от любой беды, он ни на минуту не сомневался.

Судьба жестоко ударила его всего через год после свадьбы: весной они с друзьями-экстремалами отважились сплавиться на катамаранах по реке Белой. Где-то у высоких скалистых берегов Урала их судно перевернулось, и пенная бурлящая река утянула за собой его жену. Долго после этого Антон жил с постоянным ощущением своей вины: как же так, не смог уберечь, оказался бессилён перед нелепой случайностью! Мучительными бессонными ночами ему чудилось, что мутный водоворот подхватил его самого и крутит, не давая вздохнуть. Но в одну реку нельзя войти дважды. Уж такова она, жизнь наша родимая, что, в конце концов, ее поток обязательно вынесет человека к твердому берегу. А здесь, на суше, она предложит свои, совершенно неожиданные сценарии...

Антон редко ходил на семейные вечеринки к друзьям. Нельзя сказать, что он завидовал чужому счастью, но обида, что у него жизнь не сложилась, жгла сердце, и праздник был не в праздник. На этот раз он не мог отказаться от приглашения: был день рождения его крестника. Виновника торжества за столом не оказалось — набегался, устал, спит. Посидев немного за столом, Антон пошел в Виталькину комнату.

«Положу машинку под подушку и потихоньку уйду», — решил он. Но ушел одним из последних.

...Она стояла у окна с его крестником на руках. Лицо незнакомки озарял мягкий вечерний свет. Прижавшись щекой к пушистой головке ребенка, она сияла чистотой материнства. Мадонна с младенцем... У Антона встрепенулось и словно воскресло сердце, как оживает порой подбитая птица. Она медленно повернулась, и взор ее, немного печальный и ясный, заморозил Антона. Весь вечер он поглядывал на нее издали, словно боясь спугнуть. А когда зазвучало танго — медленный и вполне доступный Антону танец, он пригласил ее. Несмело приобнял большими ладонями тонкое тело и почувствовал под белым пушистым свитерком биение ее крови. Одинокой крови — почему-то подумалось ему.

Она первая, улыбаясь, но не поднимая глаз, спросила:

— Как вас зовут?

— Антон, — волнуясь и подавляя дрожь, ответил он. И не успел узнать ее имя: танец закончился.

Незнакомка ухватила его за руку и потащила к хозяину дома.

— Включи караоке! — попросила она. — Вот! Тридцать седьмой номер!

Под смех и шуточки собравшихся дуэтом исполнили детскую песенку «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку!».

— Неправильно, неправильно поете! — закричал кто-то из гостей. — Не «Тили-тили, трали-вали», а «Тили-тили тесто, жених и невеста!»

Он уже оправился от смущения. На душе стало легко и светло. А она, продолжая игру, улыбнулась:

— А вы не боитесь? Может, у нас с вами любовь с первого взгляда?

Антон посерьезнел. В ее интонации ему послышались такая доверчивость, такая незащищенность и открытость! Задумчиво глядя в ее глаза, кивнул:

— Это не любовь — это судьба. Хотя я даже не знаю, как вас зовут.

А звали ее очень красиво. Лизой. Елизаветой.

Через неделю они случайно встретились на трамвайной остановке. День был весенним, солнечным. Клубился под солнцем асфальт. Плыли над головой кучевые облака. Хрустел под ногами отошавший снег.

Антон обрадовался, а Лиза почему-то испуганно взглянула на него. Нет, она не его испугалась, а странного толчка в

груди. Загорелось что-то внутри, зажгло. Сразу вспомнилась та вечеринка. Ее шуточный разговор про любовь, закончившийся банальным поцелуем. Тогда ей просто хотелось пококетничать, ощутить себя желанной, обаятельной, счастливой. Кажется, это удалось... Но если это была игра, чего же сейчас сердце так волнуется, почему щеки так горят? «Неужели и вправду влюбилась? — запело что-то внутри. Но она тут же оборвала эту счастливую мелодию: — Нет. Так не должно быть. Так нельзя. Эта блажь должна пройти. Обязательно».

— Здравствуйте, Лиза.

Ну вот, все нормально, снова они перешли на «вы».

— Здравствуйте, Антон.

— Я много раз звонил вам на работу, но каждый раз мне отвечали: скоро будет, скоро будет... Как хорошо, что мы с вами все-таки встретились!

Антон радовался, как ребенок.

— Город наш маленький: где-нибудь и увиделись бы.

— А вы какой трамвай ждете?

— «Копеечку».

— Далеко вам?

Лиза, вздрогнув, взглянула на Антона.

— Мне в военкомат...

И она рассказала ему о том, как они дружили с Вадимом с пятого класса, как все между ними было определено и ясно. Вместе поехали в Москву поступать в институт. Она поступила, а он нет. Той же осенью его забрали в армию, а уже зимой короткими автоматными очередями стали пробиваться письма из Чечни. Одно, второе, третье... Потом около года письма шли только в один конец. Ждала, ждала с надеждой. Может, в госпитале где, может, в плен попал... Уже начали возвращаться ребята с войны. Возвращались по-разному: кто целехонький, кто без руки, без ноги, а кто и вовсе в цинковом гробу. Только не было среди них Вадима. Словно вообще его не было на той войне. И вот седьмой год Лиза ждет его. Ходит каждый месяц в военкомат. Как на свидание. И каждый раз ответ один и тот же. Сколько за эти годы их прозвучало? Целая тетрадка бы уже исписалась! И Лиза согласна ходить еще столько же, лишь бы отыскался ее Вадька...

Лиза выплескивала свою боль, а Антон каждой клеточкой впитывал ее. Не заметили, как проехали остановки «Пионерская», «Комсомольская», «Площадь Двух революций». Сердитая кондукторша вернула их к действительности:

— Конечная! Выходите, молодые люди!

Выйдя из трамвая, растерянно потоптались на остановке, будто не зная куда идти.

— А я тоже воевал в Чечне, — горько улыбнулся Антон.

— Вы были там? — удивилась Лиза.

— Пришлось...

— Скажите, Антон, — Лиза оживилась. — Ведь никто не видел, как он погиб. Значит, он жив? Ведь, правда?

— На войне всякое может быть, — уклончиво ответил Антон. — Могли, конечно, и в плен взять. Но война уже давно закончилась. Даже кто в рабстве у них был, и те вернулись. Впустую вы ждете. Если бы он был жив, вы бы давно какую-нибудь весточку получили.

— Ну, как, как мне хоть что-то узнать! Хоть бы какая-то определенность... Годы прошли — не дни, не месяцы... Все твердят: семью надо создавать, детей заводить... А я как подумаю, что вот выйду за кого-нибудь замуж, а он вернется...

— Напрасно вы терзаете себя. Если так и случится — он вас не осудит. Ведь вы его столько лет ждали. Вы молодая, красивая... перестаньте жить прошлым. — И тут же, внезапно: — Выходите за меня замуж...

Лиза удивленно посмотрела на него.

— Но я же вас не знаю... не люблю...

— Зато я очень люблю, — твердо ответил он.

Они стояли у высокой крепостной стены древнего кремля. Слева шурилась пыльными бойницами на перекресток Астраханского тракта и Владимирской дороги Грановитая башня. Справа устремился ввысь шатер Маринкиной башни, где когда-то томилась гордая полячка — венчанная царица московская, ставшая узницей, — Марина Мнишек.

— Вы что же, хотите заточить себя тоже навеки в крепость?

Лиза ничего не ответила.

Осенью они сыграли свадьбу. Две беды, два горя соединились вместе. И снова жизнь обрела свою цену. Но чего так боялась Лиза, то и произошло: именно накануне вернулся Вадим. Подоспел на самую свадьбу.

В ресторане, где шло торжество, взъяренный парень прорвался прямо к столу. Лиза в полуобморочном состоянии глядела на него. Не побежала навстречу. Не сорвала голоса. А только отшатнулась, словно в нее ударила молния, побледнела и схватилась за грудь... Вадим стоял перед ней. Целый, невредимый, но с каким-то другим лицом, чужими глазами... Они сцепились с Антоном за грудки. Затрещали рубашки, посыпались на пол оторванные пуговицы. Охранники еле растащили соперников. Рассвирепевший гость, вырываясь, все же выкрикнул на весь зал:

— Ты вор! Но я ее все равно верну!.. Все равно!..

Снимая развязавшийся галстук, Антон Косарев только ухмыльнулся: что взято, то свято... Однако заноза в сердце все же осталась. Подпортил Вадим его торжество.

Но все вроде бы улеглось. Лиза перешла жить к Антону, они вдвоем произвели в квартире полный ремонт, и их жизнь сделалась одной непрерывной песней. Иногда Антон с горькой иронией думал: «Новые стены, новая мебель, новая жена... Все с чистого листа». Прежняя острая боль осталась в прошлом. Для них не было пасмурных дней — каждый день был согрет солнечными лучами взаимной любви, а тоскливое, черное одиночество, которое так терзало каждого ночами, сменилось сладкими, «медовыми», как они называли, ночами...

Когда Лиза сказала Антону, что забеременела, Антон бросился искать календарик.

— Зачем тебе? — удивилась Лиза.

— Давай посчитаем, когда он родится! Сколько уже?

— Врач сказала: недель восемь... Но это пока не точно. На ранних сроках всегда ошибаются.

Когда же, в какую счастливую ночь зародился их ребенок? Антон мысленно промотал время назад и опешил: выходило, что он был тогда в дальнем рейсе. Возил кирпичи из Белоруссии. Он выскочил на кухню, пытаясь успокоиться. Ну, ошибаются врачи, ошибаются: неделей больше, неделей меньше — как определишь? Лизе он ничего не стал говорить: все равно невозможно выяснить, где правда, где ложь и измена, а где плод больного воображения...

Но все-таки однажды, пряча глаза, Антон предложил жене:

— Лиза, послушай... У тебя такой сильный токсикоз... Может, лучше аборт сделать?

И сразу пожалел.

Такой он Лизу никогда не видел. Она вскочила с дивана, отбежала к окну, замоталась в длинную белую тюлевуую штору. И, помолчав, сдавленно, как-то загробно, прошептала:

— А давай я рожу, а ты убьешь его.

— Ну что ты!.. — Антон был потрясен не меньше жены. — Это я так... Наоборот хорошо, что у нас с тобой так быстро получилось, — добавил, пытаясь улыбнуться. — Я не против и второго ребенка. К тому же и президентские получим. Двести пятьдесят тысяч на дороге не валяются.

— Я тебе его обязательно рожу, — успокаиваясь, не то в шутку, не то всерьез сказала Лиза. Она подошла к мужу и положила голову ему на грудь. Конфликт был исчерпан.

Лиза добрела и округлялась как на дрожжах. Живот уже выпирал вперед, словно колокол. Все чаще и чаще дитя било в утробе ножками.

Однажды во время прогулки, где-то в углу городского сада Лиза наткнулась на яркую красную сыроежку. Она обрадовалась грибку и вырвала его вместе с корнем.

— Значит, сын будет, — объяснила теща Нина Сергеевна, когда молодые рассказали ей о находке.

Лиза поджала губки:

— А я больше девочку хочу.

Антон интуитивно догадался, что в этот момент жена думала о войне, которая забирала сыновей, о Вадиме. И наигранно—сурово спросил:

— А что — сына любить, что ли, не будешь?

— А вы не заглядывайте вдаль. Не надо, — высказалась Нина Сергеевна. — Ты же дитя из собственного тела родишь. Твоя кровинушка в нем течь будет. А сын или дочь — какая разница! Лишь бы родить!

И Антон на этот раз был согласен с тещей на все сто процентов.

Была пятница. Конец рабочей недели. Нагруженный свертками и пакетами, Антон возвращался с работы домой. На дворе было то самое прекрасное время, когда из-под толщи снега стали появляться проталины, пробиваться пяточки земли с прошлогодней травой, и повеселевшие воробьи с громким чириканьем деловито обследовали их, находя там какую-то поживу. И воздух был уже по-весеннему ароматен и свеж. Наступало новое время, дарящее новую жизнь. «Как все-таки здорово, — думал Антон, — идет весна, обновляется природа, а у меня родится сын и... обновит породу!» Во как! Он громко рассмеялся — куда его занесло: вон в какие философские дебри, да еще и стихами! На сердце у него было радостно и торжественно, не раздражало даже карканье ворон.

Лифт в доме, по своей постоянной привычке, не работал. От него пахло, как от привокзального туалета. Сигнальная красная кнопка, прожженная каким-то обалдуем, зияла дырой, словно не запломбированный зуб. Пол, липкий, вероятно, от пролитого пива, противно цеплял подошвы.

Антон тихо ругнулся и, перехватив поудобнее тяжелые пакеты, пешим ходом отправился покорять лестничные пролеты.

Дверь в его квартиру была почему-то приоткрыта. Свет горел во всех комнатах. На полу темнел свалившийся с вешалки тещин плащ. Он поднял его и повесил. И, уже тревожась, вошел в большую комнату. На диване лежала Лиза, поджав к животу колени. Рядом сидела Нина Сергеевна. Ее взгляд резко метнулся в сторону зятя.

— Наконец! Объявился! — Она встала. — Уже и ждать устали!.. Жена вот-вот родит, а его где-то носит.. И что вы, мужики, за народ!

— Что, началось, что ли? — испугался Антон.

Теща только руками всплеснула. А Лиза еле слышно проговорила:

— Плохо мне... Больно...

— Ее же в больницу надо! — воскликнул Антон. — В больницу!

— Конечно, не в церковь! — раздраженно выкрикнула Нина Сергеевна. — У нее воды отошли. — И она начала складывать заготовленные вещи в сумку. — Это плохо: держать младенца посуху. Кабы чего плохого не вышло.

В комнате стоял какой-то непонятный дух. На полу лежали мокрые, запятнанные простыни.

— Так чего ж до сих пор «скорую» не вызвали? — удивился Антон.

— А ты попробуй сам вызови! Весь дом без телефона сидит. С утра где-то авария... Сколько раз говорила: купите сотовый. Все денег жалко!

— А вы что? На необитаемом острове, что ли, живете? К соседям нельзя сходить? На улицу выбежать?

— Вот и сходи сам к соседу, — огрызнулась теща. — У него же машина. Пусть до роддома довезет.

Но разговаривать с Семеном оказалось делом бессмысленным. Тот, шатаясь, держался за дверной косяк и ухмылялся пьяной, кривой улыбкой.

— Тебе чего... сосед? Разбираться, что ли, пришел? Поздно...

Антон глубоко, с сожалением вздохнул. И пошел к своей двери.

— Ты чего приходил-то? — с трудом выдавил из себя хмельной Семен. — Чего надо было?

Косарев, не оборачиваясь, махнул рукой.

А Лиза, уже одетая, сидела на диване, обеими руками бережно обхватив живот. Рядом — теща с сумкою на коленях. Они обе вопросительно смотрели на Антона.

— Пьяный он... Надо самим как-то добираться... Может, такси или попутку ловить.

— Час от часу не легче, — с досадой, резко бросила теща.

— Что вы на меня кричите?! — не выдержал Антон. — Я его, что ли, напоил?

— Ты, не ты... какая разница? — не сдавалась теща.

— Мама, — голос у Лизы был слабый, какой-то чужой. — Ну, зачем ты так? Чего на него нападаешь? Он и так по две смены вкалывает.

— Знаем мы эти две смены...

На этот раз Антон сдержался. Хотя из души так и рвался крик ярости.

— Антон... Помогите мне, — услышал он тихий голос жены. — Совсем сил нет. И живот болит.

Антон протянул Лизе свою сильную руку. Она оперлась на эту твердую, надежную крепость, и они медленно вышли из квартиры. Ступенька за ступенькой спустились вниз. И Лизе показалось даже, что боль как-то отступила, утихла — хоть домой возвращайся. В ней по-прежнему легко и свободно бились два сердца.

К вечеру похолодало. Сильный апрельский ветер словно вымел их узкую улочку — ни людей, ни машин. Антон, оставив женщин у автобусной остановки, метался на дороге в надежде поймать попутку. Но за все время проехал только один мотоциклист. Мать и дочь сидели на лавочке под стеклянным навесом. У Лизы снова начались боли, она уже не только стонала — порою не могла сдержать крика.

— Антон! — позвала теща. — Антон!

Он подбежал, продолжая оглядываться на дорогу. А ветер меж тем все крепчал, и талый снег под ногами расползлся, как глина.

— А может, взять у соседа? — громко спросила Нина Сергеевна.

— Чего взять? — не сразу понял Антон.

— «Чего, чего», — передразнила теща. — Машину! Вот чего. «Жигуленок» его.

— Как это взять?

— А так... сейчас возьмем, а потом обратно поставим. Благо у подъезда она стоит. Права у тебя есть, — совсем уж ласково уговаривала теща. — И риска никакого. Пока Семен проспится, она уже на месте будет. Только туда и обратно...

Антон замер в раздумье.

— В принципе, можно, конечно... — нерешительно произнес он. — Но все-таки это угон. За это и в тюрьму недолго...

— Ну, какой угон? Не у чужих же берем, — возразила теща. — У соседа! На время!..

Антон оглянулся на пустую, темнеющую улицу. В окнах домов уже зажигались огни. Даже прохожих не было. И помощи ждать неоткуда.

Антон мгновенно молчал. Словно прислушиваясь к себе. Потом решительно сказал:

— Хорошо. Ждите. Сейчас приеду.

Оранжевый «жигуленок» с ночными угонщиками на борту, рассекая еще не замерзшие лужи, спешил в сторону ро-

дильного дома. Навстречу дул сильный апрельский ветер. Антон вел машину умело — аккуратно и мягко объезжая колдобины. Он считался шофером опытным, да и «жугиленок» был послушен и легок, не то, что его большегруз с прицепом. Когда попадались ямы, Антон переключал и гасил скорость. А потом снова выжимал газ до отказа и гнал машину со сто-верстной скоростью. Когда Лиза начинала стонать, теща причитала горестно:

— Ну, быстреей, ради Бога, быстреей...

Антон молчал. Сдерживался. Ну, куда, куда еще быстреей? Зачем на себя кликать беду? Не дай Бог, гаишники попадутся. Сейчас он для них слаще любого пирога. Так что тише едешь — дальше будешь. Антон был рад, что все так здорово получи-лось. Угнал машину! Да что там машину — он бы и самолет похитил! Жена сына рожает!.. И все, что он сейчас делал, — для нее, для его Лизы, его Лизоньки. Вон как она, бедная, свер-нулась комочком на заднем сиденье, стонет тихонько.

...Пьяного мужа Антон увидел еще издали. Тот стоял у обочины, обхватив руками металлическую стойку рекламно-го щита. Его тело, обмякнув, чуть сползло вниз, но он упрямо старался держаться, прижавшись щекой к ледяному шесту.

Когда Антон почти поравнялся с ним, мужик вдруг ото-рвал руки от своей опоры и на полусогнутых выскочил на дорогу. Косарев резко крутанул руль влево, но ночной сумас-шедший все-таки ударился всем телом о дверь. Антон услы-шал этот глухой удар и боковым зрением увидел искажен-ную ухмылку пьяного лица. Это был Вадим. Но не тот краса-вец-молодец, который ввалился на его свадьбу, а обрюзгший, опухший, с давно не бритой щетиной.

Косарев ударил ногой по тормозам. Машина резко оста-новилась. Без признаков жизни мужчина лежал на снегу. «Надо же, снова встретились», — горестно подумал Антон.

— Что ты собираешься делать? — На лице тещи застыл ужас.

Косарев, вцепившись в руль, молчал. Крупные руки его подрагивали, перед глазами в свете фар все плыло. «Надо выйти, помочь, — думал он. — Может, не насмерть... Может, он жив...» Но руки, словно чужие, нащупали рукоять скоро-сти и включили, сперва первую... потом вторую... и третью.

И вот машина уже бешено мчалась вперед.

— Что это? Что это было? — спросила Лиза. — Она лежала на заднем сиденье, голова — на коленях матери.

— Кажется, собака попала под колесо, — словно проснув-шись, отозвался Антон.

И больше до больницы никто не проронил ни слова.

Пятиэтажное здание родильного дома, как громадный корабль, выплыло из ночной темноты. Свет в окнах горел только на первом этаже. Антон выскочил из машины и побежал к парадному подъезду. Стал колотить кулаками в дверь. От ударов сыпалась штукатурка, весь косяк ходил ходуном. Медленно подошли теща с женой. У Лизы было страдальческое, измученное, очень бледное лицо. Одной рукой она держалась за мать, другой поддерживала живот.

Ожидание показалось Антону вечностью. Наконец за старыми дверьми родильного храма послышались чьи-то шаги. Дверь распахнулась, и на пороге выросла тучная фигура пожилой нянечки в белом халате. Словно холодильник в дверях поставили.

— Ты чего ломишься? Звонок-то на что? Вот деревня.

— Жену привез, — выдохнул Антон. — Плохо ей.

Женщина смерила всех опытным взглядом, давая понять, что в эту минуту именно она здесь — главное лицо. Антон вдруг вспомнил: надо было прихватить коробку конфет из серванта. Она бы здесь очень пригодилась.

— Переполошил всю больницу, — бурчала между тем нянечка. — Проходите. Прямо по коридору и направо. Посидите там, я пока врача вызову.

— Пожалуйста, побыстрее, — Нина Сергеевна умоляюще сложила руки. — Дочь уже рожает.

— Врач сама разберется — рожает она или нет. Тоже мне, профессора нашлись! — осадил тетка. И уже добрей добавила: — Раз привезли, то нечего беспокоиться. А лучше возвращайтесь домой. Нечего вам здесь без дела болтаться. Только мешать будете.

— Нет, нет... мыждемся доктора, — запротестовала теща.

— Ну, коли есть такая охота, ждите, — согласилась нянечка и не спеша заколыхала в другой конец коридора.

Антон находился в каком-то странном оцепенении. Ожидание было мучительно. Врач все не появлялся. Они сидели втроем на топчане в коридоре и, словно сговорившись, смотрели на большие часы на стене. Тяжесть не покидала душу Антона. Перед глазами то и дело всплывал сбитый им Вадим, его выпученные от страха глаза и распростертые руки. Все это расплывалось в огромное черное движущееся пятно и давило на глаза. «А вдруг он умер? Надо было остановиться, подобрать. Все равно в больницу ехали... А если не умер?.. Нет, теперь все равно тюрьма будет... Вот ведь как в жизни бывает: чтобы родиться одному, понадобилось погибнуть другому... А впрочем, чего это я его хороню? Может, он еще жив?» — Спасительная мысль встrepенулась в душе Антона. Он вскочил и громко, на весь коридор, спросил появившуюся вдаль нянечку:

— А можно от вас позвонить? Мне в ГАИ надо!
— Посторонним не положено, — донеслось из конца коридора. — Домой приедешь и звони сколько хочешь!

Врач оказалась женщиной пожилой, высокой и стройной. Взгляд ее ясных пронизательных глаз внушал уверенность и спокойствие. Она улыбнулась, оглядев Лизу:

— Ну что, мадонна, рожать будем? Ишь какая красивая. Лиза ничего не ответила.

— Или я не права? — Доктор повернулась лицом к Антону. — Вы, мужчины, настолько привыкли, что вокруг вас все женщины красивы, что этого даже не замечаете. А ведь какая красота! Какие лица! Даже у простой женщины прямо-таки царское величие. Впрочем, для вас, мужчин, мы всегда загадка и непостижимая тайна. Я правильно говорю?

И она снова повернулась к Лизе.

Лиза с трудом улыбнулась.

— Какой срок, мамочка? — спросила врач.

— Тридцать две недели, — ответила за дочь Нина Сергеевна. — Все проходило нормально, доктор, а сегодня вечером вдруг начались схватки. И воды отошли. Вот что плохо. Я так боюсь за нее...

— Ничего, милочка. Все будет хорошо, — бархатным голосом успокоила врач. — Пойдемте за мной. Может, придется готовиться к операции. Не исключено и кесарево.

— Ой... — испуганно вырвалось у Нины Сергеевны.

— Ничего страшного, некоторые сами просят, — успокаивала доктор. — Доченька ваша будет лежать в отдельной палате. Как королева. Вы можете тоже остаться, только возьмите у няни халат и бахилы. Но постарайтесь не шуметь. Время позднее, наши девочки уже спят. А они народ привередливый. — И врач увела Лизу, ступающую медленно и осторожно, словно она шла не по ковровой дорожке, а по скользкому льду.

Когда они остались в коридоре одни, Антон вдруг спросил Нину Сергеевну:

— Как вы думаете, что с тем случилось?

— Да что с ним сделается?! — с досадой отозвалась теща. Ей было обидно, что зять в такой сложный момент думает не о Лизе. — Ты же на него не наехал. Он сам виноват: как леший, вылетел на дорогу. А может, специально на тебе хотел подзаработать? Сейчас так делают. — Она помолчала. — Я дверцу поглядела — на ней даже вмятины нет. Так что не бери в голову — все обойдется. Ты лучше про жену думай. У тебя дите скоро будет.

— Сын, — уточнил Антон.

— Ну, это как получится, — не стала уточнять Нина Сергеевна.

В конце коридора зажегся яркий свет, задвигались фигуры в белых халатах. Захлопали двери. Послышались голоса.

— Но он мог удариться головой об асфальт, — тихо продолжил Антон. — Пьяный ведь.

Что это был Вадим, Антон не стал говорить теще.

— Тем более, — поддержала она. Нина Сергеевна не выпускала из рук сумки. — Этих пьяниц ничего не берет. Они в огне не горят и в воде не тонут. Небось, отлежался да и хлещет сейчас с дружками пиво.

Антон только вздохнул.

Наконец дверь предродовой палаты открылась, и к ним вышла врач. Только другая, уже помоложе.

— Вы мать роженицы?

Теща, поднявшись, кивнула.

— Пройдите к дочери. А вы, мужчина, останьтесь.

Нина Сергеевна стремительно вбежала в палату. Здесь все сияло белизной — потолок, стены, пол. Лиза лежала на высокой кровати под ярким светом, вытянув руки вдоль тела. На простыне ее пальцы слегка подрагивали. Сестра собирала в чемоданчик какие-то инструменты. Когда она вышла, мать села возле дочери.

— Мне сделали укол, — голос Лизы был тих, губы бледные.

— Ты не волнуйся, — Нина Сергеевна взяла руку дочери в свои ладони. — Все будет хорошо. Скоро появится твой малыш и закричит на весь мир.

Лиза прикрыла глаза, но потом снова поглядела на мать.

— Мама... послушай меня... — Ее голос был слаб. — Я чувствую, как жизнь уходит из меня... Может, я всего этого и не увижу. Поэтому хочу признаться тебе...

Мать остановила ее:

— Ты и в детстве от зубной боли все собиралась умирать. Помнишь?

— Не перебивай, — вздохнула Лиза. — Слушай, что я скажу. — Она помолчала. — Этот ребенок... понимаешь, он не от Антона...

Нина Сергеевна испуганно обернулась на дверь.

— От Вадима, что ли? — догадалась она. — Но он ведь совсем, говорят, спился. Где же вы с ним схлестнулись?

— Он меня силой взял. Зашел в гости к нашему соседу. Они, оказывается, вместе работают. Прямо как в плохом кино получилось...

— Ну и зачем ты это сделала? — осуждающе спросила мать. — Обрубила один раз концы, значит — все, нет к прошлому возврата. Теперь что? Так и будешь бегать от одного к другому?..

— Он налетел, как с ума спрыгнувший... Да ты же знаешь, я перед ним виновата, — призналась дочь.

— В чем виновата? Ждала столько лет... Никакой твоей вины нет.

— Решила: потом второго обязательно от Антона рожу... Но видишь, как получается... — Дочь высвободила руку из материнской ладони. — Только очень тебя прошу: не говори Анто-ну... А теперь иди... иди... — И Лиза устало прикрыла глаза.

«Значит, все-таки сдержал слово, стервец, — Нина Сергеевна была в смятении. — Ну ничего... Чей бы бычок ни ска-кал, а телятко наше».

В коридор она вышла внешне вполне спокойная.

— Ну, как она? Что там? — бросился к ней Антон.

— Все нормально. Обычные женские страхи. Готовят ее к операции. Конечно, волнуется...

Нина Сергеевна старалась на зятя не смотреть, словно была виновата перед ним.

— Я... это... наверно, пойду, — нерешительно сказал Ан-тон. — Вы тут как-нибудь без меня.

— Ты куда? — испуганно спросила теща.

— Поеду... Может, он там еще лежит.

И Нина Сергеевна впервые не возразила ему:

— Конечно, езжай-езжай... А я посижу до утра. Подежурю.

Антон вышел во двор с тяжелым чувством. Может, Лизе плохо, а теща скрывает от него? Уж больно подавленным был у нее голос. Посмотрел в ночное небо. Звезды сияли над греш-ной землей ярко и бесстрастно. Антон полюбовался звездной россыпью и мысленно подбодрил себя: «Ну что ж, братишка, иди... Теперь твой ход...»

Белая луна висела над городом. Ночь еще царствовала, хотя на востоке уже начал брезжить рассвет.

Антон Косарев старался не гнать машину. Ему было страшно подъезжать к тому месту. От всего пережитого взгляд его стал сумрачным, черты лица обострились. Искуренную папиросу он уже всю изжевал, и та только чудом держалась на его толстых губах. Антон буквально холодел, думая о том, что с завтрашнего дня все его жизнь изменится. Его, конечно же, арестуют. Потом будет суд. Лет десять в совокупности ему наверняка дадут. И угон зачтут, и наезд, припомнят еще бегство с места преступления. Преступник... Это сколько же ему будет, когда он отсидит? Лет сорок, сорок пять, не мень-

ше. А самое главное — сын будет расти без него. Не придется ему сбрасываться с постели по звонкому его крику, не услышит он его первых слов, не увидит первых шагов... Все это, конечно, будет, но... Вот такие, Антоша, невеселые твои дела...

Рассуждая так, Косарев чуть было не проехал мимо рекламного щита. Остановился. Кругом разливалась мертвая тишина. Город спал. Он осмотрелся по сторонам и только потом вышел из машины. Под фонарем у щита было светло. Но никакого тела не было. Антон присел на корточки, погладил корочку заледеневшего снега рукой: ладонь почувствовала его ледяную жесткость и холод. Там, где должен был лежать человек, снег был заметно примят. Но ни следов крови, ни его самого не было. Антон вышел на тротуар и крикнул:

— Вадим! Вади-и-им! Где ты?!

Ответом ему была тишина. Тогда Косарев позвал еще раз, уже громче. Опять никто не откликнулся. Антон посвистел. Но и на свист не гавкнули даже окрестные псы. Вокруг стояла оглушающая тьма. Антон постоял в раздумье и решительно пошел к машине. Но поехал не в сторону дома, а к городской милиции. И чем ближе он подъезжал, тем легче становилось у него на душе.

Милицейский двор, уставленный машинами, был залит ослепительным неоновым светом. Антон позвонил у входной двери.

Засигналил зуммер вызова.

— Входите, — раздалось из микрофона, и дверь со щелчком открылась.

Косарев, миновав тамбур, оказался в полуосвещенном коридоре. За стеклянной перегородкой сидел дежурный офицер. Склонившись к окошку, Антон негромко заговорил:

— Я это... по поводу дорожного происшествия. На улице Лазарева. Ну, это... со сбитым человеком... У рекламного щита.

Дежурный спросил безучастно:

— На улице Лазарева? А когда? Во сколько?

Антон задумался:

— Часа три назад.

Милиционер оглядел сводку происшествий.

— Нет... ничего сегодня такого не было. Ни наездов, ни изнасилований. На улице Лазарева?..

Он поднял глаза на Антона.

— А чего это ты вдруг спрашиваешь? Сам наехал или видел, как это было?

Антон не был готов к такому вопросу. Поэтому чуть задумался и только потом ответил:

— Мимо проезжал и видел, как встречная машина шандалнула мужика. Но когда потом назад возвращался, никого там уже не было.

— Чего сразу-то не остановился? — сделал вид, что повел, спросил дежурный.

— Торопился очень.

— А сейчас тебя, значит, совесть заела?

— Конечно, нехорошо получилось, — согласился Антон.

— Понимаю... — насмешливо улыбнулся офицер. — Смешанные чувства покоя не дают?

— Как понять? — не сразу сообразил Антон.

— А это когда твоя теща падает в пропасть на твоей новой машине, — объяснил дежурный.

— Тоже мне сравнение, — не оценил юмора Антон.

— А тут и сравнивать нечего. Сбил того мужика ты. Тебе повезло, что тот оклемался, а так бы тебе дорога одна — на нары...

— И что мне теперь делать? — испуганно спросил Антон.

— А ничего, — коротко ответил офицер. И потом назидательно добавил: — А что сам пришел, это молодец. Значит, есть совесть еще...

Косарев понимающе кивнул и неожиданно для себя сказал:

— Я жену в роддом отвезил. Наверно, она сейчас рожает. А может, даже и родила.

— Повезло тебе сегодня, парень. Видать, в любимчиках у Бога ходишь, — дежурный внимательно поглядел на Антона.

Косарев промолчал, но у двери все же обернулся и сказал:

— А теща у меня хорошая...

Во дворе милиции он задерживаться не стал. На душе было как-то странно. Хотя немного уже и повеселее. Но все же хотелось уяснить все до конца. Ведь сбил же он Вадима! Не придумал же все это сам! Антон поехал на станцию «скорой помощи».

Однако и там ему ничего не сообщили. С удивлением сказали, что на ДТП сегодня не выезжали и сбитого человека не доставляли. Сигналы поступали, но только от гипертоников и сердечников.

— А можно позвонить от вас?

Строгая операторша опешила от Антоновой наглости и пыталась подобрать слова, чтобы дать ему достойную отповедь.

— Я понимаю, что у вас телефон занимать нельзя, но это как бы по вашему профилю... В роддом... Жена рожает.

— Да позвони, Петровна, — засмеялся старенький фельдшер из дежурной бригады. — Действительно ведь по профилю!

Петровна недовольно поджала губы, но начала набирать номер.

— Фамилия, имя?

— Косарев Антон.

— Ну что же, так и спросим: Косарев Антон не родил еще?

— Лизой ее зовут, — исправив свою оплошность, быстро добавил Антон.

На другом конце провода долго молчали. Наконец лицо женщины растянулось в улыбке, и она медленно, по слогам произнесла:

— Сын у те-бя ро-дил-ся. С ма-те-рью то-же все хо-ро-шо. Позд-рав-ля-ем!

Антон перекинулся через перегородку, поцеловал операторшу, потом перецеловал всю дежурную бригаду и выбежал на улицу. Сел в машину и какое-то время, не шелохнувшись, опустив голову на руль, пытался собраться с мыслями.

«Сын... Сын родился... Сын родился! Неужели Вадим остался жив? Неужели, неужели закончился весь этот кошмар? И с Лизой, его дорогой Лизой, все в порядке...»

В памяти Антона мелькнула озорная веселая песенка: «Лиза-Лиза-Лизавета, я люблю тебя за это... и за это и за то...» А собственно, за что «за это и за то»? Дальше он слов не знал.

Он вдруг вспомнил о том, что осталось еще одно тревожное, но несложное дело — вернуть соседу машину. Маленький лихой «жигуленок», который так выручил его в трудный момент. Семен, конечно же, простит его. Он хоть и пьяница, а человек добрый. Антон купит ему водки, и они славно посидят вдвоем...

На душе стало как-то светлее, теплее. И он, нажав на газ, тронул машину.

Лунный свет, словно белый портвейн, кружил голову. Чертовски хотелось спать. Неожиданно повалил мокрый снег. Одна снежинка, другая... И вот уже на лобовом стекле нависла снежная паутинка. Антон включил «дворник». Будто пчелка, зажужжал старый моторчик. Впереди блестела в ночи разделяющая полоса, словно линия чьей-то судьбы. «Дворники» не успевали полностью смахивать снег со стекла.

Антон устал бороться с тяжелым сном и провалился в сладкую дремоту. И даже увидел сон — яркий и светлый. Большая поляна, словно море. Он стоит по грудь в ромашках и высоко поднимает над собой сына. Мальчик улыбается и тянет к нему ручки. И Антон кружит с ним, кружит, кружит, кружит...

Вдруг — откуда ему взяться? — зазвонил телефон. Мелодия какого-то знакомого шлягера звучала из бардачка. Ан-

тон испуганно проснулся. «Жигуленок», виляя то вправо, то влево, разгуливал по встречной полосе. Впереди, беспрерывно сигнала и освещающая дорогу дальним светом, накатывал на него тупорылый «КамАЗ». У Антона уже не было времени выезжать на свою сторону, и он с силой крутанул баранку влево. Машина съехала в кювет и уткнулась носом в заледевшую землю.

А телефон все звонил. Антон открыл бардачок и вытащил мигающую коробочку. Нажал на кнопку. Прямо из его ладони наружу вырвался грубый и сиплый голос:

— Семен! Это я, Вадик! Ты чего трубку-то не берешь? Спишь, что ли? А у меня после вчерашнего трубы сохнут. Ну, мы с тобой вчера и врезали! А помнишь, как ты меня ночью чуть не сшиб? Я, конечно, после нашего еще добавил. Но ясность в голове имел. Стою это на дороге, ноги подкашиваются, внутри мутит. Ну, думаю, точно менты загребут. И вдруг вижу: ты едешь. Я вылетаю на дорогу и машу руками. А ты прешь на меня, как танк. Хорошо хоть только боком зацепил. Это твоя, что ли, телка была, или кого подсадил? А ну колись, Семен...

Антон нажал кнопку. А в лобовое стекло улыбалась ему милосердная луна.

ПОЭТИЧЕСКАЯ РАДУГА

Алексей ЛАНЦОВ (Финляндия)

ОСЕННИЕ ДУБЫ

На удивление дубы!
Один — судите сами —
Как будто лев встал на дыбы
И, вытянувшись, замер.

А вон красуются вдали
С морским каким-то шиком
Не дерева, а корабли
С разрушенной обшивкой.

Но что ни осень, то аврал,
Уж видели такое:
Все листья ветер обрывал,
Как старые обои.

И вот придешь сюда гулять,
Так, скажем, через месяц,
И нет ни льва, ни корабля,
Хотя дубы на месте.

А украшение дубов
Листва — легла под ноги,
Земле спасительный покров
Зимой, в мороз жестокий.

Но среди всех один, вон тот,
Стоит под стать герою,
На нем листва еще живет,
Свисает бахромою.

У лукоморья и в лесу,
Годясь в любые жанры,
Дубы — и соль земли, и суть —
Спокойны и державны.

И будет листьев новых шёлк
Сверкать на старых ветках,
Всё впереди, мы все еще
В начале века!

РОССИЯ

А ты все та же...

А. Блок

Дом, колокольня, старый двор,
Бомж неизменный у помойки
Живут всему наперекор —
Застою, смуте, перестройке.

Куда страну ни повернешь,
Какое знамя ни поднимешь —
Россия та же — Бог да бомж,
Да остальные между ними.

И Рюрик знал ее такой,
И после Рюрика знавали,
И злой правитель, и святой...
А изменили что? Едва ли.

И только листья каждый год
Ждут не напрасно всей оравой,
Что им сентябрь принесет
Отмену крепостного права.

Граница... «Кодак» свой достань,
Русь позади: поля, дорога
И в небе облако, как Бога
Благословляющая длань...

Андрей МАТЯХ (г. Москва)

* * *

Мы снуем, храня беспечность,
И не знаем, что на нас
Всеобъемлющая Вечность
Смотрит пристально — без глаз.

Как придирчивый инспектор,
Нас берет «на карандаш»,
Направляя судеб вектор,
Исчисляя жизни стаж.

Заполняется реестр,
Мнется белизна одежд,
Все слабей звучит оркестр
Наших скорбей и надежд.

Мишура проблем, амбиций
Осыпается, шурша.
Тает грим на наших лицах.
Проступает в них Душа...

* * *

В призрачном мареве ежится
Тусклая жуть фонарей.
И нескончаемо множатся
Зевы открытых дверей.

Сумрачно хлопают двери,
И начинается день —

Дрожью чугунных артерий,
Трепетом каменных вен.

В поры асфальтовой кожицы,
Тысячеглазо слепа,
Каплями липкой сукровицы
Вдруг проступает толпа.

И, растекаясь, бередит
Ссадины каменных ниш.
Город горячечно бредит
Чушью реклам и афиш.

Люди асфальтовый студень
Месяц в угаре забот.
Вечная бестолочь буден
Их за собою ведет.

Сонмы надежд и печалей,
Болей, предательств и вер
Кружат над городом стаей
Призрачных серых химер.

Рамиль САРЧИН (г. Казань)

УТРЕННЕЕ

Может быть, я завтра и не встану,
Но пока мой голос в серебре,
Как люблю я в деревенском стане
Пробуждаться летом на заре.
И послушать утреннюю птицу,
И залюбоваться на ручей,
Что уже успел позолотиться
От охапок солнечных лучей.
Поглядеть украдкой на дорогу —
Как она похожа на судьбу!
И, от ветра утреннего вздрогнув,
Воротиться в теплую избу.
И хотя не скоро до морозов,
Но уже сегодня поутру
Листья сердцевидные березы
Бились и страдали на ветру.

* * *

Мне бы детский смех услышать,
Детский плач...
Но с утра кричит на крыше
Только грач.

Да мурлычет с недосыпа
Хмурый кот,
Да повсхлипывают липы
У ворот.

Да по трубам ветер воеет —
Не впервой.
Может быть, из-за него я
Сам не свой.

Ольга СВАНБЕРГ (Финляндия)

РОЖДЕСТВО

Снег падает снова и снова,
Лист белый творя напоказ.
На нем по изгибам бывшего
Напишется новый рассказ.

Тьму дней неумеренно мгlistых
Заменит ночей колдовство.
Так тихо, торжественно, чисто
Бывает в любви рождество.

Снегов и судеб половинки
Отмерит зима по шагам,
Еловая ветвь у тропинки
Постскриптумом ляжет к ногам.

Ольга ПУССИНЕН (Финляндия)

* * *

Зимнее солнце над Стрелкой горит
Желтым огнем стеарина.
Кто-то сегодня со мной говорит,
Кто это, — Анна?.. Марина?..

Троицкий мост в час заката поет
Виолончелью старинной.
Чья же луна мне уснуть не дает?
Все-таки, — Анны?.. Марины?..

В камень одет Трубецкой бастион
Матушкой Екатериной.
Кем я была, когда снился мне сон? —
Анной?.. Иль все же Мариной?..

Кто этим Святкам меня причащал?
Где мой отец благочинный?
Как же, ну как он меня называл? —
Анной?.. А может, — Мариной?..

«Отче, — сказала, — в смятенные дни, —
Сколько имен наших? Сколько?» —
«В светлых молитвах своих помяни
Анну, Марину и Ольгу».

* * *

Вот и выпала зима —
Снег пошел, слепой и ранний,
В юном первенце-буране
Дремлют старые дома.

Распускается зима,
Смутный город заметая;
Светлых снов летает стая
Детским почерком письма.

Вот такая вот зима —
Небо сыплется мне в руки;
Засыпают сердца муки
И смятения ума.

Петербургская зима —
Спит в тумане Исаакий;
Ангел делает мне знаки —
Я приду к нему сама.

Эта белая зима
Не пропустит даже строчки
И везде расставит точки,
И закроет книг тома.

Ирина ГЛЕБОВА (г. Саранск)

* * *

Саксофон, играющий джаз
Возле церкви Святой Марии.
И дома повторяют на раз
Музыкальную эйфорию.
Деревянных скамеек ряд
Расправляет пустые плечи.
Перекупщик мой ловит взгляд,
Не узнав чужестранной речи.
Продолжая о чём-то петь,
Попаду, от дождя продрогнув,
В узкогорлых проулков сеть
К заглянувшим друг в друга окнам.
Белобрысый спешит варяг
Мне навстречу, в ладонь зевая,
И глотает мой тихий шаг
Бесконечная мостовая.

Людмила МЕЖИНЬШ (г. Рига)

МУЗА

Та женщина, с которою он жил,
Была ему надежной теплой печкой.
А женщина, которую любил,
Горела нервно-вьющеюся свечкой.

Та женщина, с которою он жил,
Всё понимала, даже что он — гений,
А женщина, которую любил,
Лишь изредка садилась у коленей.

Не прижималась ласково к щеке
И не давалась в жаждущие руки,
А ускользала звездно, налегке,
Не придавая важности разлуке.

Та женщина, с которою он жил,
Всё видела и всё ему прощала,
А женщина, которую любил,
Поэзии его не замечала.

Скучны ей были все его стихи,
Мудрёные навязчивые речи...
Но, ожидая встречи у реки,
Она могла сидеть под ивой вечно.

Когда ж он первым выбился из сил,
И отпустил Господь земные муки,
Та женщина, которую любил,
Не вынесла нагрывшей разлуки.

И в тот же миг за ним ушла она
Проторенною звездною тропинкой.
А женщина, которая жена,
Сметала с их могилы паутинки.

И, возрождая время из могил,
Стихи его потомкам сохранила
Та женщина, с которою он жил,
Та женщина, которая любила.

Юрий ПАХОМОВ (г. Москва)

ВЕЧЕР В СТАМБУЛЕ

Рассказ

Максим Чупраков несколько лет не летал самолетом, но даже ему, привыкшему к обшарпанным бортам военно-транспортной авиации, Ил-154 показался загаженным сараем. Соседкой справа оказалась этакая бизнесвумен, красивая, ухоженная и надменная. Он отметил, с какой брезгливостью она отдернула руку, когда, доставая из-под кресла привязной ремень, он случайно коснулся ее локтя, и со злостью подумал: «Сучка».

Ужинать Чупраков не стал, глотнул виски из бутылки, купленной в магазине дьюти-фри, и сразу уснул. Проснулся, когда самолет заходил на посадку в аэропорту Стамбула. Женщины рядом не было, видно, она пересела на другое место — Чупраков после ранения дергался во сне и скрипел зубами.

На кой черт его занесло в Турцию? А все тетка: «Тебе нужно встряхнуться, совсем бирюком стал. У меня в Стамбуле знакомый директор турфирмы, я все устройю. Поживешь в

приличном отеле в старой части города, рядом собор Святой Софии. Хочешь — ходи на экскурсии, хочешь — не ходи. А лучше возьми в аренду машину и погоняй по окрестностям Стамбула». Это его и подкупило.

В аэропорту Чупраков взял такси, водитель турок, свободно говоривший по-русски, за двадцать долларов с ветерком докатил его до отеля «Гелал Султан». Отель Максиму понравился — тетка Мария подсуетилась: одноместный номер чисто прибран, ковры, на стенах картинки с дервишами-мевлеви и мечетями, из окна вид на собор Святой Софии. Туристы — в основном японцы и англичане. Чупраков в последние годы поднаторел в английском и чувствовал себя за ужином свободно. Порадовался: нет надоевших ему новых русских, хотя отель не из дешевых.

Каково же было его удивление, когда за завтраком на террасе за соседним столиком он увидел вчерашнюю бизнесвумен. Та была в неброском, но дорогом прикиде, изукрашенная — золотой крестик с бриллиантами на шею. Стильная девка, ничего лишнего. За ночь бизнесвумен выпалась, посвежела. А может, искусно положенный макияж? Но главное, с лица исчезло холодно-надменное выражение, а глаза наполнились теплым светом. «А ведь хороша», — подумал Чупраков и, тронув пальцем изуродованную щеку, нахмурился.

Несмотря на ранний час, было уже жарко, купол на соборе Святой Софии матово отсвечивал. За сдвинутыми столиками спорили англичане. Рыжий верзила предлагал отправиться на Египетский рынок, остальные настаивали прямо сейчас ехать в Чанаккале. Внезапно небо померкло, над городом проплывала стая крупных птиц — сколько их, не счесть. Максим с изумлением подумал: «Неужели аисты? Надо же!»

Чупраков закурил любимую сигарку «Кэпитэн блек» — иных не признавал, и, почувствовав первый сладкий толчок никотина, вспомнил Ольгу: как в их последний вечер она вдруг заплакала, горько, безутешно, по-детски. Может, предчувствовала? И радостное настроение, с которым он проснулся, погасло.

От оплаченных экскурсий Чупраков отказался, чем немало удивил гида, и отправился разыскивать фирму, сдающую в аренду автомобили. Безупречные международные водительские права и щедрые чаевые произвели на агента фирмы должное впечатление. Максим выбрал новенькую «Мазду», небольшой автомобиль с просторным салоном, и только сев за руль, успокоился. Еще вечером, в номере, едва распаковав вещи, он тщательно изучил карту Стамбула — ничего слож-

ного, нужно только приноровиться к особенностям вождения в этом древнем городе. Ему было все равно, куда ехать, но прежде всего хотелось по одному из мостов пересечь Босфор, а дальше — куда глаза глядят. Азиатская часть Стамбула ему не понравилась: обычный спальный район, каких тысячи: офисы, серые пятиэтажки, магазины, лавки с сувенирами, уличные овощные рынки, в переулках груды мешков с мусором, около которых бродили тощие кошки. Босфор тоже не произвел на него впечатления, слишком все ярко, как на любительских фотографиях: голубое, в солнечных бликах море, белые пароходы, яхты, прогулочные катера под тентами, а вдалеке, где должно начинаться Черное море, лежала плотная серая дымка, и городские предместья тонули в ней. На загородном шоссе стало свободнее, по обе стороны потекли обожженные поля, перебиваемые густо-зелеными рощицами оливковых деревьев, а то вдруг возникали плантации подсолнечника с тяжело обвисшими, уже зрелыми шляпками.

Пообедал в ресторане при заправочной станции. Турецкая кухня ему понравилась: чечевичный суп, острый кебаб с картошкой и маслинами, салат, крепкий кофе по-восточному, виноград. Над головой вились осы. И даже здесь, километрах в ста от Стамбула, было много туристов и почему-то одни японцы: немногословные осанистые мужчины, старухи в широких шляпах и юные японки с оголенными животами.

«Мазда» раскалилась на солнце, в салоне было не меньше сорока градусов. Чупраков включил кондиционер и покатил в Стамбул, уверенно ориентируясь по информационным знакам. Хотелось поскорее встать под душ, смыть липкую испарину, перебить острые, пряные запахи, которыми, казалось, было пропитано всё — дома, придорожные кусты и даже серое полотно шоссе.

Жизнь Чупракова разделилась на две части. Первая была яркой, наполненной ощущением бешеной скорости, риска, удачи. Вторую, после ранения, захлестнули пустота и темное, как стывшая осенняя вода, одиночество. Если в первой жизни он был всеобщим любимцем, баловнем судьбы, удачливым спортсменом, боевым офицером, то во второй он ощущал себя никому не нужным изгоем, избегающим появляться на людях.

...Его группа из взвода разведки, прихватив брошенный «Урал», катила по сизой, щербатой от воронок грунтовке — нужно было оторваться от преследования. По обе стороны дороги дышала зноем зеленка. Преодолев подъем, «Урал» с

грохотом свернул к комендатуре. Чупраков сразу оценил обстановку: не ко времени — по всему периметру шел бой, стучали очереди «калашей», гулко, как в бочку, ухал станковый гранатомет, со стороны кирпичного с сорванной крышей дома короткими очередями огрызались боевики. Ребята сыпанули из кузова, кинулись в КПП. Максим пересчитал бойцов, порядок, все целы. Ну и рожи у пацанов: загорелые, раскрашенные пылью в два цвета, бороды, как у боевиков, головы повязаны косынками — бандюганы, а не разведчики. На каждом разгрузочные жилеты, ножи под левым плечом.

Выстрелы, как по команде, смолкли. Зависла тишина. Встретили их на КПП неласково — настороженными стволами.

— Вы что, охренели, мать вашу, — хрипло крикнул Чупраков, пытаясь унять дрожь в отяжелевшем вдруг теле.

Через несколько минут разведчики сидели во дворе у стен комендатуры, вяло ковыряя ножами в банках тушенки, а комендант, давний знакомец, чисто выбритый, в свежем камуфляже, присев на корточки, рассказывал:

— С час назад просочилась небольшая группа боевиков. Засели в развалинах. Упорные чехи попались, только «шмелем» и выкурили. А вообще у нас тихо. Ты-то как, Макс?

— Нормально. Может, нальешь ребятам по соточке? Нас ведь боевики уже за штаны хватали.

— Погоди маленько. Место перед сарайчиком хорошо пристрелено, а в нем, в погребке, ящик водяры припрятан.

Чупраков с завистью глянул на коменданта:

— Чистенький, аж хрустишь. Небось воды — залейся?

— А то! Горячий источник рядом. Ничего, вас тоже выстираем. — Комендант настороженно прислушался, пошкрябал в кармане, отыскивая сигареты. — Знаешь, отчего мы такой концерт устроили? Из-за сюрприза.

— Какого сюрприза?

— Утром мой помощнику по тылу бензовоз из Грозного пригнал, «ЗиЛ», доверху залитый горючкой. Мы его чуток мешками с песком прикрыли, да чем черт не шутит, саданут чехи из гранатомета, тогда полный отпад. Считаю, вакуумная бомба.

— Почему не отогнал?

— Горючки жалко. Тут она под прикрытием. Да и тихо было у нас.

— Ничего себе, сюрприз.

Комендант встал и крикнул в проем двери:

— Кирпич, тащи из сарайчика три флакона. Ребятам нужно стресс снять.

Из двери возник боец поперек себя шире. Точно, Кирпич.

— Понял, командир, я мигом. — И двинул вразвалку к крытому шифером сараю. И тотчас у его ног защелкали, вздымая пыль, пули.

— О, блин, опять начали, паскуды.

Выстрел из подствольника отколол часть стены комендатуры, брызнула кирпичная крошка. У косой тени от бензовоза взметнулся серый султан разрыва.

— Ты куда, Макс? — завис в воздухе крик коменданта.

Но Чупраков его уже не слышал, пружинистыми скачками кинулся он к «Зилу», рывком распахнул дверь, ключ от зажигания предусмотрительно торчал в скважине, сипло заурчал движок. Максим нажал на газ, одним махом снес ворота КПП и уже облегченно вздохнул — вроде пронесло, как белая от солнца бетонка слилась в одну сверкающую полосу и, кувыркаясь в чадном дыму, все же успел подумать: «А ведь попали...»

Дальше был госпиталь в Моздоке, грохочущее брюхо самолета «Ил-76», госпиталь имени Бурденко, ожоговый центр, три пластические операции, унылые, лишенные красок месяцы ожидания, и, когда Максим наконец нашел в себе силы взглянуть в зеркало, первое, о чем он подумал: «Лучше бы мне оторвало ногу». Из мутного, в разводьях зеркала на него взирал человек, разительно не похожий на прежнего Максима Чупракова: правой половины лица не существовало, ее заполнил бледный, спаянный из разных лоскутов кожи рубец, оттого голубой, в пушистых ресницах глаз походил на пуговицу, наспех пришитую пьяным портным. Многочисленные процедуры, повторные операции у дорогих пластических хирургов особых результатов не дали. Не спасла и густая прядь волос, ниспадающая на изувеченную часть лица. Теперь Максиму постоянно казалось, что люди сторонятся его, провожают удивленными взглядами, шепчутся за его спиной, и он стал выходить на улицу только поздними вечерами, выбирая наиболее затемненные места.

Максим мог бы остаться служить, на его камуфляже поблескивали боевые ордена, а раненое лицо лишь бы укрепило его авторитет, особенно перед молодыми бойцами, но он не принял новой жизни, подал рапорт на увольнение и вернулся в Москву.

Большую часть времени Чупраков теперь проводил в своей комнате, на звонки друзей и знакомых не отвечал, от всех встреч отказывался, и потому дни тянулись медленно, вяло и безрадостно. Он рано потерял родителей, воспитывали его дядька с теткой.

Дядька Иван Степанович в самом начале «перестройки» ушел с завода и организовал кооператив по ремонту легко-

вых автомобилей. Как-то вечером он заглянул в комнату Максима и, грохнув бутылкой водки по журнальному столику, сказал:

— Разлей, сынок.

Чупраков еще в госпитале дал себе слово не пить, а то крыша окончательно съедет, но в голосе дядьки послышалось нечто такое, что он безропотно достал два стакана и плитку шоколада на закуску. Выпили молча, как на поминках. Иван Степанович налил еще, отломил кусочек шоколада, понюхал его и тихо сказал:

— Хреновые дела, Максим. Меня тут за хорошие бабки прокрутили в онкоцентре на Каширке — рак и, похоже, с метастазами. Нужно ложиться на химию, только проку от нее — ноль. Упущено время. Ты только Машке не проговоришься. Успеется. Короче, принимай дела в фирме, иначе все пойдет прахом. Фирма на подъеме, от заказов отбоя нет. Жаль, крепкое дело пропадет.

Максим минут пять не мог унять дрожь в подбородке, пытаясь осознать, вникнуть в услышанное. Дядьку он любил, тот заменил ему отца, многому научил, и вот такое. Переборов себя, с трудом разжал непослушные губы:

— Какой из меня фирмач с этакой рожей? Только клиентов отпугивать.

— Не ной, ты мужик с головой. И руки у тебя золотые. Я все продумал, было время. Только не перебивай. Владельцем фирмы будешь ты, с правом первой подписи и прочим, а для представительских функций я тебе компаньона подыскал — Костю Горобца. Юрист с опытом, надежный, порядочный мужик. Я еще его отца знал, работали вместе. Хотя приглядывать и за ним нужно. В дело я тебя введу. Думаю, успею. На себя возьмешь всю производственную часть, мастера, тосе. Сведу тебя с нужными людьми, с поставщиками запчастей у нас и за рубежом. Приоритет — иномарки, за ними будущее, пока еще сервисные центры раскрутятся, а мы уже вот они. Я прикинул создать бригаду перегонщиков подержанных тачек из Владивостока, Польши, Германии, Дании. Дело прибыльное, но опасное — нужна надежная крыша. Да ведь ты не из трусливых, и с людьми сможешь договориться. Сейчас что мент, что бандит, считай, одно и то же. А ты пацанов знаешь, в спорте тусовался, да и тебя знают. Ухватил?

— Типа того. Слушай, а может, лекаря из онкоцентра не волокут? Может, все туфта? Обойдется?

— Не обойдется, сынок. Меня светило смотрел, самый-самый. Академик. Куда уж выше? Машку не бросай, единственная у тебя родня. Давай еще по стакану.

Дядьку через три месяца сожрал рак. Здоровенный мужик превратился в мешок с костями, но до последнего вздоха не терял присутствия духа, подшучивал над женой, выпивал, курил.

Максим быстро вошел в дело. У него обнаружили способности к бизнесу, с куражом, разумным риском, азартом. Костя Горобец вполне подходил для представительства: полный, румяный, седые волосы зачесаны на пробор, очки в золотой оправе, носил кашемировые пиджаки от Палло Поверри. Джентльмен, гарант надежности. Владельцем фирмы считался он, Максим управлял из тени и большую часть времени торчал в мастерской, обслуживая постоянных клиентов. Фирма Чупракова поглотила три других и успешно прижимала конкурентов. В охране — крутые пацаны, дружки Чупракова по Чечне. Тетка, промышлявшая переводами с английского, погоревав, наострилась писать детективные романы. Какие-то суетливые люди приносили ей странички с текстом, напоминающим подстрочник, и она, шпаря на компьютере, превращала это варево в пристойную литературу. Зарабатывала хорошо, особенно, когда по телевизору пошли сериалы — экранизации ее романов.

Чупраков в том же доме на улице Свободы в Тушино купил однокомнатную квартиру, сделал евроремонт, обставил по своему вкусу. Столовался по-прежнему у тетки, стараясь не мелькать на людях. Так и жил. Была, правда, еще одна проблема, но он решил и ее, пользуясь услугами дорогих проституток, ухоженных, хорошо одетых женщин, чем-то напоминающих надувных резиновых кукол, что он видел однажды в секс-шопе в Амстердаме, откуда перегонял заказанный «Мерседес». В них было что-то ненатуральное, механическое, и это примиряло его со своей, тоже ненатуральной, словно выдуманной жизнью. И лишь одна Ольга, синеглазая блондинка, его по-настоящему волновала, потому с ней он был особенно резок и груб.

Ольга обычно приезжала в субботу с корзиной закусок и французских вин из супермаркета на Новом Арбате и никогда не брала денег. «Дурак, это я тебе должна платить, а не ты мне. Иногда мне кажется, что я тебя люблю, хотя слово «любовь» при моей профессии звучит вульгарно. Ты единственный, от кого бы я хотела ребенка».

В воскресное утро она в его рубашке, выброшенной на голое тело, готовила ему завтрак, и при этом лицо у нее было домашней хозяйки, которой нравилось смотреть, как муж ест. В эти часы он жалел и ненавидел ее, ненавидел себя и ждал, пока она наконец уйдет. А, оставшись один, скучал по

ней. В таких случаях единственным спасением была скорость; он спускался в гараж, выводил свой отлаженный, как швейцарские часы, «Ягуар» и уносился километров за двести по Ленинградскому шоссе, на Волгу, и только там чувствовал себя хорошо. Инспектора ГБДД недолюбливали Чупракова, хотя он расплачивался с ними за превышение скорости по самой высокой таксе. И ни один отморозок не рискнул бы угнать его «Ягуар», в криминальной среде хорошо знали, каким серьезным людям Макс обслуживает лимузины, — те из-под земли достанут и строго накажут.

Ольгу изнасиловал и зарезал беспредельщик из Новосибирска, изуродовал так, что девушку трудно было узнать. Родителей ее так и не удалось разыскать — жила по чужому паспорту. Чупраков похоронил ее на Хованском кладбище, заказал памятник и запил, неделю не появлялся в офисе фирмы, тетке дверь не открывал, с Костей Горобцом общался только по мобильнику.

Как-то вечером его навестил один из его клиентов, известный авторитет. Брезгливо глядев грязную посуду на столе, батарею бутылок в углу, спросил:

— Киснешь? На вот, ополоснись пивком и завязывай. Ты же не пьешь, в натуре.

— Не пью, — эхом откликнулся Максим.

— А теперь рассказывай, что знаешь.

Прощаясь, он сказал:

— Сам не лезь, без тебя управимся.

Спустя несколько дней бомжи на одной из подмосковных свалок нашли труп новосибирского гастролера, в рот ему был забит отрезанный половой орган.

К завтраку Чупраков выходил поздно, когда туристы уже разбредались по городу. Бизнесумен он больше не встречал, видно, она завтракала раньше или, управившись с делами, уехала. В эти утренние часы он особенно остро чувствовал одиночество. Сидел, курил, равнодушно глядел на купола и минареты Святой Софии, на автомашины, взбирающиеся по горбатой улочке на площадь перед дворцом Топкапы, снизу доносились крики уличных торговцев, и все ему казалось бессмысленным: поездка, блуждание по магазинам и лавкам, затянувшиеся ужины в ресторанах. Его уже не радовала езда по окраинам Стамбула. Он вспоминал тихие волжские плесы и тосковал. Беспокоили мысли, как идут дела в фирме. Нужно было уезжать, но что-то его удерживало, он томился, никак не мог принять окончательного решения и злился на себя.

Как-то вечером Максим сидел в ресторане «Метрополис» на соседней с отелем улочке. Смеркалось. Август стоял жаркий, даже вечером было душно, от стен домов, брусчатки проезжей части дороги тянуло зноем. Столик стоял на тротуаре, тихо наигрывала турецкая музыка, в темнеющем небе проступали звезды. В этом вечном, кишашем туристами городе никому не было до него дела. И он вздрогнул от неожиданности, когда за спиной прозвучал низкий, с едва заметной хрипотцой голос:

— К вам можно, воин?

Он обернулся. Перед ним стояла бизнесвумен. На этот раз на ней был белый, подчеркивающий фигуру костюм, туфли на шпильках. Она успела загореть и в сумеречном свете походила на мулатку.

— Присаживайтесь, — он указал на стул слева от себя, так, чтобы меньше бросалась в глаза изуродованная часть лица.

Женщина небрежно повесила сумочку на спинку стула, шелкнула зажигалкой, закурила и, зажмурившись от дыма, сказала:

— Уж извините. В мусульманской стране женщине не принято сидеть в ресторане одной. Могут принять за проститутку. А скажите, что делать пустым вечером?

— Пожалуй.

— Я навела на рецепшен справки. Вас зовут Максим?

— Да. Кстати, почему вы решили, что я военный?

— Ну, это за версту видно. И, скорее всего, бывший. Действующий офицер вряд ли может себе позволить жить в номере за сто долларов в сутки.

— Вы ясновидящая?

— В чем-то да. Зовут Еленой. Где вы целый день пропадаете? Спите в номере?

— Развлекаюсь ездой на автомобиле.

— Счастливчик. А я мотаюсь по делам фирмы. Несколько магазинов в Москве. Обслуживаю средний класс. Добротню и сравнительно недорого. Сегодня подписала выгодный контракт на поставку женского белья. Здесь оно приличное. А вы чем занимаетесь?

— Автосервис.

— Я так и подумала.

— Это почему?

— Руки у вас не банкира. У тех лапы суетливые и часто липкие.

Чупраков сглотнул ком в горле:

— А лицо?

— Да бросьте вы свои комплексы! Вы же красивый мужик, воин, от вас разит такой силищей, что у меня, как только вас увидела, ноги подкосились. Эх, Лена, Лена, где твоя гордость? — Она невесело рассмеялась. — Хотите нестандартное предложение? У меня в сумочке фляжка с бурбоном. Рядом на площади есть фонтан, там можно разыскать свободную скамейку. Пить из горла вы обучены, тут без вопросов. Потом побродим по ночному городу. Я одна боюсь.

— На вас не похоже.

— Перестаньте! Обычная я баба и трусиха к тому же. Позавчера таксист ко мне привязался, дикарь из восточной провинции. Пришлось в полицию обращаться. — Лена брезгливо оглядела ресторан: — Терпеть не могу этих туристических забегаловок со сладко-приторными гарсонами. Ну, так как?

— Годится.

В этот поздний час толпы туристов не поредели. Все скамейки у фонтана были заняты. Молодежь обосновалась прямо на газоне под деревьями. Стекланные струи фонтана не рождали ощущения свежести. Мимо беззвучно проплыл трамвай — четыре сцепленных вагона, широкие окна отсвечивали голубизной, оттого пассажиры напоминали разноцветных рыб в аквариуме.

— Лучший транспорт в Стамбуле. Кондишн, информационное табло, — сказала Лена, провожая трамвай взглядом. — Пройдемся, я знаю одну кафешку, где красивый мальчик выжимает отличный сок из грейпфрутов.

Позади осталась громада Святой Софии, в глубине парка Гюлхане за чугунными решетками лежала густая тьма. Витрины магазинов и лавок были ярко освещены. Чего там только не было! Дорогие шелковые ковры ручной работы, молитвенные коврики попроще, горы тибетеек, фесок, кальяны, утварь из меди, декоративные ятаганы, антиквариат, яркие ткани, струнные музыкальные инструменты, изделия из кожи. Мимо этого великолепия струилась разноязыкая толпа. Туристы курили, жевали, целовались, замирали у красочных витрин или неторопливо рассаживались за столиками многочисленных кафе, расставленных прямо на узких тротуарах. В затененных переулках шла своя жизнь — там звучала музыка, мигали огоньки реклам, возникали и исчезали тени, от контейнеров с мусором тянуло сладкой гнилью.

Мальчишка турок и в самом деле был красив, рослый, кудрявый, с профилем эллина, а сок — терпким и свежим. Лена достала из сумочки фляжку с виски и протянула Максиму:

— Давайте по чуть-чуть, а потом двинем на набережную, я покажу вам ночной Стамбул без прикрас.

Набережная бухты Золотой Рог была тускло освещена, светлыми пятнами выделялись окна лавок с фруктами и прохладительными напитками. В сутеми слышались крики торговцев, уличных зазывал. Дешевый бросовый товар для бедняков был разложен прямо на асфальте, кое-где горели свечи, выхватывая из темноты груды обуви, белья, одежды, пластиковых пакетов с дешевыми рубашками, а рядом — меховые жакеты и дубленки, пованивающие овчиной. Морем не пахло, все перекрывал запах жареной рыбы, которую готовили тут же на жаровнях, установленных на тележках. В толпе шныряли подозрительного вида типы. У парапета на корточках сидел старик, перед ним на столике высилась горка чего-то серого.

— Чем это он торгует? — спросил Максим.

— Табак, — пояснила Лена. — Здесь можно и травку купить. Полиция избегает посещать эти места. Следите за карманами, обчистят. Хочу рыбы. Одна подходить не решалась. Женщин с непокрытой головой они не жалуют.

Турок, поблескивая зубами, положил на картонную тарелочку жареную рыбу, полил ее соусом и, причмокнув губами, сказал Лене:

— Кушай, вкусно. Твой хозяин после рыбы сильный станет, сильно любить тебя будет.

Елена засмеялась:

— Тешекюр эферим, уважаемый.

Турок заговорщицки подмигнул ей.

— Что вы ему сказали? — спросил Чупраков.

— Поблагодарила.

На мосту Галата было ветрено. Огни дробились в темной воде. Под мостом прошел теплоход, на ярко освещенной палубе отплясывали туристы, визгливо свистели дудки, трещали барабаны. Японцы, англичане, французы, немцы, африканцы танцевали восточный танец. Вечный город был отдан на откуп туристам, и никто не хотел думать о том, что в Южном Ливане идет война, небо дырявят ракеты, а приземистые израильские танки гусеницами утрамбовывают развалины, под которыми еще слышатся крики обреченных.

Лена прижалась к плечу Максима и пожаловалась:

— Меня что-то подташнивает. Может, от рыбы?

— Пойдемте скорее в бар. Только пить уж лучше водку. Дезинфицирует.

Они спустились с моста на набережную, пошли вдоль трамвайных рельсов, в которых отражались огни реклам. В баре было пусто.

— По соточке? — спросил Чупраков, отодвигая меню.

— Обижаете, воин. Бутылку. Мне сегодня нужно выпить. — Лена горько усмехнулась. — Никогда я еще так откровенно не предлагала себя мужчине. Совсем сдурела баба.

— Не боитесь испортить вечер?

— Боюсь, ох, как боюсь.

— А вот теперь вы отбросьте свои комплексы. Нас ведь Бог свел. По-местному — Аллах.

— Не кощунствуйте.

— Не буду. — Чупраков поманил к себе официанта и на беглом английском сделал заказ.

— Ну и ну. А мы, оказывается, и на аглицком ботаем? — Лена покачала головой. — Вы не перестаете меня удивлять.

— Не то еще будет. А феню бросьте, вам не к лицу. Как по-вашему, я бы объяснялся с иностранцами. Моя фирма специализируется по иномаркам.

Официант принес маленькую бутылку водки в ведерке со льдом, жареный миндаль, рюмки.

Лена, не обращая внимания на Максима, выпила подряд две рюмки водки, похрустела миндалем.

В бар ввалилась шумная компания подвыпивших поляков. Один из них полистал меню, выругался, остальные захохотали и, хлопая друг друга по спинам, вышли.

Лена презрительно усмехнулась:

— Эти младонатовцы ведут себя на удивление по-хамски. Чем незначительнее страна, тем больше амбиций. А у поляков их всегда было через край. Что же вы за мной не ухаживаете? Действуйте, воин!

Минут через двадцать Лена заметно опьянела. Алкоголь подействовал на нее странно. Она поблекла, под глазами залегли тени. Курила, прикуривая одну сигарету от другой. После продолжительного молчания сказала неожиданно трезвым голосом:

— Эх, Максим, знали бы вы, как я по мужику соскучилась. Ведь настоящие мужчины совсем перевелись. Вы — реликт, вроде стегозавра. У меня было два мужа. Один — телеведущий, сладкоголосый говорун. По нему все мурманское бабье ташилось. Мечтала, что он меня на областное телевидение протолкнет. Я же Институт культуры закончила, немножко пою, музицирую, да и внешность вроде подходящая. Куда там, не пробьешься. А муженек к тому же бисексуалом оказался, больше по мальчикам ударял. Я его и турнула. Шмотки с балкона выкинула.

Второй был абсолютно правильный и столь же безответственный. Валялся на диване и философствовал на тему, как обустроить Россию, а сам для этого и мизинцем не пошеве-

лил. Считал себя религиозным мыслителем. Показания с электросчетчика снять не мог. В сочетании цифр видел мистическое предзнаменование. Словом, шизанутый. Я редактором в мурманском издательстве работала, домой приду — под глазами круги, а он мне Бердяева вслух читает. Два года промучилась. А тут отца в Москву перевели. Так и простились. У отца за семнадцать лет на Севере серьезные деньги скопились, я на них в самом начале перестройки открыла кооператив, и поехало. Хорошо, вовремя остановилась, успела до гайдаровских реформ деревянные в доллары перелить. А как устаканилось, открыла свое дело. Благо, начальный капитал был. И откуда во мне предпринимательская жилка? Родители — нормальные люди. Тут-то и открылась мне изнанка человеческого бытия. И откуда всплыло столько подонков? Одноклассники, близкие подруги, нежные любовники при случае продадут, сдадут, а то и закажут. Сама поневоле волчарой становишься... Бизнес завораживает, как наркота, целиком берет, — мертво шелестел голос Лены. — Работаешь с утра до ночи, вроде гонки по вертикальной стене, остановишься — рухнешь, костей не соберешь. Какие там десять заповедей! Попробуй, полюби ближнего, так он придушит тебя и еще спляшет на твоём трупце. И все путем. Однажды проснулась с жуткой мыслью: зачем все это? Счет в банке, да еще в офшорах, тряпки от Версаче, жратва на выбор, тусовки, а жизни нет. Все мимо. Не помню, когда в консерватории была. Родить и то некогда. Кому я добро оставлю? А мне тридцать пять, скоро старуха...

«А ведь она чем-то напоминает Ольгу, — с горечью подумал Чупраков. — Внешне — благополучны, хотя и заняты разным делом, упакованы — супер, деньги не считают, а внутри — полный облом. И у обеих на самом доньшке лежит тоска по простому бабьему счастью. А я, — вихрем пронеслось в голове, — сломался, как битая тачка с выработанным моторесурсом. Может, ресурса и вовсе не было? А как же другие пацаны, что в инвалидных колясках в метро побираются? Хлипкое поколение. Вон дядька, помирал — виду не показал, отшучивался. А ведь и войну захватил, и тяжело ранен был».

На его руку легла теплая ладонь Лены:

— Прости меня, дуру, Максим. Потянуло на исповедь. А все ты виноват. Удивительное ощущение, будто я двадцать лет шастала по свету и вдруг встретила школьного товарища, в которого была влюблена в девятом классе. Да и пить мне нельзя. Все, больше не буду. Пошли, погуляем по ночным улицам. Что-то меня сегодня на подвиги тянет.

В отель они вернулись в начале первого ночи. Поднимаясь по лестнице, Лена остановилась на площадке и, коротко взглянув на Максима, насмешливо спросила:

— Ну что, воин, будем изображать целомудрие или...

— Или, — улыбнулся Чупраков. Давно он не чувствовал себя так легко, так свободно, словно все тяжелое, мрачное, что давило его в последние годы, разом отринулось, отошло, и он, словно по волшебству, вернулся в ту, прошлую жизнь, где был счастлив и уверен в себе. И еще — он давно так не желал женщину — простую и вроде бы доступную, но притом загадочную и очень близкую.

В номере Лены пахло французскими духами и царил такой порядок, будто это было не временное жилище бизнесвумен, способной на неожиданные поступки, а монашеская келья в каком-нибудь монастыре, заброшенном в горах.

Елена зябко повела плечами:

— Иди в душ, Максим, я потом. Нужно немного прийти в себя. И не смотри на меня так, а то я расплачусь. Я боюсь, боюсь счастья. Ведь за все придется платить...

— А ты не бойся. И вообще, никогда не бойся, никому не верь и ни у кого ничего не проси.

— Закон зоны? Ты и там побывал?

— Пронесло.

— А верить тебе можно?

— Мне можно.

С этого вечера все и началось. Потом, вспоминая дни, проведенные в Стамбуле, Чупраков не мог выделить какой-то отдельный эпизод — все слилось в одну яркую, сверкающую, наполненную предощущением счастья картину.

...Вот они на белом прогулочном теплоходе, солнечный день, Босфор, зависшие в небе мосты, мимо проплывает громадный нефтеналивной танкер, лодочка рыбака рядом с ним кажется бумажным корабликом. Гид что-то молотит на украинском, туристы в основном из западных районов республики. Дебелые женщины, бритые наголо усатые мужики.

...Они несутся по шоссе в Чанаккале, «Мазда» ловко обгоняет один автомобиль за другим, иногда выскакивая на встречную полосу.

— Ты что, гонщик? — спрашивает Лена.

— Был. Мастер спорта, призы выигрывал. И вообще, я умею водить все, что движется: танк, БТР, катер. Могу подняться в воздух вертолет. Вот посадить сложнее. — Он смеется. Ему весело.

— А еще что ты умеешь?

— Чинить автомобили. Могу двумя пальцами убить человека. И с бизнесом тоже получается.

— Только не о бизнесе. Где будем обедать?

— А вот здесь. — Максим лихо разворачивается и осаждает автомобиль в нескольких сантиметрах от бампера роскошного «Мерседеса».

В ресторане — самообслуживание. Лена деловито расставляет на подносах закуску, не задавая Чупракову вопросов, словно давно знает его вкусы.

— Йогурт возьми, — просит он.

— После салата?

— Самое то.

С поварами она разговаривает на беглом турецком. Те почтительно улыбаются, что-то советуют.

— Ты знаешь турецкий? — удивляется Максим.

— Милый, я бываю в Турции раз в месяц, а то и два. Поневоле освоишь.

...Дворец Топкапы, столетние платаны, фонтан, в котором мыл руки палач после казни, синее небо, треск воробьев, и вдруг этот мир раскалывается от звона литавр и рокота барабанов — во двор входит строй янычар. Впереди воины в кольчуге, железных шлемах, блестят отливающие синью мечи, за ними красочно одетые визири в высоких тюрбанах со спадающими на спину отрезанными рукавами. Строй замыкают музыканты и одетые в желтое юноши. Колонна движется ровными зигзагами, участники процессии через каждые два шага поворачиваются то влево, то вправо, лица неподвижны, у каждого усы, у кого свои, у кого искусно наклеенные, музыка грозная, воинственная. Такой строй столетия назад шествовал во главе войск, отправляющихся в походы.

— Страшно, — говорит Лена. — А тебе бывало страшно?

— В Чечне. Наступил на мину. Ногу уберешь — разнесет в клочья. За несколько секунд вспотел, хоть выжимай. Хорошо, в метре был обрыв — туда и сиганул, осколками лишь спину посекло да каблук на берце срезало.

— На чем?

— Ботинки такие, высокие, со шнуровкой. Потом пацаны меня водкой отпаивали, трясло, как в лихорадке. Умирать-то не хочется.

В отель они возвращаются поздно, за полночь. Портье улыбается, ожидая чаевых.

— А сегодня к кому? — спрашивает Лена. — К тебе или ко мне?

— Сначала к тебе, а потом ко мне.

...Они лежат обнаженные на смятой постели. Холодная струя кондиционера не освежает. За окном начинает светлеть, вот-вот закричит муэдзин, призывая правоверных к молитве.

Лена гладит Максима по груди и говорит сонным голосом:

— Хочешь, я расскажу о своем детстве?

— Расскажи.

— Жила-была девочка... Хорошенькая, с косичками. Папа у нее был командиром атомной подводной лодки, мама учительница. И жили мы в самом замечательном месте на свете — в Гремихе. Скалы, тундра, чистый снег, чистые люди. Я потом таких людей уже нигде не встречала. Ветры в Гремихе дули такой силы, что сбивали с ног. На улицу не сунешься поодиночке. А когда лодка выходила на боевую службу, женщины собирались у кого-нибудь на квартире, немного выпивали и пели. Каждая приходила со своим песенником. Ты можешь себе представить поющих людей на какой-нибудь тусовке?

— Могу. Если по пьяни.

— И чтобы задушевное пели? Брось...

— Пожалуй. Отец у тебя каперанг?

— Контр-адмирал. «Мухи» на погоны он получил, когда в штабе флота служил. Гремихинского воспитания мне надолго хватило. Даже в институте не скурвилась, а уж там такие оторвы были, печать негде ставить. Это в Москве меня ветерком подхватило... Я очень маму с папой люблю.

Голос Елены гаснет, она тыкается носом в плечо Максима и засыпает, а он лежит, боясь пошевелиться, потревожить ее.

Однажды Лена сказала ему, глядя твердо в глаза:

— Теперь я тебя никому не отдам, буду ревновать к каждому столбу и убью первую же сучку, на которую ты положишь глаз.

Чупраков по привычке попытался усмехнуться, но рот, точно судорогой свело, и он подумал: «Мы поладим, мы, как две шестеренки, зубец к зубцу».

В Москву они улетели бизнес-классом и прямо из аэропорта Внуково поехали к Чупракову в Тушино.

МАЛЬЧИК
Рассказ

Памяти отца моего, Николая Ивановича

Мой хороший и давний знакомый, Иван Васильевич Однородушнов, всю свою мирную жизнь (почему именно «мирную»? Да потому что была у него еще и военная, фронтовая) проработал на железной дороге, в депо Голутвин, что в подмосковной Коломне. После окончания железнодорожного училища в Моршанске начинал свой трудовой путь помощником машиниста, потом стал машинистом, со временем перешел в инструкторы, сам стал машинистов учить. Как вышел на пенсию, депо не бросил, переквалифицировался в экипировщики. Кто не знает, это такой железнодорожный специалист, который укомплектовывает (то есть, экипирует) тепловозы всем необходимым для их нормальной работы.

Иван Васильевич — ветеран труда и войны, участник Великой Отечественной. Человек немногословный и весьма стеснительный в отношении всего того, что касалось фронтовых воспоминаний, он и «разговаривался»-то на эту, военную тему, очень неохотно, трудно, как-то исподволь. Вообще, такую «стеснительную» черту мне приходилось наблюдать не только у него — у многих ветеранов войны. Поневоле создавалось такое совершенно абсурдное ощущение, что они считают себя чуть ли не виноватыми в том, что, видишь ли, остались живы, а их ребята-сослуживцы, с кем одной шинелькой накрывались, из одного солдатского котелка хлебали, последним табачком делились, те так и не дожили, так и остались навеки молодыми и веселыми...

Как-то разговорились с Иваном Васильевичем (уж не помню даже, по какому поводу) о телепатии, о мистике, вообще, о таинственном, непонятном, что не поддается никакому логическому объяснению, да и просто здравому смыслу.

— Значит, считаешь, что ничего такого сверхъестественного в жизни нет, — хитро прищурившись, спросил меня тогда Иван Васильевич.

— Да, считаю, — сказал я решительно. (А как же! Материализм — это понятие нам вдалбливали в головы еще со школы). — Все эти «необъяснимые» чудеса — чистейшие выдумка и шарлатанство, рассчитанные на людей дремучих и по-детски доверчивых, принимающих всякую ерунду за чистую монету. Пример: «феноменальные способности» пока-

занного на днях в одноименном телесериале Вольфа Мессинга, который на самом-то деле был никакой не маг, а просто талантливый психолог со способностями гипнотизера. И все эти сказки про его дружбу со Сталиным — не более чем трюк, очередная «завлекаловка-развлекаловка», рассчитанная на простодушного, верящего всякой ерунде обывателя, и опять же очень сладкая приманка для телезрителя в соревновании телевизионных каналов за первое место в рейтинге телевизионных же программ.

— Ну-ну, — почему-то задумавшись, ответил Иван Васильевич. — Про Мессинга не знаю, может, и действительно шарлатан, а вот одну историю тебе расскажу. Даже не одну, несколько, но все они связаны одной общей линией. Ты послушай, а вот тогда и реши, есть она, эта самая сверхъестественность, непостижимость для ума человеческого, в общем, ты понял, что я имею в виду... Лично я на этот вопрос пытаюсь найти ответ, считай, всю свою сознательную жизнь — и не нахожу. Такая вот совершенно непонятная необъяснимость...

Родился я в 1922 году, в деревне Катагоща Михайловского района Рязанской области, тогда еще губернии. Семья у нас была по нынешним меркам не просто большой, а огромной, хотя по тогдашним, по деревенским, — самой что ни на есть обычной: папаня, маманя, папанины родители, дедушка и бабушка, и девять человек нас, ребятишек — четыре брата и пять сестер. Да и у нас в деревне, и окрест, у всех такие семьи были, с кучей мал мала меньше. Больше того: если в семье один ребенок или два, то непременно слухи возникали, пересуды, что, дескать, или мужик слаб, или у бабы нелады по женской линии...

Особо уж богатой наша семья никогда не была, но и мякину с голодухи не жевали. Потому что работали все, не покладая рук, с самого малого возраста, и не из-под палки, а в охотку, по давно заведенному правилу-воспитанию: как потопает, так и полопает. Меня, например, маманя уже с трех лет в поле с собой брала. Нет, делать ничего не заставляла, а всё одно — само присутствие при работе уже должно было настраивать ребенка на нужную, рабочую волну. Такая вот немудреная, но, как сейчас понимаю, самая действенная педагогика. Потому что пример-то — вот он, перед твоими детскими глазами. Сеет и пашет, косит и стогует, молотит и убирает. Вот и ты, постреленок, за папкой и мамкой тянись — не ленись. Вот поневоле и тянешься.

В тридцатом году, весной, у нашей кобылы Пачки родился жеребенок. Обычный вроде бы стригунок, но я в него, уж не

знаю и почему, но сразу же, с первых дней буквально по-настоящему влюбился! Да и как было в красоту такую не влюбиться: ножки тоненькие, точёные, подшёрсток нежно-рыженький, пуховый, глаза голубые-голубые, не глаза — небо! А, главное, прямо посередине лба — белая звездочка. Папана его как увидел, сразу сказал — ай да мальчик! И прямо не в бровь, а в глаз угадал! Так сразу и назвали — Мальчиком.

И стали мы с ним самые большие, самые близкие друзья. Мальчик за мной как собачка: куда я — туда и он. Как на веревочке. И даже когда он подрос, тоже ни на шаг от меня не отставал. А еще под седло никому, кроме меня, не давался. Вот такой характер! Норовистый, свободолюбивый!

Да, хорошо тогда жили. И работали много, но и отдыхать умели. А чего иной раз и не отдохнуть, когда в доме достаток, когда все трудятся, все к делу пристроены. Так бы и жить всю жизнь...

Но не получилось всю-то жизнь. В 30-м году пошли по нашим краям великая смута и волнение под очень нехорошими для трудового крестьянства названиями «раскулачивание» и «коллективизация». Среди самых наших местных, самых активных активистов был у нас в деревне некий Прошка, как он велел себя величать — Прохор Кузьмич (фамилию называть не буду. Может, дети его живы, или внуки. Может, нормальные люди, не то, что их дед-шалопут). Так вот этот самый Прошка был и шпана шпаной, и лодырь первостатейный. Как раньше говорили, ни пахать, ни сеять, только на гармошке играть.

И как эти самые раскулачивание-коллективизация начались, Прошка, он хитрый был, сразу сообразил, как надо правильно нос по ветру держать. Смекалистый, чего и говорить, зря, что ли, отец его покойный о его задницу столько вожжей размочалил... Да с этой коллективизацией для него, голодранца, можно сказать, прямо сами собой создались самые сказочные условия! У них ведь вся семья была беднота на бедноте и беднотой погоняла. Да и откуда чему взяться, если не работали?

Что отец его, Кузька-Кузьма, что сам Прошка, они в жизни ничего тяжелее стакана и не поднимали! И чтобы лопату в руки взять или встать за плуг — не, это не про них, совершенно! Но зато завидующие были — страсть! И от зависти этой — мстительные и памятливые! Попробуй тронь его — или скотину ночью со двора уведет, или того хуже, «красного петуха» в избу запустит. Нет, не вру, не наговариваю! Бывали случаи, и подозрения были — а поймать никак не могли. Чего-чего, а умели, стервецы, концы в воду прятать!

Вот и Прошка. Сразу положил глаз на нашего Мальчика. Он и раньше, сызмальства, с цыганами знался, у них в таборе неделями пропадал. А цыгане, известно, те еще конокрады. Вот и научился их конокрадской науке, и однажды ночью попытался Мальчика со двора свести. Уже и узду набросил, и на морду холстину, чтобы голос не подал. Специалист, чего и говорить! Да только Мальчик не так прост оказался! Биться начал, шуметь, кидаться по сторонам. Папаня с Мишкой и Лёнькой, старшими моими братьями, этот подозрительный шум и слышали. Выскочили во двор, прихватили Прошку. Деревенский закон был суров: конокраду — смерть! Но пожалели дурака: всё ж таки живая душа... Нет, наклали-то ему от души, в шесть кулаков, до беспамятства. Но только до конца грех на душу брать не стали: выживет так выживет, а очокурится — туда ему, ворюге, и дорога...

Но только выжил Прошка, выжил! Такие всегда выживают. Они от кулаков, наоборот, еще крепче становятся. Отлежался с недельку, кровью похаркал, потом начал потихоньку на улицу выползать. А уже через пару недель опять гармозу в руки — и таким фертом беззаботным опять вдоль по деревне. И никакого стыда, никакого раскаяния! Да ему и понятий-то таких никогда ведомо не было. Одно слово — гнилой человек. Да и человек ли? Так, человеческий мусор, одно недоразумение... Но злобу на семью нашу, понятно, застал. Большую злобу! Вечную! Только дай момент!

А тут этот самый момент и представился: комитет бедноты организовался, который наметил под руководством городских большевистских товарищей по избам идти, трясти кулаков-мироедов, злостных и непримиримых врагов новой, подлинно народной власти. Наша семья, понятно, оказалась одной из первых в этом списке.

Ну и что делать? У них — власть, у них — сила. Против них не попрешь, а попрешь — устанешь кровяной умываться. Их время, мутное, сволочное, так что клоните голову, мироеды-эксплуататоры. Ведь и слова-то какие придумали! Мироеды! А эти мироеды, бывало, прямо в поле от усталости падали, их ноги до дому донести не могли. Так что гуляй, рванина, от рубля и выше! Твой теперь, Прошка, праздник!

И вот ночью, как раз перед тем днем как нас «трясти» были должны, снится мне сон. Как будто сижу я на нашем лугу, внизу — речка, Кухлянка, на небе солнышко светит, а вокруг меня Мальчик наш кругами ходит-бегаёт. Голову набок склонит и смотрит на меня так внимательно-внимательно. Дескать, не кручинься, Ванюшка, держи голову веселей! Всё нормально будет, я тебе обещаю, что закончится всё хоро-

шо... И у меня на душе от этого его взгляда вдруг сразу такое спокойствие появилось, такие тишина да благодать разлились! В общем, хорошо всё.

А наутро, как и ждали, пришли к нам комбедовцы. Лица у всех суровые, государственно озабоченные. Сначала объявили, что к чему, и какие мы все есть непримиримые враги Советской власти. Потом по комнатам прошлись, потом по чуланам, по сараям. А старшим у них незнакомый мужик был, из города, высокий, в кожаной фуражке. Отца спрашивает: зерно сдал? Сдал, отец отвечает. Всё, что положено? Что положено. Не верите — проверяйте. Этот кожаный губы поджал, на нас, ребятишек, взглянул сурово. А мы сидим кучей, друг к другу, как цыплята, прижались, нахохлились. Смотрим на него исподлобья и молчим. Страшно! Он по дому прошелся, еще раз на нас посмотрел. И вдруг рукой махнул своим: всё. Осмотр закончен! Ничего и никого не трогать! Претензий у Советской власти к этой семье нет! Пусть живут, как и жили. Пошли к следующим!

Ну, тут Прошка, конечно, набычился-надулся, мордой своей бандитской затряс, рот раскрыл. Да это же, кричит, самые первые мироеды! Их первых в Сибирь надо! Стгноить! Расстрелять! Никак оставлять их нельзя! Но только кожаный глаза нехорошо так сузил, наклонился и что-то быстро ему сказал. Прошка тут же и заткнулся, язык свой поганый сразу проглотил. Не вышло по его. А самое-то удивительное, что никого из остальных деревенских «мироедов» они не пощадили! Я сначала подумал, что и мы спаслись благодаря лишь папане и Мишке. Папаня-то наш, он и в германскую воевал, и один год против Деникина в гражданскую. А как осколки из него от гранаты немецкой, еще с германской войны в теле застрявшие, там, на деникинском фронте полезли, то его и комиссовали как невоеннообязанного. Вот он из госпиталя в деревню и вернулся. А Мишка, тот целых три года в гражданскую воевал. Батьку Махно гонял в Первой Конной, и барона Врангеля по Крыму. Но ведь и у Зениных, и у Мишуковых, и у Голиковых тоже и отцы, и сыновья в гражданскую воевали, а Витька Евлогов даже с орденом пришел. Да только не помог он, орден-то, Евлоговых всех в одночасье в Сибирь спровадили. А кого оставили, тех вычистили дочиستا, так что и Мишуковы, и Микулихины, и Зенины, и Одинаковы сами стали беднее Прошки.

Я, честно сказать, тогда про тот сон свой, который накануне перед приходом комбедовцев приснился, и забыл совсем, и на много лет. Другие дела навалились — да и чего было вспоминать? Сон, он и есть сон. Подумаешь!

Прошли годы. Я учился, работал в колхозе, помогал отцу и братьям. Мальчика пришлось сдать в колхозную конюшню, но под узду он всё равно никому, кроме меня, не давался. Так что волей-неволей, а мы вместе оставались, как Прошка на нас зуб ни точил. Кстати, Прошка председателем стал, но долго не задержался, тот же «кожаный», который ходил с ним по нашим избам раскулачивать, и попёр его из сытного председательского кресла и не по каким-то идейным соображениям, а за элементарное воровство. В конце концов, Прошка спился и ходил по деревне постоянно злой, постоянно что-то себе под нос бормотавший и окончательно опустившийся.

Началась война. Встретил я ее уже в рядах РККА, Рабоче-крестьянской Красной армии, в военных лагерях под Нижним Новгородом. В начале июня нашу стрелковую часть срочно перебросили под Смоленск, в самое пекло тамошнего сражения. И не повезло нам: после недели боев оказались в окружении, да в таком гибельном, что всего за сутки от нашего взвода хорошо если половина осталась. Но вторая половина всё ж таки вырвалась. Пошли мы на восток, к нашим, через леса и болота, да только опять как будто чёрт над нами кружил, опять неудачно: на танки немецкие напоролись. Ах, ох, стрельба, мы мечемся, немцы ржут, за нами на мотоциклетах гоняются, в нас стреляют, мы, кто еще может, отстреливаемся... Короче, из той половины еще половину положили, да танками для гарантии поутюжили. Они, немцы, господа аккуратные, любили всё основательно делать, с гарантией... Вот, значит, достреляли-подавили, но всё ж таки не всех: наш старшина Просюков, светлая ему память, оставшихся собрал и в болото увёл. Тоже не лучший вариант, но хоть так, хоть всё равно не плен... И до сих пор не пойму: чего им, немцам, от нас, оставшихся, надо было? Ведь мы уже и без боеприпасов, и из оружия, может, всего штук пять винтовок осталось, то есть сопротивления-то никакого оказать не могли, если только зубами их, гадов, грызть — а они тут же по периметру болотному оцепление выставили, машины подогнали с репродукторами. «Рус зольдат, сдавай! Гарантируем жизнь!». Некоторые, правда, не сразу, но всё ж купились, дрогнули и с поднятыми руками начали на дорогу выходить. Немцы тут глупость совершили, поторопились. Сразу вышедших положили из автоматов, можно сказать, у нас на глазах, даже отвести подальше не догадались. Вот тебе и «гарантируем жизнь». Получили ребята стопроцентные гарантии... Конечно, мы, кто еще в болоте оставался, призадумались: чего толку, если там на сто процентов хана, а здесь хоть

один процент, но все-таки имеется. И процент этот называется чудо. В него, в чудо-то, когда ситуация безвыходная, ох как верить начинаешь! Да во что и в кого угодно поверишь, когда небо-то с овчинку казаться начинает.

А немцы поняли, что промашку дали, что поспешили, и от этого сильно озлобились (а то всё веселились, носились за нами как охотники за зайцами) и минометы подогнали. И опять: «Рус сольдат, сдавайс! Хлеб и жизнь гарантируем! В противный случай — минометный обстрел!» Но только протянули они малость с минометами, смеркаться стало. Ночью-то, когда ни шиша не видно, чего толку мину кидать.

И вот в эту, самую, наверно, мою первую тоскливую ночь приткнулся я к какой-то болотной кочке, глаза закрыл... Всё, думаю, утром конец, отвоевался. А за целый-то день от немецких мотоциклетов да танков, по лесу да по болоту до того набегался-уморился, что меня на той кочке и сморило. И снится мне, представляешь, тот сон, десятилетней давности! Луг, речка, солнце и Мальчик. И всё так же смотрит на меня, и голос у меня в ушах: не бойся. Всё обойдется. Всё будет хорошо. Я с тобой...

Ночью, сквозь дрёму вдруг слышу громкие голоса. Там, на дороге, у немцев, моторы урчат-фырчат, гул от машин, крики, команды «шнель, шнель!»... И уже под утро всё стихло. Ни громкоговорителей, ни оцепления, никаких «шнель». Никого и ничего. Пусто. Непонятно.

Мы сначала-то поосторожничали: вдруг фрицы опять пакость какую придумали? Они на это, чего говорить, мастаки большие были! С час сидим в своем, ставшем уже родном болоте, два, три. И слушаем, слушаем, аж уши от напряжения закладывать начало. Нет, тишина и тишина! Начали с оглядкой выбираться. Смотрим: и на самом деле немцев нету! Ни одного! Вот оно, чудо-то! Уже много позже узнали: в это время, километрах в десяти от болота, наши танки пошли в контрнаступление. Прорвали фронт в глубину до трех километров, начали крушить их оборону, и немец вынужден был срочно перебрасывать к месту прорыва дополнительные части. Одной из них была и та, которая нас в болоте караулила. Так что, выходит, те танкисты нас спасли от верной смерти...

В двадцатых числах августа 42-го наша 96-я стрелковая дивизия оказалась в Сталинграде. Именно 23 августа немцы с плацдарма на левом берегу Дона, ударили в стык наших армий и вышли к Волге. Какая там тогда случилась мясорубка! Да, Сталинград... Это были не дни и ночи, а какой-то сплошной полный беспросвет. Где передовая, где мы, где немцы — всё вокруг стреляет, горит, взрывается, кто-то кричит,

кто-то уже своё открычал, носом в землю уткнулся... Меня как-то у внучки в школе, на собрании к очередной годовщине Победы, спросили: про бои понятно, а как там, в Сталинграде, с бытом солдатским было, с кормёжкой? Наверное, голодали? Да какое там, говорю, голодали! И еды, и курева, и водки навалом! Помню, шум поднялся среди учеников, а больше среди учителей. Как это, дескать, так? Такая битва — а по вашим, Иван Васильевич, словам получается, что там были чуть ли не курортные условия! Что-то вы совсем не то говорите! Опять же дети слушают. Это, в конце концов, просто непедагогично!

Да вот вам истинный крест, отвечаю. Всего было полно. По крайней мере, у нас в роте. А почему — поясню, ничего удивительного в этом нет. Вот, допустим, у нас утром в составе отделения — пятьдесят бойцов. Старшина и выписывает паёк на пятьдесят, правильно? А к вечеру от этих пятидесяти хорошо, если человек двадцать в живых останется. Не возвращать же остальные тридцать пайков обратно на продпункт! Да туда пока и доберешься, тебя самого тысячу раз или снайпер снимет, или миной немцы пришибут! Так что гуляй, братва, ешь от пуза, кури и выпивай! Однова живем!

Наше отделение держало оборону у Дворца пионеров (это километрах в трех от Волги). Там, повторяю, и передовой-то, как таковой, не было. Помню, где-то в середине декабря у нас за спиной вдруг стрельба началась. Да и не просто стрельба, а самый настоящий бой. Что такое? Почему у нас в тылу? Оказалось, немцы каким-то непонятным образом проникли через наши боевые порядки, то ли заранее разведали, то ли просто заблудились, и неожиданно напали на штаб дивизии. Штабным, они хоть и военные, а всё ж такого, как у нас, непосредственного боевого опыта не имели, пришлось брать в руки автоматы и гранаты и отбиваться. А тут и мы подоспели, взяли немцев, ни один не уцелел...

Да, народу выкашивало каждый день изрядно, и от этого постоянного ощущения смерти чувство самосохранения как-то притуплялось. И если уж совсем не переставали ее, смертушки-то, бояться, то относились к ней вполне спокойно, можно сказать — философски. Дескать, ну что, пришла? За мной? Моя очередь? Ну что ж, значит, пора.

И вот в одну из ночей он пришел ко мне, тот старый сон, в котором и луг наш, и речка, солнце и Мальчик. А надо сказать, что весь этот день у меня было самое паскудное настроение: отбивали механический цех, раз пять или шесть ходили в атаки, народу полегло человек тридцать, в том числе и наш командир, старший лейтенант Виктор Лузгин, мой по-

чти что рязанский земляк (я-то — михайловский, а он — из соседнего района, из Скопина) и почти ровесник, он был всего на два года старше. Хороший парень, веселый, жизнерадостный. С такими ребятами воевать можно было! И вот погиб. Был от меня метра в десяти справа, немцы начали минометный обстрел, вот и попал под мину. Осколками посекло и грудь, и живот, умирал страшно, весь, от горла до пупка, развороченный, но хорошо хоть, что недолго мучился. А ведь он, Виктор, чувствовал, что погибнет. И, кстати, там, в Сталинграде, мне это чувство не у одного него довелось увидеть. Тот же Виктор за несколько дней до гибели сказал мне прямо, как говорится, открытым текстом: после войны съезди к моим, там ведь от вас недалеко до Скопина-то. Расскажи всё, как есть, ничего не приукрашивай. Пусть знают.

Я сначала-то и не понял его. Чего, говорю, рассказывать? О чем? Ты себя уже хоронишь, что ли? Не рано? Это еще на воде вилами написано, кому к чьей родне ехать придется: мне к твоим, или тебе к моим. Все под Богом ходим, а здесь — в особенности. Вот уж от кого, а от тебя, Витя, не ожидал я такого малодушия! До сих пор каюсь, что сказал. Дурак был, или, может, сторяча. А он в ответ так посмотрел... Нет, такой взгляд на словах не передашь. И в мирное время его вряд ли увидишь, и никакой, будь ты хоть трижды талантливый, артист такой взгляд не изобразит, не сыграет. Так смотрят люди, которые уже точно знают: в самое ближайшее время его не будет. Точка. Всё. И поэтому не паникуют, в истерике по полу не катаются. Чего кататься-то, чего паниковать, если деваться некуда, если — всё? Глядят печально и спокойно, как-то вроде бы даже сквозь тебя. Поначалу-то, когда взгляд такой встретишь, то не понимаешь ничего, воспринимаешь спокойно. А уже потом, когда это случается (а оно обязательно случается, тут осечек не бывает), то понимаешь — а взгляд-то жуткий был. Нечеловеческий. Так через этого самого обреченного человека смерть на тебя глядит.

А на следующий день, наутро после этого сна и Витиной гибели я и сам под минометы попал. И всю шинельку, да что шинельку — всю гимнастерку и все штаны с кальсонами, на мне в мелкую сечку осколками посекло! А на теле даже не то что пореза — ни одной царапины! Такого просто не бывает! Фокус хлеще любого циркового! Наши мужики уж на что в этом самом Сталинграде ко всему привыкли, да и то только ахали да головами качали, как меня в этих лохмушках увидели. А замполит ротный — он специально пришел на меня поглядеть — так и сказал: это кто-то за тебя крепко молится. Так и сказал: молится, хотя сам в Бога не верил. Жёсткий

человек был, а вишь ты, даже и его пробило... А я всё же думаю, что там, в окопах сталинградских, многие в Бога поверили.

И еще был случай, третий за войну. Произошел он уже в Польше, в начале 45-го, недалеко от Вислы. Приснился мне Мальчик перед тем, как нам выпало городок один братъ, название точно не помню — Бродница, Бродницы... Что-то похожее на наши подмосковные Бронницы. Приятный такой с виду городок. И здания там сохранились, и церковка совсем непорученная, не то что в наших русских городах и сёлах. Еще помню, снежок шёл. Мелкий такой, пушистый. И тишина совсем не военная, по первости даже уши заложило, от непривычки-то... И вот в этом абсолютно мирном раю попали мы в засаду, и не в какую-то простую армейскую, а в эсэсовскую. Они ведь, эсэсовцы, те еще звери были! Вот с ними-то мы и схлестнулись. Они, гады, сразу же наших человек пять положили, еще на ближних подходах к тем домам. Тактика известная — думали на «хапок» взять, внезапностью ошеломить, натиском, а уж потом рассеять и спокойно перестрелять. Только не учли, что и мы к тому времени уже опытными бойцами были, на все их приёмчики нагляделись и напробовались. Да к тому же Сталинград прошли, а это школа городского боя, что можно каждому выжившему сталинградцу без всякого сомнения звание академика уличных боев давать, не ошибешься.

Вот и мы сразу залегли, и, не мешкая, стали их с флангов обходить-окружать, широким охватом. Наша группа — пять человек, за старшего — Иван Поддубняк, старший сержант, разведчик. Здоровенный мужик, кубанский казак, родом из Ейска.

Схватились насмерть, всё больше на ножах, для автоматов дворик тот был больно тесен. У меня на глазах Поддубняк здорового такого завалил ефрейтора. Одним ударом, прямо под левую лопатку, чуть вверх и влево, в направлении плеча. Так нас в штурмовом батальоне учили еще там, в Сталинграде. Я тоже с одним супостатом схватился. Хоть тощий, чёрт, попался, и в очках, а жилистый! Вцепился в глотку как клещ, не оторвешь. Только когда Серёга Максюта его прикладом по башке угостил, пальцы разжал, успокоился. А следом и Серёге эсэсовец голову проломил... Я из-под трупа то очкастого выбрался, еще до конца и распрямиться толком не успел, только глаза поднял, вижу — стоит от меня метрах в четырех, не дальше, эсэсовец, высокий такой, с мордой разбитой. Щерится зубами выбитыми и автомат на меня направляет. И понимаю я, что — всё. Отвоевался. И здесь, сейчас,

даже того одного процента, который у меня в том болоте был, нету. Потому что с такого расстояния, метра три, не больше, даже слепой не промахнется. Заорал я тогда, помню, матом, кинулся на него, но куда там... Не допрыгнешь, слишком уж большое для прыжка расстояние. И последнее что увидел, это как автомат в его руках дёрнулся. В упор стрелял. То есть, просто расстреливал...

Очнулся уже в госпитале, в городе Радом, через трое суток. А в сознание не приходил потому, что крови потерял изрядно. И мне наш хирург, как сейчас помню — Филипп Филиппович — представляете! — точь-в-точь те слова повторил, которые я в январе сорок третьего в Сталинграде от замполита нашего услышал. Что кто-то за меня очень крепко молится. Он спросил еще: есть кому молиться-то? А как же, говорю. Мамадя дома, бабушка с дедушкой, сестренки. И вроде бы смехом, а вроде и серьезно, спрашиваю: вот не знаю, а животные умеют молиться? Думал, смеяться будет. Ошибался я, не засмеялся. Наоборот, внимательно так посмотрел: дескать, с чего это такой оригинальный вопрос? Ну, я ему всё и рассказал. И про коллективизацию, и про болото смоленское, и про лохмутки свои сталинградские. Он спокойно так выслушал и на полном серьёзе отвечает: есть, говорит, такое индийское учение. О переселении душ. Заключается в том, что человек, когда умирает, то не исчезает бесследно, а перерождается или в камень, или в растение какое, или в животное, или в другого человека. В школе-то вас с этим, понятно, не знакомили, поскольку мы, материалисты, вообще никакой религии не признаем, хотя это очень большой и спорный вопрос... Так вот, может, и твой жеребенок тоже в прошлой своей жизни человеком был, может, прадедом твоим или в таком подобном роде кем. Вот и оберегает. Поэтому и опять выпал тебе козырной туз. Шесть пулевых ранений, в упор — и ни одна из пуль жизненно важные органы не задела! О тебе, боец, в журнале надо бы писать, как о редчайшем случае в практике военно-полевой медицины, да вот только писать-то я не мастер, да и некогда сейчас, работы полно. Ты как подлечишься, обязательно какому-нибудь журналисту всё это расскажи. Всё-всё, и в подробностях. Пусть напишет, благо доказательства у тебя самые что ни на есть наглядные. Вот они, отметины-то от входных, и по животу, и по груди рассыпаны.

И знаете, а я ведь тогда и не удивился, что выжил! Нет, вру, конечно, удивился. Но не так уж чтобы очень, чтобы прямо от такого невероятного воскресенья плясать по палате. Потому что перед этими самыми польскими Бронницами знал,

что попаду в серьезную переделку, и один чёрт живым из нее выйду. А почему — теперь уже и сам можешь догадаться. Да-да, накануне ночью и луг был, и речка и солнце, и Мальчик мне на ухо шепнул, что утром мне очень кисло придется, но чтобы опять ничего не боялся. Что и на этот раз всё обойдется.

А я ведь в каждом письме домой спрашивал про него, про Мальчика. И маманя всегда отвечала, что всё нормально, бегают, ждет меня. И, знаете, на душе от этих слов так хорошо становилось. А когда после Победы, которую встретил на немецком острове Рюген, это уже в Балтийском море, домой, в деревню вернулся, это уже летом было, 45-го, то тут-то и узнал, что взяли моего Мальчика в армию еще осенью 41-го, во время тех самых страшных боев за Москву. По слухам, попал он в конницу генерала Белова, которая как раз в то самое время по немецким тылам в глубокие рейды ходила, да бреши в фронте, между Зарайском, Серебряными Прудами и еще, к югу, закрывала. Так он, Мальчик, и пропал. А маманя нарочно писала, что всё, дескать, нормально, не волнуйся. Расстраивать меня не хотела.

— Да, Иван Васильевич, интересный рассказ, — сказал я. — Интересный и, как бы это сказать... Не мистический, нет! Многозначительный. Заставляющий задуматься. И, как понимаю, больше жеребенок вам не снился?

Мой собеседник в ответ загадочно так усмехнулся, спрятав улыбку в усы.

— Не снился, — ответил, — это вы правы. Не снился. Сам пришел.

— Кто? — не понял я.

— Мальчик.

— Он же погиб! Или не погиб, но всё одно — пропал. Сами же сказали...

— Сказал, не отрицаю... Не торопись, наберись терпения. Так вот... Случилось это аккурат перед тридцатилетием Победы, в мае 75-го. Я уже много лет на железной дороге работал, машинистом, водил тепловоз по ветке между Голутвином, это наша коломенская станция, и соседними Озёрами. Дистанция недлинная, под сорок километров, дорога спокойная, однопутка, никаких крупных разъездов, одни сельские полустанки. В общем, тишь, гладь, божья благодать и никаких неожиданностей и прочих нервотрёпок.

И вот качу я, значит, вечерним рейсом пассажирские вагоны, которые, в это время всегда битком набиты: пять часов, народ с коломенских заводов-фабрик домой возвращается. И вдруг между Карасёвым и Кудрявцевым (так станции называются, по ближайшим деревням), метрах в трех-

стах перед электровозом выскакивает на полотно жеребенок. Ножки тонкие, рыженький, а во лбу — это я, когда уже при-близились, рассмотрел — белая звездочка! Он, Мальчик! Копия! Откуда он взялся?! Так не бывает! И, знаешь, тут же что-то тяжелое мне на сердце накатило. Тревога какая-то. Смотрю на него, и слезы на глаза наворачиваются. Шурюсь из всех сил, отворачиваюсь, чтобы Валька, помощник мой, не увидел. А Мальчик стоит, ножками перебирает и смотрит на нас так грустно и доверчиво. Голову чуть наклонит, ножками посучит — и опять смотрит, смотрит...

Ну, мы, понятно, сигналить: не мешай, уходи с дороги! А он стоит. Не убегает. Ну что тут поделаешь! Не давить же! Включаю экстренное торможение. Валентин на насыпь соскочил, чтобы его с пути согнать, а он, Мальчик-то, еще раз на тепловоз посмотрел, а потом — не поверите! — прямо на меня взглянул, дескать, здравствуй, Ваняшка, да, это я. Нет, не погиб там, в рейдах у Белова. Выжил, хотя тоже горя хлебнул. Ты больше не ищи меня, Ваняшка, я теперь сам по себе. А сейчас просто захотелось мне тебя увидеть — вот и свиделись. И покакуратней будь, повнимательней. И тоже, как там, на войне, ничего не бойся. Всё обойдется, всё хорошо будет. Ты помни обо мне, Ваняш, помни. Ты же знаешь: я не подведу... Потом вздохнул грустно так и в лес убежал. И всё. С концами.

Следом Валька вернулся. Матерится! Откуда его, орёт, черти выкопали. Не иначе от монашек сбежал, здесь ведь, рядом, у них то ли скит какой, то ли церковь. Поймать бы этого жеребенка да потом с них, богомолоч, денег слупить, чтобы ушами не хлопали, за скотиной своей доглядывали как следует. Ладно, говорит, поехали, и так из графика на пятнадцать минут выбились из-за этого оборота.

А у меня сердце всё никак на место не встанет, и тяжесть эта тревожная никак не отпускает. Нет, думаю, что-то здесь не то. Что-то такое состояние, как на фронте. Не торопись, отвечаю. Давай-ка, вдоль полотна пройдемся. Валька на меня уставился, ничего не понимает. Зачем, спрашивает, чего мы там не видели? Да я, говорю, и сам не знаю. Просто хочу. Он на меня опять смотрит так непонимающе и пальцем у виска вертеть начинает: ты чего, Васильич? Чего придумываешь? Нечего блажить, вон и светофор путевой зеленый свет показывает! Опять же за срыв графика нам с тобой клизма сто-процентная будет обеспечена. Да и ладно клизма, это не при-выкать, мало ли их нам вставляли. Одной больше — одной меньше... Главное — премия накроется, вот в чем вся грусть! Так что не чуди, Васильич, нормально всё! Можно ехать, время догонять!

И все-таки пройдемся, говорю я ему. Лишних пять минут ничего не решат. Тем более что из графика мы всё равно уже выскочили и теперь уже наверняка не догоним. Валька в ответ засопел сердито. Дескать, чудишь, старшой, старость не радость. Но деваться некуда, подчиняюсь, раз ты начальник — ты и в ответе. Готовься к капитальному промыванию кишок от любимого начальства.

Прошли мы туда, где жеребенок стоял — и опаньки! В левом рельсе — трещина! Сантиметров пятнадцать, не меньше! Лопнула, зараза! И когда? Ведь всего час назад из Озёр ехали — и нормально всё, даже не трягнуло! А тут — на тебе, вылезла, лопнула. И какая! Коррозия металла, скрытый заводской брак! Такое хоть очень редко, но бывает, вот мы и сподобились! Да, вот тебе и светофор! Зеленый свет прямиком на небеса! И если бы не Мальчик (а у меня уже и сомнений не осталось, что это он на рельсы выскочил. А кто же еще-то? Только он! И звезда во лбу!) — всё! Была бы всем нам — и мне с Валькой, и пассажирам — полная труба! Тем более что вагоны тяжелые, народу, повторяю, битком. Такая бы давилнья случилась — не приведи Господь!

Валька, помню, на меня глазищи свои выкатил, воздух ртом хватает, ничего толком сказать не может, только одно: ну, Васильич! ну, Васильич! Отец родной! Как же это ты угадал-то! Это ж мы, считай, только что второй раз на свет божий родились! Ай да жеребенок! Спаситель! А я, дурак, его ловить собрался, калым с монашек хотел срубить!

Тут же, конечно, сообщили с тепловоза на узловую: так, мол, и так. Оттуда, с Голутвина, тут же прилетает на дрезине начальник дистанции, главный инженер, полная грузовая платформа рабочих-путейцев. Да и ничего удивительного — такое чэпэ! Увидели — и тоже как Валька: ахи-охи, руки жмут, в глаза смотрят — как же это вы, мужики, догадались-то? А я Вальке сказал перед этим: про жеребенка не говори, ни к чему, на смех поднимут. Ну, мы на все расспросы и наврали чего-то. Что, дескать, какой-то подозрительный перестук снизу, со стороны рельсов услышали... Начальник дистанции, Аркадий Александрович, железнодорожник опытный, сам машинистом сколько лет отъездил, не поверил: какой еще перестук? Это что-то новое в диагностике путевых дефектов! Чудишь, Иван Васильевич! Выкладывай начистоту! А чего выкладывать-то, отвечаю. Так и было — перестук впереди, по ходу движения! Хочешь верь, хочешь — нет, а трещина-то вот она, в наличии. Не сами же мы ее расковыряли. Так что медали нам с Валентином, Аркадий Александрович, полагаются. А лучше денежные премии.

А утром, как смену сдали, пошли мы с моим помощником, даже по домам не заходя, в церковь. И свечку самую дорогую поставили. Священник спрашивает: за кого? За Мальчика, отвечает. За жеребенка. Святой отец сначала рассердился, дескать, идите вон на улицу, там и богохульничайте! А когда я ему рассказал всё — и про вчерашний случай, и про раскулачивание, и про фронт, то гнев свой на милость сменил, сам удивился и только головой качал. Да, сказал, это вам, мужики, настоящее святое видение было! Ладно, ставьте свечу. Благословляю.

А после церкви, чего уж сейчас скрывать, нарезались мы с Валентином, как говорится, досыта! Как домой пришел — не помню. Жена даже и не ругалась, только ахала. Она меня такого никогда в жизни не видела... Я ведь там, на бережочке москворецком, где мы с Валькой после церкви расстелились, и ему про Мальчика рассказал. Всё-всё, с самого начала и со всеми подробностями. Он, хотя и матершинник был, каких свет не видывал, и хулиган, каких поискать, а и то даже слезу пустил, вот до чего расчувствовался. Это, говорит, Василий, тебе надо писателю какому-нибудь рассказать. Это же прямо самая настоящая книжка получается! Кинофильм можно снять! Я бы, говорит, ни за что не поверил, если бы ты мне всё это раньше рассказал, а сейчас, когда своими глазами рельсу ту увидел и жеребенка, верю! Выходит, есть он все-таки, Бог-то, есть! Хранит нас, грешных!

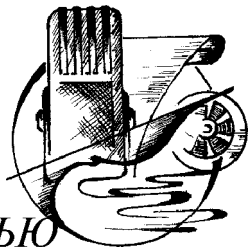
*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

Константин КУРБАКОВ,
доктор технических наук, профессор
Татьяна ФЕДЯЕВА

РЕФОРМА ЖКХ И ЧИНОВНИЧЬЕ МОШЕННИЧЕСТВО

Татьяна Федяева. Константин Иванович, вы заслуженный работник образования Российской Федерации, академик трёх академий, но самое главное — сопредседатель Ассоциации территориальных общин и жилищных объединений Москвы, ветеран Великой Отечественной войны, орденосец. Но говорить мы будем о другом фронте — жилищном. Сейчас активно муссируется тема расширения налогооблагаемой базы. Что это значит? Что налогов станет больше, или они станут более весомыми? В частности, с 2013 года предполагается ввести налог на недвижимость. Что вы по этому поводу думаете?

Константин Курбаков. Любая власть, любое государство нуждаются в налогах. Налоги бывают целесообразные, а бывают ненужные, надуманные. Это нам нужно понимать. И чем ближе власть к народу, тем меньше этих непродуманных налогов. Но что самое главное: расширять налоговую базу каждая власть обязана. Но должны они создаваться с точки зрения благоразумия. Нельзя с овцы сдирать несколько шкур одновременно.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Т.Ф. Хотя так хочется!..

К.К. Безусловно. Так вот, наши чиновники порой придумывают такие вещи, которые просто несуразны. Пример — налог на недвижимость. Что такое недвижимость? Это то, что не движется, что не на колёсах: холодильник, квартира, дом, замок. А недвижимость, соответственно, имеет стоимость. И когда я, человек, покупаю эту недвижимость, то вместе с продавцом окончательно провожу все расчеты. Никаких долгов перед продавцом у меня нет и быть не может.

Т.Ф. Кстати, продавец по закону обязан заплатить налог со сделки.

К.К. Эта проблема известна. Но хочу сказать: если это так, и если возникает необходимость брать налог, то в 1998 году у городских властей возникла необходимость где-нибудь ещё что-то содрать. И вот тогда уже в Госдуму и в Гордуму поступил предварительный документ с целью ввести налог на недвижимость. Его, надо отдать должное коммунистам, отфутболили. В 2003 году опять появилось документ, который там обсуждался. Опять его отбили. И вот сейчас снова всплывает. Что интересно, документ уже имеет некую технологическую основу. Во-первых, он будет у нас якобы не ущемительный. Он будет, как говорят, в основном для богатых. Это лицемерие. Это попытка усыпить внимание жителей.

Обратите внимание, все неприятные, с точки зрения населения, законы обсуждаются сейчас, а вводиться будут после президентских выборов. Т.е. с 2013 или со второй половины 2012 года. Когда факт свершится, тогда, извините, мышка — в ловушке. Так вот, до 2012 года со стороны власти сплошной елей. Пенсию прибавили на 5%, ещё кусочек где-то добавят. Это всё игры, театральные представления. Вы сделайте минимальную зарплату не ниже прожиточного минимума! Это же элементарная вещь. Но у нас прожиточный минимум выше, чем минимальная зарплата.

Вдруг объявляется, что будет налог на недвижимость. Эта недвижимость будет оцениваться по рыночной стоимости, а не по данным БТИ. Это значит — колоссальные цены. Каждый будет платить в год от 0,5% до 5%. Так написано в документе. Правда, говорится, что некоторые категории могут быть освобождены. Могут быть — это не значит, что их освободят. Но даже возьмём минимальную цену — 0,1%. Допустим, квартира в ЦАО г. Москвы 50—60 кв. м — стоит 500 тысяч долларов или 15 миллионов рублей. В год человек обязан будет платить 15 тысяч рублей помимо коммунальных расходов. Но кто сказал, что останутся на 0,1%? Чиновни-

ки почешут-почешут затылки и скажут: этого мало, нам неудобно. И врежут больший процент. Сумма может быть какая угодно.

Т.Ф. Константин Иванович, вы сказали о том, что некоторые категории могут быть освобождены от налогов, и можно даже догадаться, какие. Это именно категории, которые сейчас имеют возможность прицепить себе на грудь ордена, имеют возможность стать депутатами. И сами себя богатые люди могут освободить от налогов. Так это или нет?

К.К. Это известная истина. Это называется «чиновничье мошенничество». Оно сплошь и рядом. Но для народа говорят о мало социально обеспеченных. Хочу сказать: всё это неправомерные выдумки! Если я купил собственность — я расплатился. Если появляется налог на эту недвижимость, то я что? В плену? В оккупации?

Т.Ф. Позвольте с вами немного не согласиться. Допустим, у меня есть одна квартира, в которой живу. А есть люди, которые построили один дом, построили замок, купили где-то там ещё. Должны они за это платить или нет?

К.К. Ответ очень простой. Есть такое понятие, как логика здравого смысла. Допустим, я простой рядовой житель. Я сдаю свою квартиру в наём. Извините, это доход. И с этого дохода власть имеет право брать свою долю. Здесь не должно быть никакого недоразумения. Если у вас два замка, а в третьем вы живёте, вы за них расплатились — на недвижимость не должно быть никакого налога.

Т.Ф. Даже если у меня три замка?

К.К. Да хоть четыре. А вот если вы будете извлекать доход, то, соответственно, власть должна облагать его своей частью. И чем больше у вас такой собственности, тем больше должен быть налог. Это очевидно, и спорить с этим не надо. Но речь идёт о другом. У меня основное жилище, и я за него должен платить. Что это такое? Это же самая явная контрибуция! Тут резко нужно восставать против этого. Это бессмыслица чиновничья.

Т.Ф. Константин Иванович, эти события предполагаются в 2013 году. Почему мы сейчас, за два года до этих событий, начинаем об этом говорить? И что мы можем сделать?

К.К. Нам предлагают: вы сначала в ловушку попадите, а потом будете пищать. Готовь сани летом, а телегу зимой. Что тут неясного? Поэтому бить в набат нужно сейчас.

Оказывается, наши бывшие ДЭЗы будут сначала акционироваться, а потом приватизироваться, т.е. продаваться. Резонный вопрос, а с какой стати? Это собственность муниципальная. Это же собственность жителей. Кто дал

право?! Лужков в свое время совершил огромное конституционное преступление. Он муниципальную собственность незаконно, временно перевёл в городскую и считал её своей. Кто он такой? Да, это все подписал Ельцин. Он тоже нарушил конституцию. Он не имел права этого делать. Конституция превыше всего! А он росчерком пера изменил все. И в результате ДЭЗы будут приватизированы. Вот тогда этот частник и покажет всем «кузькину мать». Он будет покрывать свои любые издержки. А не хочешь — тебя не будут обслуживать! И если это будет частная собственность — он будет прав. Ни один суд не примет иск жителей. Так вот, именно сейчас нужно беспокоиться. Категорически восставать против приватизации нашей муниципальной собственности.

Наша Конституция, если посмотреть по ряду статей глазами жителя, с точки зрения самоуправления, я бы сказал, не плохая. Например, статья 12, где говорится, что муниципальная местная собственность — наша. Она не входит ни в городскую, ни в государственную. Более того, мы владельцы муниципальной собственности. Не пользователи, а владельцы! Кроме того, в Основном Законе сказано, что все эти вопросы мы решаем без всякого указа. Т.е. никаких новых лужковых нам не нужно, никакой более высокой власти. На основе самоуправления и самоорганизации все сами решаем. Что нужно делать?

Очень просто: в доме организуется высший орган власти. Называется он — совет жителей дома. Никакой не ТСЖ! Это всё выдумка, предназначенная для обдирания жителей. Совет жителей дома — это не юридическое лицо, но полномочный народный контроль. Печать имеет, бланк, в ООН может обращаться. И он обладает функциями полного народного контроля.

Т.Ф. Константин Иванович, как жители должны защищать свои конституционные права? Это бывает очень сложно сделать на практике.

К.К. Во-первых, жители должны с уважением относиться к нашей Конституции — это основной закон. В ней сказано, что никакие другие законы и подзаконные акты, кто бы их ни издавал, не должны противоречить Конституции. Мы вправе не выполнять законы, которые противоречат Конституции. Но самое важное в защите прав граждан: нужно понимать главную сущность своих действий, поступать на основании Конституции — раз, в рамках Конституции действовать коллективно, создавая совет жителей дома, — два. Нас постоянно спрашивают: где взять эти документы? Ка-

ширское шоссе, дом 7. Во дворе этого дома, в подвале по четвергам с 15:00 до 17:30 — все документы есть. Приходите и берите!

Ещё один момент по защите. Дело в том, что житель в доме — собственник, хозяин. Хозяин — не ДЭЗ и не мэр города. У нас всё перевернуто. А по Конституции — именно мы хозяева. Вот и ведите себя так!

Т.Ф. Это очень трудно, когда тебя постоянно ставят в такое положение, что ты никто, а есть где-то наверху хозяин, который знает, когда и что надо делать.

К.К. Есть старая пословица: скажи кому-то сто раз «свинья» — он и захрюкает. Нельзя допускать этого. У нас есть собственное достоинство. Есть неплохие статьи Конституции, и есть форма организации. Есть такие примеры в Москве, когда граждане защищают свои права, отбивают несусветно увеличенные тарифы, организуют правильные взаимоотношения, состав и договора. Т.е. вместо договоров, которые подсовывают эти управляющие компании, двухсторонний договор только на коммунальные услуги, а там мошенничать трудно. Вот почему они и сопротивляются.

Т.Ф. Как это выглядит? Предположим, прихожу в ДЭЗ. Говорю: хочу, чтобы между нами был заключен двухсторонний договор. Они отвечают: вы же подписали его в прошлом году, он пролонгирован.

К.К. Для того, чтобы предыдущий договор был пролонгирован, должно состояться собрание жителей дома, и большинством голосов должно быть принято это решение.

Т.Ф. Они говорят: было у вас собрание...

К.К. Нет. 99% — это всё липа. Об этом даже Лужков говорил в своё время. А теперь Собянин Сергей Семёнович говорит, что все эти штучки, как правило, фальсификация. У нас есть закон. По закону сказано: прошёл год, и даже если у вас есть золотая управляющая компания, вы вправе принять решение.

Т.Ф. Приведу один пример. Обратились к нам жители Калужской области и говорят: наступил Новый год, мы в эйфории, всё хорошо, пенсию пообещали прибавить. Получаем квитанции на оплату и видим, что оплата вывоза бытовых отходов увеличилась в несколько раз. И женщина-пенсионерка с пенсией 5 тысяч рублей должна только за вывоз мусора платить 128 рублей. На чем это основано? И говорят: что теперь мы платим за метры. Сколько метров в квартире — за все эти метры вы платите за вывоз ТБО. Живёт она одна.

К.К. Ответ очень простой. Первое: мусорят и создают отходы не квадратные метры, а люди. Это логика здравого смысла. Они могут придумать ещё что-то, как Пётр Первый — за бороду налог брал. Это незаконно. Второе: увеличение тарифа.

Т.Ф. Кстати, кем утверждаются эти тарифы? Они ни с того, ни с сего появились — кто их утвердил?

К.К. Жители должны знать: существуют тарифы нескольких уровней. Первый — федеральный, где устанавливается предельный норматив. Его надо соблюдать. Существуют региональные, городские тарифы — их тоже надо соблюдать. Существуют низовые, так сказать, деревенские.

Т.Ф. А вот этот тариф на вывоз мусора?

К.К. Скорее всего — это выдумка. Город бы не пошёл на это. Городские нормативные тарифные службы осторожно себя ведут. Потому что они проверяемые. А внизу, эти «деревенские» службы, рассчитывают на молчаливость жителей. Вот на что расчет. Приведу пример. В 2009 году в декабре Лужков подписал с Водоканалом договор: норматив по оплате 394 литра воды в день на жителя — это две двухсотлитровые бочки. А если я в неделю раз умываюсь?! Галина Хованская приводит пример: среднестатистическое потребление воды в Москве 125—150 литров в день. Вы чувствуете, как они воруют! Не в два, а почти в три раза больше берут с людей за воду.

Я хочу сказать: добиться законного выполнения своих прав мы можем только коллективным противодействием в рамках закона. Всё упирается в самоуправление. А самоуправление — организация людей. Вот совет жителям дома — будьте активны в защите своих законных конституционных прав. Спасение наше — только в самоорганизации. У нас люди делятся на две категории: одни работают, чтобы что-то сделать, другие — нейтральны или вообще ничего не хотят делать. Так вот — любая власть свою работу сводит к тому, чтобы люди не объединялись. Тогда ими легко управлять. А когда они вместе, то на них трудно воздействовать.

Т.Ф. Люди, конечно, могут объединиться по отстаиванию своих законных прав, но я в этом очень сильно сомневаюсь. Это показал пример введения комиссии за оплату коммунальных услуг. Вроде бы все протестовали, но в конечном итоге смирились. И сейчас банки со всех нас дополнительно получают огромные деньги...

К.К. Приведу ещё пример. Глупый, несусветный, но самое главное — мошеннический. Я пришел в магазин купить колбасы. Продавец говорит: давай чек и получай товар. А кассы

нет. Надо сходить в сбербанк. Иду в сбербанк, пробиваю чек, а мне говорят, тут надо внести еще комиссионный сбор, так как мы не магазин.

Т.Ф. А на самом деле принцип оказания услуги — пример покупки такой же колбасы.

К.К. Естественно. Все монополии совершают крупную мошенническую акцию. Договорились с банками. Туда перечисляют деньги, и мы теперь за эти тарифы, которые им положены, платим. У них же есть предельная цена! Сбербанк говорит, что он же работает. А кто просил его эту работу выполнять?! Это монополия должна была оплатить.

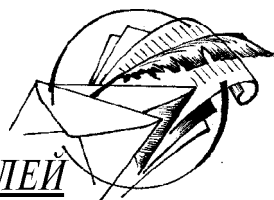
Ещё раз повторю: уважаемые жители, граждане, товарищи, объединяйтесь! У нас привычка — всё время пишем, обращаемся к царю. Челобитные составляем президенту, премьер-министру... Есть и другие формы работы.

ГОВОРИТЬ ПРАВДУ!

Почему-то весьма редко в нашем общении встречается безусловная правда, правда без примеси лукавства и лицемерия. Редко наши мысли и чувства ведут себя правильно. А ведь совесть, голос Божий, постоянно внушает нашему сердцу, чтобы поступки наши были честными и правдивыми полностью, а не наполовину или на третью только часть, или на четвертую, чтобы не было в душе нашей никакого изъяна, никакой кривды, а одна только правда, растворенная нелицемерной любовью.

Все наши поражения врачуются покаянием. Поражения сменяются победами, победы — поражениями. Это очень похоже на частую смену погоды: бывает, что за один день погода меняется много раз — то дождь, то ураганный ветер, то солнце, то пасмурно. То же самое непостоянство наблюдается и с душой. Святой Праведный Иоанн Кронштадтский говорит нам о том, что погода отражает состояние людей: какой жизнью живут люди, таковы и проявления этой жизни в природе.

Следует честно признать — весьма часто своими греховными делами и словами мы искажаем истину, а

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

значит, грешим против нее. Слова Апостола Павла: «отвергнув ложь, говорить истину друг другу», почему-то не вмещаются во многих, считающих себя людьми духовными и воцерковленными. Мы думаем о том, что ходим в церковь, молимся, постимся, соблюдаем все внешние постановления и предписания. Кланяемся друг другу, ставим большие свечи на подсвечники, забыв зажечь самые главные свечи — внутри нашего сердца.

Совесть — голос Божий, всячески запрещает нам жить двойной жизнью, жизнью двойных стандартов. Всегда ли мы слушаем этот голос, всегда ли повинемся ему? Ведь двойные стандарты — и нашим, и вашим — присущи демократии, место которой, по словам Святого Праведного Иоанна Кронштадтского, в аду.

Как страдают наша Церковь и верующие люди от современных фарисеев и саддукеев! Они сами не входят в Царство Небесное и другим не дают войти. Их лицемерие, эту закваску фарисейскую, Господь наш Иисус Христос и обличал с особенной силой и ревностью.

Ведь у Бога нет лицепрятия, не должно быть его и у нас. Честность и простота в общении должны лежать в основе нашей жизни и руководить нами на каждом шагу нашего жизненного пути. Мы должны помнить, кто мы есть. Не Иваны, не помнящие родства, а русские православные люди, живущие в своей стране, оккупированной врагами.

Великий полководец А.В. Суворов говорил: «Мы — русские! С нами Бог!» А если с нами Бог, то кто против нас? Но чтобы Бог был с нами, нужно и нам быть с Богом своей достойной жизнью, высоко нести знамя Веры Православной, стараться быть с Богом не только на словах, но и на деле.

Митрополит Московский и всяя Руси Святитель Алексий прилагал много сил к умиротворению народной жизни внутри страны. Дважды приходилось ему ездить в Орду. В первый раз для исцеления глазной болезни жены хана, второй для убеждения хана не отягощать Русь непосильными налогами. Обе эти поездки были успешными. Больная жена хана по молитвам Святителя Алексия вновь обрела зрение, хан склонился на просьбы Святителя относительно налогов.

Сегодня нет на Руси татаро-монгольской орды. Есть другая орда, которой мы окружены со всех сторон. С ней не договоришься, и в нее некому поехать. Эта орда скрывается под маской демократии — великой лжи нашего времени. С недавнего времени в оборот понятие толерантности, то есть — терпимости. Эта пресловутая толерантность вменена в обязанность почему-то только русским — коренным

жителям своей страны. Всех прочих народов она не касается. Естественное и здоровое понятие русского национализма как любви к своей нации и своему народу, что в полной мере присутствует во всех малых народах, почему-то трактуется определенными кругами как разжигание национальной розни. Придумана даже и пущена в ход контрмера — 282-я статья, для того, чтобы русский народ не мог поднять головы.

Но идея национального возрождения России-Руси не нова, и нет в ней ничего крамольного. О русском национализме писал и говорил известный православный мыслитель Иван Ильин, громогласно восклицал А.В. Суворов: «Мы русские — какой восторг!» Одним из ярких деятелей эпохи национального возрождения Руси был преподобный Савва Сторожевский, ученик преподобного Сергия Радонежского. О русских людях и России постоянно говорил и писал Святой Праведный Иоанн Кронштадтский.

В настоящее время можно услышать слова о том, что Церковь находится вне политики... Вспомним о том, как делали политику в православных традициях Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, Патриарх Гермоген, Минин и Пожарский, фельдмаршал Кутузов, и все станет на свои места.

Для примера можно привести некоторые факты. Кутузов в 1812 году вышел на Бородинское поле с Казанской иконой Божией Матери, а Бородинское сражение приурочил к празднику Владимирской иконы Божией Матери. Разве это случайно? Пасха 1945 года совпала с днем Великомученика Георгия Победоносца. И это тоже далеко не случайно, а промыслительно. Парад Победы на Красной площади был назначен в день Пресвятой Троицы. Тут уж всем стало ясно: победа одержана с Божией помощью, с помощью Божией Матери, Дмитрия Донского, Александра Невского, Сергия Радонежского и Всех Святых.

Поэтому, что бы ни было и что бы нам ни говорили и ни писали наши недоброжелатели, суть остается ясна: традиционно мы продолжаем оставаться Православной Империей. Кому-то это до сих пор сильно не нравится, вот и принимают они все мыслимые и немыслимые меры для того, чтобы эту Империю уничтожить. Но нам дано обетование от Господа, что врата адовы до скончания века не одолеют Церкви Христовой — Церкви Православной. Лишь бы только мы сами были на должной высоте и не шли на компромисс ни с каким злом, ни с какой лживой толерантностью.

И наше общее дело — выполнять свой долг не за страх, а за совесть. Поэтому, дорогие братья и сестры, давайте умудрять-

ся с помощью Божией, отвергнув ложь, говорить правду друг другу, делать то, к чему призывает нас Апостол Павел. Не будем, подобно демократам и их двойным стандартам, развивать в себе лживость, лицемерие, коварство и человекоугодие и прочие греховные качества, недостойные высокого звания христианина.

А будем, с помощью Божией, развивать в себе качества, противоположные двойным стандартам: чистосердечно и без малейшего лукавства говорить только правду, оказывать друг другу любовь и милосердие, а при случающихся искушениях от всей души просить прощения и стараться больше так не поступать. И так, постоянно побуждая себя ко всякой добродетели и уклоняясь от зла, исполним закон Христов, который гласит: возлюби Бога и ближнего своего, как самого себя.

Монах **ИОСИФ**,

г. Задонск, Липецкой обл.,

Рождество-Богородицкий мужской монастырь

РЕФОРМЫ ДОБИВАЮТ ШКОЛУ

Сегодня у всех на слуху реформа образования, затеянная министром А. Фурсенко, который, кстати, не дал ни одного школьного урока за свою жизнь. Уже введен ЕГЭ, против которого не перестают бороться учителя, родители и ученики. Давно уже единый госэкзамен показал себя с самой плохой стороны и заслуживает отмены как неудавшийся эксперимент. Повсюду введено или вводится многоуровневое высшее образование в соответствии с так называемым Болонским процессом. Теперь привычное русское слово «специалист» подменили пока еще никому не понятными «бакалавр» и «магистр». Волны протеста против этого вновь не хотят замечать те, кому бы это сделать не мешало. Гнут свою линию и всё тут. Нашим правителям, видимо, нравится то, от чего открещиваются даже на любимом ими Западе.

Страшно то, что грядет сокращение учителей и преподавателей, причем массовое. В этом россиян заверил Владимир Путин — не то первое, не то второе лицо государства. Он так

и сказал, что, мол, масштабные сокращения учителей неизбежны — дескать, в стране демографический провал, и количество учителей должно соответствовать числу учащихся. Правда, потом на встрече с учителями московской школы 1060 он подчеркнул, что нужно бережно относиться к учителям. Станный способ уберечь учителей, увольняя их с работы. Ведь кто-то из педагогов работает в школе только потому, что не может прокормиться на мизерную пенсию, напоминающую милостыню. И хотя учителя научились выживать в современных условиях и при современных зарплатах и пенсиях, теперь им придется совершенствовать свои умения и повышать квалификацию выживания.

Но и это еще не все. Согласно новому закону 83-ФЗ большая часть бюджетных образовательных учреждений с 1 января 2011 года переведена на новую форму финансирования — так называемую систему государственного заказа, что влечет за собой прекращение обязательного государственного финансирования, которое, кстати говоря, и было-то не особо заметно. Этим законом установлено, что финансовое обеспечение выполнения государственного (муниципального) задания будет осуществляться за счет субсидий из соответствующих бюджетов. Всё спихнули на местные бюджеты. К примеру, в городе Вязьма десять средних школ, одна неполная средняя и одна вечерняя. Как сегодня нищенский районный бюджет, при котором Вязьма стоит с протянутой рукой перед областью, сможет потянуть 12 только городских школ? А ведь остались кое-где еще и сельские. Неужели эта реформа направлена на уничтожение школы как пережитка советского прошлого? Из сложившегося ужасного положения, к которому и подталкивают нас господа из Кремля и правительства, выход будет найден очень просто — введут платное среднее образование.

Понятно справедливое возмущение родителей, которым говорят, что бесплатно их ребенку в неделю будет отведено только 2 часа русского языка, 2 часа математики и 3 часа физкультуры. За все остальное придется платить! Только вот много набирается всего остального: история, обществознание, география, химия, физика, биология и т.д. Все ли родители смогут дать полноценное образование своим детям? Захотят ли родители, чтобы их ребенок изучал все предметы прежнего школьного курса? Я думаю, что это вопросы риторические и ответ на них напрашивается сам.

Правда, президент Медведев пока что опровергает информацию о том, что среднее образование будет платным. Но как ему можно поверить, если он даже и не подозревает о том, что

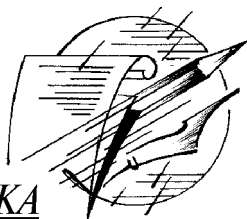
учителя на Смоленщине получают 6—8 тысяч рублей, при этом работая на износ, а по телевизору показывают живущих на широкую ногу педагогов с зарплатой свыше 20 тысяч. Как можно вообще верить первым лицам нашего государства, которые обещали нам, что не будет кризиса, что не будет терактов, что ветераны получают жилье к 65-летию Победы и т.д.? Тоже, думаю, вопросы риторические. Рано или поздно, как видим, все идет к тому, что в России — самой богатой и одновременно нищей стране — будет платным и высшее и среднее образование. Планы по отупению россиян в действии. Как сказал Жириновский, «пусть дети будут тупыми, но здоровыми». Вот только после кремлевских «реформ» не будет у них ни здоровья, ни знаний.

Сергей ТРОШИН, учитель,
г. Вязьма, Смоленская область

ТЕЗИСЫ О КОНЦЕ СВЕТА

1. Всё, что имело начало, будет иметь конец. Об этом ещё Платон писал. Нелепо думать, что тварная человеческая история будет развиваться по бесконечной восходящей линии, как это полагают сторонники теории прогресса. Что касается христиан, то им прямо предсказан конец грешной земной жизни в Откровении Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр. 21, 1).

2. История продолжается до тех пор, пока люди радуют Бога. В наше время, как никогда раньше, множатся признаки близящегося конца. Открыто формируется так называемое «мировое правительство» («И дана ему власть над всяким коленом и народом». Откр. 13, 7); складывается транснациональная экономика, где не только каждый производитель и торговец, но просто всякий человек будет занесен в суперкомпьютер мирового банка («И он сделал то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их. И что никому нельзя будет

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его». Откр. 13; 16—17); растет люциферианская мировая религия, в экуменическом ключе которой окончательно снимается различие между правым и левым, между Богом и сатаной («И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?». Откр. 13, 4); торжествует всемирная информационно-пропагандистская псевдокультура, управляющая подсознанием человечества на основе новейших психосемантических технологий (т. н. «информационное оружие»). По мере увеличения знания (информации) возрастает соприкосновение с неизвестным; чем больше люди знают, тем меньше понимают. Рациональное мышление работает в узких пределах макромира, оказываясь совершенно беспомощным на метафизическом уровне. На гей-парады в столицах Европы выходит до миллиона человек, что свидетельствует о полной утрате массовым сознанием границы между добром и злом (постмодерн). Все это вместе взятое готовит единое ментальное (сетевое) пространство-время антихриста, чтобы было куда войти ему.

3. Вплоть до февраля 1917-го главным препятствием на пути антихристианских сил (антицеркви) оставалась царская Россия с её православной государственностью и культурой. Сам принцип устройства общественного сознания и социальной практики монархической России отличался не механически-юридическим совершенством процедур, благодаря которым справедливость достигается как бы автоматически (т. е. не по-христиански), а именно нацеленностью всех своих отношений на Правду, которая сама по себе не от мира сего и потому требует если не подвига, то усилия для своего воплощения. Об этой особенности русской «политической этики» хорошо сказал С.А. Аскольдов в 1918 году: «Русь была до отмены крепостного права, а отчасти и после него страной рабов и рабовладельцев, но это не мешало ей быть Святой Русью, поскольку Крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те и другие с верою подходили к одной и той же Святой Чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех часто ясно не признаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной». Добавлю, что дело тут не в «рабах» и «рабовладельцах» (остатки либеральной терминологии у Аскольдова), дело в сообща несомом Кресте, по отношению к которому и те и другие равно грешны и равно святы.

4. Главная трагедия России (значительно приблизившая конец мирового процесса) произошла в феврале 1917 года. Волею Промысла, император Николай Второй оказался «крайним» в той цепи нисхождения (инволюции) национальной (и общеевропейской) истории, которая вела (и ведет) от христианской монархии к сетевой власти олигархических кланов — «новому прекрасному миру». Ни Иоанн Грозный, ни Петр Великий не смогли бы удержать рушащуюся с религиозно-онтологического «верха» к прагматически-буржуазному «низу» Империю — разве что несколько задержать («подморозить», по слову К.Н. Леонтьева) это падение. Отречение последнего Царя — акт, направленный на спасение русской крови от междоусобицы в условиях, когда большинство правящей элиты (как «правые», так и «левые») уже вошло в зону нехристианского социального соблазна, подтолкнув туда же уставший от затянувшейся войны народ.

5. Разрушившая традиционную и успешную для России монархическую государственность буржуазная власть оказалась полностью несостоятельной — одинаково в военном, экономическом и особенно в идейном плане. Временное правительство во главе с А.Ф. Керенским состояло из тайных и явных масонов, тогда как в Красной армии царских офицеров и генералов оказалось немногим меньше, чем в Белой. Разумеется, «ленинско-троцкистская гвардия» — это демоны революции («красная» русофобия). Политику красного террора («диктатура пролетариата») развернули в октябре семнадцатого именно они. Начав с расстрела юнкерских училищ и священников, они зверски убили затем царскую семью, потопили в крови кронштадтское восстание и отравили газми тамбовских крестьян. Один из первых совдеповских концлагерей — знаменитый СЛОН на Соловецких островах — заработал на полную мощность уже в 1923 году. Вместе с тем именно большевики собрали рухнувшую в феврале семнадцатого Россию почти в прежних имперских границах. Вопреки наследственному интеллигентскому презрению к собственному Отечеству и поддержке нью-йоркских банков, на которые они опирались, Ленин и Троцкий ввели «отчавившую» Русь в жесткие дисциплинарные берега, выиграв Гражданскую войну. Великая, Малая и Белая Россия, Средняя Азия и Кавказ к 1922 году опять стали частями единой страны. Если бы действия советской власти сводились к заговору пассажиров «пломбированного вагона», проехавшего в апреле 1917 года через линию фронта и в котором действительно не было ни одного русского человека, — и рассуждать было бы не о чем. Но речь идет о судьбе России,

всего её многомиллионного народа, и тут нужен Божий суд, который видит вещи в их полноте. Ныне, спустя почти сто лет, уже невозможно отрицать, что советская власть оказалась превращенной формой русской идеи: живи не так, как хочется, а так, как Бог велит. Смысл знаменитой Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года и заключался в констатации этого факта, по сути признанного теперь и зарубежной Церковью, воссоединившейся в 2007 году с Московским Патриархатом. 70 лет советской власти не были «выпадением из истории» — это была бессознательная попытка удержания («подмораживания») России от того антихристианского духовного распада, которым характеризовалось состояние модернистской цивилизации Запада после Первой мировой войны.

6. Новое усилие на пути противодействия мировой инволюции (демонического конца истории) Россия сделала в период Второй мировой войны. Начавшись как террористическая ленинско-троцкистская «Совдепия», Советский Союз (к изумлению самого Троцкого и возглавляемого им «четвертого интернационала»), унаследовав энергетику тысячелетней православной традиции, одержал в середине XX века победу над самой страшной inferнальной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь (и весь мир) в истории. Вопреки большевистскому фетишу мировой революции (вот где Промысл Божий!), Сталину удалось построить вписанную в ментальное пространство России «самодержавную республику» (термин К.Д. Кавелина) и тем самым вытянуть её из ямы, в которую её загнали в феврале 1917 года взбунтовавшиеся либералы. К сожалению, энергетика Победы 1945 года была постепенно растрочена в утопических попытках «обогнать Америку по американским правилам» (формулировка А.С. Парина).

7. В настоящее время (2011 год) можно констатировать фактическое завершение христианской истории на постмодернистском Западе. Сегодня на пространстве Евроатлантики осуществляется не ценностное приращение бытия, а его технологическая эксплуатация. Технический прогресс Запада происходит по инерции, моделируя компьютерными средствами глобальный масштаб греха как нормы жизни. В современном мире утрачен *смысл*. Как писал полвека тому назад М.Хайдеггер, в Европе (и тем более в Америке) уже нет бытия — там есть подручное, прирученное существование, когда субъект такого существования сидит перед телевизором или компьютером (мир как иллюзия-выставка), имея в качестве собственника всю Вселенную. Вопреки всей само-

довольной позе подобного «царства теней», в истоке его лежит утопия — социальная и технологическая утопия гуманизма, вплоть до «американской мечты» о процветании с безлозубой улыбкой, отграничивающей ее владельца от всего низшего — варварского, от всего внешнего — чужого, опасного, но и от всего высшего — богоносного, таинственного. Это утопия мира без страдания, без греха и Воскресения. В сущности, это насмешка над творением Божиим, и самое печальное состоит в том, что этот смех уже прозвучал.

8. Современный Восток и Юг не представляют собой альтернативы наличным тенденциям духовного нисхождения. Знаменитое «японское чудо» по существу исчерпало себя. Что касается Китая, то эта древнейшая нация Земли (ханьцы) переживает в XXI веке свое второе рождение. Огромная по численности страна быстро растёт как промышленный, финансовый и военный гигант, не говоря уже о единстве и сплочённости народа и государства. Нынешний Китай — это монолит, за прочностью конструкции которого заплачено сотнями жизней во время разгона танками «оранжевой» молодежной демонстрации на площади Тяньаньмынь в 1989 году. К середине текущего столетия китайская коммунистическая империя достигнет, вероятно, фактического паритета с Соединенными Штатами по всем важнейшим показателям (если США ещё до того не угодят в долговую яму). При этом, однако, конкуренция между Евроатлантикой и Китаем будет носить (и уже носит) скорее военно-экономический, чем духовно-культурный характер. Вопреки собственным коммунистическим лозунгам, КНР строит нечто вроде госкапитализма с конфуцианской спецификой. Рыночный социализм — это последняя правда буржуазности, и как раз такой «коммуно-капитализм» выращивается сегодня в Поднебесной. Примерно то же самое происходит ныне и в Индии, с учетом отличия индуизма и буддизма от конфуцианства. В любом случае эти азиатские цивилизации не могут служить ориентиром духовного становления, так как они не знали или отвергли Христа.

Несколько иначе обстоит дело на мусульманском Востоке. Цивилизация ислама — самая религиозно «горячая» на сегодня цивилизация мира — бросает вызов Западу именно в плане личного и национального начала. Мусульманские фундаменталисты не хотят идти вслед за Евроатлантикой к идолу свободы бездуховного человека и коммерчески понимаемой нации обывателей, бога которых зовут «окей». Вооруженные Кораном и джихадом, исламисты стремятся как бы обойти Запад по другой исторической дороге или даже, по

мере возможности, вернуть человечество в до-западное (домодернистское) состояние. О серьёзности этих претензий свидетельствует простая статистика: некоторые европейские города уже на треть мусульманские. Последние события на Ближнем Востоке подтверждают масштаб намерений и энергии мусульманской цивилизации, однако цели её остаются её внутренним ценностным выбором.

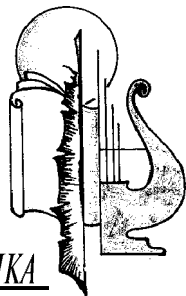
9. Что касается России, то на основе вышесказанного позволительно заключить, что Русь-Россия во всех своих исторических формах (включая советскую), так или иначе, с большим или меньшим успехом исполняла роль Удерживающего (2 Фессал. 2, 7) в нисходящем движении истории, предсказанном в Писании. Можно предположить, что назначение Святой Руси и состоит в замедлении этого стремления мирового социокультурного «человеяника» вниз, ко всё более темным (вплоть до inferнальных) уровням тварного существования. Последовательная либеральная жизненная практика есть плод уже остывшей или остывающей цивилизации, где предельные религиозные (смысложизненные) вопросы давно «разрешены» и отданы на откуп частному мнению, а незыблемой почвой общественного согласия «о главном» является необсуждаемая заинтересованность любых партий, классов и «меньшинств» в сытой и удобной жизни. Такого «бога» зовут *okei*, и это есть подлинно антихристианский «бог». От его имени говорил Великий инквизитор Ф. М. Достоевского. Самые большие грешники на этой падшей земле те, кто наиболее комфортно устроился среди всеобщего греха. По ходу времени возрастает напряженность антиномии добро/зло. Физических сроков и конкретных завершительных форм внутриисторического апокалипсиса людям знать не дано, но, по-видимому, основные события метафизического плана развернутся в наступившем XXI столетии. В определенном смысле конец света уже наступил, только не все это заметили. В таком плане последняя жертва России Богу может заключаться в том, чтобы своим онтологическим неблагополучием отвергнуть тотальное приспособление к греху как норме личной и общественной жизни в утерявшем вертикальное измерение мире. Тогда конец света (конец духовной истории) может приобрести положительный смысл в христианском смысле слова.

Эдуард СКОБЕЛЕВ,
писатель, Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь
Владимир ЮДИН,
доктор филологических наук, профессор Тверского университета

О СУДЬБЕ ПОЭТА В РОССИИ

Владимир Юдин. Я выбрал вас, Эдуард Мартинович, чтобы начать разговор о проблеме, которая волнует меня как ученого-филолога и как литературного критика, — разговор о душевном состоянии русского поэта в нынешней России и о том, как это состояние сочетается с его гражданской позицией и лирической основой творчества. Теперь, на переломе страны, когда нравственная платформа современного российского общества подорвана, если не сказать — разрушена, необходимо понять: на чем держится и чем подпитывается гражданское поэтическое чувство, способное преодолеть поток поощряемой властью продажности и навал агрессивно внедряемого телевизионного бесстыдства?

Поэзия красноречивее и доказательнее всего показывает духовную сущность любой литературы, а уж русской — в первую очередь. И мне хотелось бы вместе с вами пристальнее приглядеться к одному из наиболее ярких поэтических дарований нашего времени — Валерию Хатюшину. Я совершенно уверен: чутко, вдумчиво, даже пристрастно,

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

по самым высоким критериям рассматривая его творчество, мы тем самым скажем и о других русских талантливых авторах, которые в нынешних, прямо скажем, убийственных для литературы условиях не дрогнули, не отступили и каждодневно сражаются за русскую правду. Она близка и понятна каждому русскому человеку, равнодушному к своей Родине и своему народу. Но сегодня эти авторы намеренно и подло выталкиваются на поле всевозможной конфронтации. Давайте попытаемся с точки зрения нравственного потенциала и художественной правды проанализировать поэтическую работу Валерия Хатюшина. Вы писатель с огромным опытом, вам и первое слово.

Эдуард Скобелев. Прежде всего хочу искренне поблагодарить вас за открытие для меня этого замечательного поэта. Прочтя его книги, я увидел очень высокий потенциал таланта и понял, что в трудах и бореньях он выковал свой характер, свою волю и смелость, а его драматическая жизнь сформировала в нем и нравственность, и мастерство, и широту гражданских воззрений. Да-да, именно жизнь со всеми ее бедами, болями и радостями сделала его гражданином. Это поэт сугубо русский, сложный для перевода, но близкий и понятный всем, чья судьба озарена светом классической русской культуры. В нем нет ни истерики, ни позы, в нем ощущается эпическое начало огромной мощи. В 1987 году, еще при живом СССР, Валерий Хатюшин писал:

*Но что осталось от России?..
Прозренья грозный пробил час!
Две мировых — отцов скосили,
а третья — захлестнула нас...*

И тогда же он выразил свое жизненное и творческое кредо:

*Поэт во все века — невольник чести,
за честь земли своей идет на смерть.*

Вот нравственная платформа его гражданской музыки. Музы пассионария альтруистского типа.

В.Юдин. Пассионарий в поэзии — интересный подход.

Э.Скобелев. Я много думал об этом и готов объяснить.

Поэты, как правило, — пассионарии. Но в большинстве случаев это эгоисты, себешники, доискивающиеся известности и «материальных компенсаций». Причем пассионарность эгоиста нередко упаковывается в яркие обертки «революционности», «новаторства» и кажущейся «гражданствен-

ности». Евтушенко и Вознесенский в свои «громкие» годы как раз были такими пассионариями. Это актеры, эстрадники, демагоги.

Иное дело — пассионарий-альтруист. Он всю свою судьбу ставит на кон ради правды, народа и Родины, которые являются для него главной творческой целью. Запугать такого человека невозможно: он служит высшему началу. Служит всем, в том числе и своим врагам, получающим в его лице последнее свое зеркало, которое не замутит даже дыхание дьявола. И он имеет полное право сказать:

*...Дорогой своей одинокой
и дальше по свету пойду,
в российской печали глубокой,
быть может, не пропаду.
Судьбу разделю равноправно
с бедой и тоской пополам.
Да только ни Бога, ни правды
на торжище лжи не отдам.*

(Март 2007 г.)

В.Юдин. А Пушкин? А Шекспир?

Э.Скобелев. Пассионарность с любым знаком не исключает индивидуальной судьбы. Не сомневаюсь, и Шекспир, и Пушкин были яркими пассионариями-альтруистами. Хотя их судьбы сложились по-разному. Шекспир в конце концов отошел от творчества по сугубо личным причинам, посчитав свою миссию исполненной. И он, действительно, ее исполнил. Трудно сказать, каким был бы Александр Сергеевич к 60 или 70 годам. Но в свои тридцать семь он воспринял вызов чести как вызов Поэзии, которую представлял. Нисколько не сомневаюсь, что он знал себе подлинную цену, как ее знали и отдельные современники, включая российского императора.

Пассионарий-альтруист с чрезвычайно тонким аппаратом нравственного чувства всегда производит на людей особое впечатление. Это психологический закон. Пушкин был пророком.

Признаюсь, мои знания о творчестве Хатюшина были до недавнего времени очень скудны. И в этом не только наша проблема, но и наша беда. Беда всей моей и нашей общей жизни. Когда-то я активно сотрудничал с журналом «Молодая гвардия», но очередной государственный переворот разорвал многие прежние связи.

Захватившая власть кучка, опиравшаяся на огромное подполье в СССР и мощные силы поддержки за рубежом, панически боялась, что народ эту власть тут же у нее и отнимет, что, скорее всего, и случилось бы, если бы народ не был убалюкан пренаглейшей ложью, от которой на то время уже отвыкли простые советские люди. Ведь столько обещали! И большинство тех, кто развесил уши, уже в могилах. Защищая антиконституционную власть, истеричные персонажи шли на любое зверство, любой подлог. Конечно, я вел свою оборонительную борьбу, но здесь, в Белоруссии, связь с Россией была нарушена.

В. Юдин. Да, такова действительность. Противостоять агрессивным атакам «либеральных» отморозков решаются далеко не все пассионарии, хорошо сознавая, какие ярлыки нацепят на них «граждане мира», связанные между собой по обе стороны океанов.

Э. Скобелев. Когда мы говорим о мировой литературе такого уровня, как Шекспир, Бальзак, Достоевский, Тагор, Лев Толстой, Акутогава, ничего нового, кроме химерических бредней, от мелких эпигонов и перелицовщиков чужого мы и не можем услышать. Тем более, если речь идет о русской литературе, в том числе сегодняшней. Мы не слышим от них ни единой достойной упоминания мысли. Нравственный водораздел препятствует слиянию мыслей Леонова, Куняева, Белова, Распутина, Солоухина или Проханова с развлекательным косноязычием т.н. «мастеров разговорного жанра».

Не сомневаюсь, что творчество Валерия Хатюшина вы знаете лучше меня. В том числе потому, что время от времени встречаетесь с поэтом, говорите с ним, слышите его мнения, видите детали его отношений с другими людьми.

Меня, конечно, потрясло его «Собрание стихотворений», изданное «Российским писателем» в 2003 году, но масштаб мастера стал мне предельно ясен после ознакомления с книгой гражданской лирики «Русская кровь» (2007 год).^{*} Смешно и оскорбительно, когда наши недруги, давние идеологические мошенники и мистификаторы, пытаются бросить тень на благородство и нравственную оправданность его позиции, — она всецело продиктована естественным правом человека на заботу и волнение о своей Родине, это право превыше всех юридических ухищрений странствующих политиканов. Валерий Хатюшин утверждает в этой книге: «Гражданственность исходит из любви» и повторяет эту мысль неоднократно. Книга гражданской лирики обжигает искренней болью. Поэт для нас дорог не толь-

^{*} Книги Валерия Хатюшина можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия».

ко тем, что воспроизводит основные вехи событий так называемой «перестройки», этой лицемерной, коварной и удавшейся попытки втихаря, как бы даже добровольно втянуть наш народ в состояние хаоса и отказа от основных скреп существовавшего социально-политического порядка, но тем, что в течение всех последних лет шаг за шагом овладевает все более полной правдой о совершённом против нас преступлении.

Конечно, общение с выдающимися деятелями русской культуры, в том числе с блистательным составом редколлекции и авторов «Молодой гвардии» 80—90-х годов, содействовало стремительному росту философского и политического кругозора Валерия Хатюшина, но основную науку он извлекал, безусловно, из недр народной жизни.

С волнением воспринимается его бесстрашие в полемике с вероломным «авангардом», вчера еще восторженно бляевшим марксистско-ленинские куплеты, а сегодня с остервенением топчущим народные права, предательски захватившим все ключи экономической, политической и финансовой власти.

Не лишенный наивности от своего великодушия, как и все русские люди, Хатюшин грозит Высшим Судом, но постепенно приходит к осознанию реальностей, определяющих сегодняшний день России:

*Куда идем? — никто из нас не скажет,
Лишь взгляд угрюмо отведем в ответ.
И всё мы ждем, что кто-то путь укажет,
куда пути нам не было и нет.*

Это не просто критика тупиковых представлений, паразитирующих на народных идеалах. Я здесь улавливаю великую боль за потерю времени, тогда как практически поднимался уже вопрос о существенных переменах в идеологии, — они были начаты в последней сталинской работе о проблемах социализма. Это был вопрос о тупиковом, в сущности, историческом пути, то есть вопрос о тайной стратегии, основанной на паразитарности сил, блокирующих национальное развитие, чтобы сохранить свою гегемонию.

Приглядитесь к действиям Запада против СССР на значительном для наглядности отрезке времени, и вы увидите, что **тайное стремление навязать тупиковые пути развития как в целом, так и по отдельным направлениям было и остается контрапунктом всех его геополитических устремлений.**

Тут некоторые демагоги могут воскликнуть: «Да ведь только благодаря коллективизации и индустриализации мы сумели выстоять в борьбе с гитлеровской Германией!» Но речь

идет совершенно о другом. После 1917 года ни Троцкий, ни Ленин, ни его партия не собирались осчастливить российские народы справедливостью, свободой и достатком.

Теперь нам внушают, будто бы «неудавшийся эксперимент» приостановил прогресс человечества. Однако на самом деле это мы, русские, потеряли более 300 лет исторического времени с сотнями миллионов жизней, среди которых непременно были честные и благородные мыслители, способные «указать путь», и не только нам.

В.Юдин. Ваши слова доказывают как раз то, о чем я не раз писал в прежних статьях: Валерий Хатюшин ставит в своих жанрово разнообразных работах важнейшие вопросы национальной русской истории. Но поэт их ставит, естественно, иначе, чем какой-нибудь вшивенький ум, именующий себя «историком», «аналитиком» или «идеологом».

С конца 80-х годов в СССР развернулась, а ныне происходит и в России своеобразная духовная гражданская война, которая могла бы, конечно, перерасти в кровавую схватку, но по ряду причин этого не произошло.

Духовная гражданская война, конечно же, сопряжена со всеми своими атрибутами: вероломством, подлостью, изменами, трусостью, доблестью, рейдами по тылам противника, провокаторами и т.п.

Э.Скобелев. Гражданская война, даже и духовная, — это размежевание, это беспощадные оценки, и все это ярко выражено у Хатюшина.

Прочитирую две последние строфы стихотворения «Жестокость», написанного в июле 1989 года:

*Нет ничего больше козней брата,
ведь он тебе от Бога — кровный брат.
Забыли мы: за все грядет расплата,
любой наш грех, содеянный когда-то,
как бумеранг, воротится назад.*

*Да, гениальны мы и терпеливы,
добры к евреям, немцам и другим...
Но как бездарно, подло и трусливо
жестоки и безжалостны к своим!*

Поэт пытается выяснить, в чем причина этой несусветной дури, когда великий и могучий народ допускает попрание своих святынь. И, в общем, правильно обнажает суть:

*Что ни идея — то разруха,
и что ни мысль — то стыд и срам.*

*И смерть — злорадная старуха
с эстрады подвывает нам.
Разъединить нас всех сумели,
куда б ни шли — идем мы врозь,
уже и дышим еле-еле,
но для петли — вбиваем гвоздь...*

(«Бесовщина», февраль 1991 г.)

Бросая обвинение в неоправданной доверчивости, проявленной по отношению к расчетливым противникам, поэт, конечно, не останавливается на этом. Истинно большой поэт, Валерий Хатюшин, преодолевает собственные оценки, укрупняя правду, бичуя трусость, зовя к сопротивлению, неприятию лжи и моральных издевательств. Ему давно было ясно, **чью** волю нам навязывали под прикрытием всех идеологических установок.

В августе 1991 года Хатюшин пишет пронзительное:

*Народ бессмысленно и жалко
молчит трусливо, как всегда.
Надежды тают в общей свалке,
всех держит за руку Нужда.*

*Идут навстречу Смерть и Голод,
а позади — крошечный дым.
На сердце — мрак, тоска и холод,
последний свет в глазах — размолот,
язык — он будет вновь немым...*

А в феврале 1997 года, бросая ретроспективный взгляд, с горечью заключает:

*Как много тех, кто уповал
лишь на молитву...
Нет никого, кто бы призвал
народ на битву.*

Но этот вывод ничуть не толкает его к отчаянию. Вслед за этим он требует от русских людей отказаться от всех упований и надежд на авось и положиться только на себя, уверенный, что у народа достанет сил покончить с периодом анонимности, насилия и мрака.

*Мы готовим великий восход,
наше солнце без нас не взойдет.*

(Август 2001 г.)

Уверен, эта глубокая поэтическая мысль может увенчать весь наш разговор, если мы проведем его на том же уровне гражданской ответственности.

Кстати сказать, я все еще держу в памяти вашу замечательную беседу с Валерием Хатюшиным «Свет истины в борьбе за Россию». Она напечатана в «Молодой гвардии» и в вашей книге «Родина — всему начало».

В.Юдин. Эта беседа и мне врезалась в память. Знаете, вот в таком раскованном формате особенно ясно видишь масштаб человека. Валерий Хатюшин не просто талантливый и смелый поэт, это мыслитель национального масштаба. Помню, как он метко и точно назвал «демократию» всего мира — финансовым фашизмом.

Э.Скобелев. Беседа была, действительно, очень актуальной. Вы останавливались и на национальном вопросе в России, говорили и о русской душе, и о поэтах Белой гвардии, которые с искренней болью писали о русской земле. Но ведь и Хатюшин — лирик такого же протестующего типа. Скажу больше: Валерий Хатюшин представляется мне такой же крупной, цельной и душевно трагической фигурой, как Сергей Есенин. Конечно, разные эпохи, разные напевы, но уровень творческого постижения российской действительности и внутренняя гармония, музыкальность стиха — одни и те же.

В.Юдин. Из ваших уст я это доверчиво принимаю, потому что вы и критик и поэт давно устоявшийся и никогда не опускавший планку требовательности.

У нас, в России, зашикано, заплевано **признательное** отношение, особенно когда это касается сугубо русского таланта, к тому же деятельного и развивающегося. Это вопрос не простой, здесь действует агрессивная и наглая русофобия, а также и наша природная скромность или всеядность. Не мы, не русские критики — создатели «обойм». Но, к счастью, все эти «обоймы» давно позеленели и покрылись ржавчиной незначительности, претенциозности, эстрадного балагана. А вообще-то я подхватываю вашу мысль: сегодня в России есть немало русских писателей, которые, не имея шансов прорваться сквозь междусобойный заслон электронных СМИ, постоянно на нас рычащий, могут претендовать на всенародную любовь за свое мастерство, свою стойкость и подвижность. Это богатыри подлинного искусства. Валерий Хатюшин, согласен, — в их числе. Но эта мысль утвердится, вероятно, не завтра.

Э.Скобелев. Причины понятны. И есть здесь один аспект, который мы часто упускаем.

В.Юдин. Какой же?

Э.Скобелев. Я десятки лет изучал идеологию как феномен исторической культуры. Меня интересовало, как все же рождается и крепнет живая патриотическая душа. Существовавший советский железобетон меня не устраивал, потому что я видел, что всех склоняют к промывке мозгов по комиссарским шаблонам, и в результате вырастает бесцветный и трусливый «интернационалист» или наглый и скрытный прилебатель. А душа, готовая бескорыстно служить народу и Отечеству, зарождается по каким-то иным «технологиям». И тут важнее всего начальные импульсы.

Я анализировал сотни конкретных судеб, и только теперь, на закате жизни, понял, что плыл, как и другие, в потоках одури, не понимая глубоко тайных целей наших оппонентов.

Оккультист заведет лживую песню о «четыре поколениях», отторгающих правду отцов, ловкие точильщики человеческих душ пустят еще какую-либо заблуждающую чушь. Но правда, к которой я пришел, состоит в том, что нарождающейся в душе личности необходим яркий, убедительный пример отваги, бескорыстия и народного признания.

В первую очередь, всё это воспитывает семья — мудрый дед, сильный и авторитетный отец, добрая и заботливая мать. Затем — героические предки, а также народные сказки, детские книжки неоспоримых авторов — Пушкина, Жуковского, а также зарубежных классиков, гуманные кинофильмы «золотого советского века», первые учителя с их волшебным авторитетом...

Но вспомните, как всё это упорно выпалывалось! Тихо, почти неприметно, с «научными» выкладками и «обоснованиями» специалистов, «детских психологов» и т.п. Мы не застали начало процесса, но мы застали время, когда русская семья, искореженная шовинизмом властимущих, репрессиями, нищетой, войнами и потерями иного рода, влачила уже жалкую долю. На первом съезде Союза советских писателей до 80% состава, а может, и больше, были люди, никак не связанные с русским национальным сознанием или даже враждебные ему. Вот они прежде всего и бросились «переделывать» русскую душу, разумеется, всем скопом вознамерившись заместить русскую классику своими хилыми, пошлыми, а подчас и сумасбродными поделками.

Вот так и получилось, что предперестроечное поколение гораздо лучше знало развеселого паразита-проходимца Остапа Бендера, чем величественную, но угрюмую душу рыцаря-патриота Тараса Бульбы, рефлектирующих на западный мусор мальчиков с Арбата, чем неукратимого и цельного, но обреченного и обманутого пропагандой мечтателя Павку

Корчагина, галерею смрадных антисоветчиков-зэков Солженицына, чем светлых и гордых героев Шолохова.

А Главлит как уникальная система политической цензуры **скрытно и очень эффективно** противодействовал появлению новых Гоголей, Островских и Шолоховых. Это было одно из негласных звеньев духовного оскотления русского народа, его унижения, оскорбления и выведения за скобки влияния на судьбу созданного им государства.

В.Юдин. Ваши слова впечатляют. О таком ракурсе проблемы я слышу в первый раз и не готов здесь полемизировать с ходу. Действительно, многое было скрыто от народа и вершилось втайне.

Э.Скобелев. И потому я настаиваю на самой высокой оценке творчества Валерия Хатюшина. В лагере приверженцев обвесов и обмеров, попсы и убогих, пошлых поделок нет таких фигур ни по мастерству поэтического письма, ни по высочайшему уровню духовности и ответственности за историческую судьбу русского, российских и других народов мира. Неслучайно он проявил себя и как замечательный переводчик поэзии с европейских языков и народов СССР.

Каждый серьезный прозаик и поэт должен быть прочитан теми поколениями, среди которых он живет. Система ухищрений, скрывающая яркого художника от своих современников и отбрасывающая его в иную эпоху, — это тот же злодейский вариант этнического геноцида.

Посмотрите, последние книги Валерия Хатюшина выпущены тиражом 500 экземпляров. Это говорит обо всем. Великая Россия не может сегодня услышать голоса своих пророков!

В.Юдин. В таком положении теперь практически все прозаики, поэты и критики патриотического направления. Их делают ненужными, их практически затаптывают. Рыночная среда убийственна для высокой русской литературы. Еще три-четыре поколения, и дикость возобладает.

Э.Скобелев. Мы должны, обязаны сопротивляться, категорически не признавая нэпмановского околотитературного жулья. И спорить с ним не надо, надо с презрением отшвырнуть его в сторону.

В.Юдин. Масштаб поэта определяют критики, но доказывает этот масштаб жизнь народа, роль творчества в национальной жизни. Но, конечно же, наши критики должны быть более мобильными, более ответственными и более смелыми, когда на наших глазах происходит трагическое разъединение поэта с многомиллионной аудиторией.

У меня свое прочтение Валерия Хатюшина. Но я невольник своей профессии с ее условностями и дефинициями. А

вот ваше прочтение мне очень интересно, поскольку оно свидетельствует и о ваших устремлениях как прозаика и поэта, тем более что у вас свой путь движения к истине.

Э.Скобелев. Да, любое свое утверждение я готов доказать. Но только тем, кто способен воспринимать доказательства, кто не сгнил и не отрухлявел от ядовитой химеры собственной «уникальности».

Истинный талант быстро взрослеет. И его судьба всегда содействует вызреванию личности. Какой бы ни была судьба. Я хорошо чувствую и цельность, и значение Валерия Хатюшина для судеб русского общества. Во-первых, он обладает совершенным музыкальным и, что не менее важно, нравственным слухом. При всем том в нем нет вычурности, театрального академизма. Во-вторых, он несет в себе классическую русскую традицию. Он разносторонен, философичен, виртуозно владеет русским словом, его чувства возвышенны и совершенны. В-третьих, как всякая героическая фигура, он сам взвалил на свои плечи крест ответственности перед страной и народом. Нигде не сдрейфил, не поддался даже временно наскокам недругов. И без ослепляющей мстительности и унижающей злобы — полемизирует со своими оппонентами. И правда на его стороне. В нем явственно проследживается мощное есенинское начало, которое я назвал бы народностью, привязанностью к земле, к природе, к условиям национального бытия.

В.Юдин. Вы сказали о тех чертах, свойствах, приметах поэзии Хатюшина, которые поднимают его на высшую планку творчества. Это все так, но мне этого мало.

Э.Скобелев. Это понятно. Вы стремитесь к абсолюту. Это и достоинство и слабость всех настоящих профессоров: желать полной истины, зная, что она неисчерпаема и задыхается под горами конкретики. Но я иду вам навстречу.

В ранних стихах Хатюшин повторяет традиционные сюжеты. Это разбег перед прыжком. Но потом вы уже не можете отделаться от чувства, что его творчество — оригинально и значительно. Вот для примера его строки, которым суждено стать частью хрестоматийной русской поэзии:

*Три главных печали на свете:
родиться, прожить, умереть.*

*Где красоту в холодный мрак ввергают,
там лёд и тлен зовутся красотой.*

*Всё, к чему мы сегодня пришли,
не простят нам печальные дети.*

*Поэт с собой уносит тяжесть
поруганного идеала...*

*Лишь та душа достойна совершенства,
что в этот мир приходит для страданья.*

*Не будет нам высшего в жизни прощенья,
покуда мы трусость прощаем себе.*

*Есть народ и земля, и Россия,
остальным же — пора помолчать...*

*Бойцам ниоткуда не взяться,
коль сами страну не спасем.*

*Ни о чем грустить не надо.
Жизнь моя — в моих руках.*

*Тайны сущего, даже случайно
не раскроет никто никогда.*

*Убивает собственную душу
даже самый маленький обман.*

*Мы привыкли к великим изменам,
к лживой жвачке газетных страниц.*

*Нас образумит, может быть,
лишь тьма невысказанных трагедий.*

*Впереди — мертвящие холода.
Вот мы и приехали. В никуда.*

*И ждать ли Божьей благодати
стране, торгующей детьми?*

*Наше горе не от войны,
наше горе — от мира с врагами.*

*Скоро и сам я как дождь и как ветер
буду в родной стороне...*

Я мог бы процитировать в несколько раз больше строк, выдающих духовный мир поэта, поднявшегося над эпохой и тем самым получившего нравственное право судить ее и су-

дить о ней. Но хочу полностью привести стихотворение «Соблазн», написанное им десять лет назад, в 1991 году, и говорящее о глубине поэтического мышления:

*Не ищите свободу, ищите себя.
Никому не доступна свобода.
Словно солнце, она обожжет, ослепя...
И не будет иного исхода.*

*Есть надежное, главное право — в себе.
Не гоняйтесь за призрачной тенью
бесприютной свободы. В унылой борьбе
не найдется дороги к спасенью.*

*Только там, в глубине одинокой души,
всем дарована мудрая воля.
Суть ее в беспокойной подлунной глуши
познают единицы, не боле.*

*Но спасительный путь есть для всех на земле,
он указан доверенно свыше:
усмиряющий дух свой в сердечном тепле —
будет к Богу и к истине ближе.*

*Мы еще не забыли с природой сродства,
и дарованы нам от рожденья
в бесконечных сплетениях тайн естества
и чутье, и минуты прозренья.*

*Так чего же еще и свободы какой
добиваться под солнечном небом?
Но опять и опять наши душевный покой
соблазняют отравленным хлебом...*

Свобода есть только внутри нас. Но при одном условии: если мы ее чувствуем и знаем ей цену. Трагическая нота в творчестве Хатюшина вибрирует постоянно. Это человек большой воли и мужества, но он часто незащищен. И это меня заботит.

В.Юдин. Человеку его склада, его таланта и его доброты в такое время, как теперь, порой кажется, что все сказанное и сделанное было напрасным, что все изменили сами себе и что утешения нет. И всё же скажу как человек не менее битый судьбою: всё было не напрасно, и наши потери компенсированы духовными подвигами современников, и потому мы

имеем такого могучего русского поэта, который необходим всем нам и сотням будущих поколений русских людей.

Жить нынешнему человеку столь трудно еще и потому, что он уже не хочет сопротивляться. И тонет в быте или погибает физически. Но сопротивление спасительно. В нем — вопреки всему — свой Божественный смысл. И все же надо уметь отстраняться от нашей жестокой действительности. Надо уметь оставаться одному, тихо, спокойно говорить с самим собой или с природой, например.

Э.Скобелев. Хороший совет. Иногда, чтобы увидеть новую перспективу, надо посмотреть на себя со стороны. Валерий Хатюшин это умеет делать, но он постоянно вовлекается в события, не щадя ни себя, ни оппонентов.

Вечный бой с врагами России, о котором говорил Блок, — это выбор крупных и цельных натур. Другие делают свой ничтожный бизнес, вечно дрожа и боясь, как бы московский Рокфеллер или санкт-петербургский Морган не прикрыли им кредит, — разве могут они проявить волю? Но истинный поэт живет наедине со своей совестью, душой и жалостью к ближним.

В.Юдин. Большой корабль, если не сманеврирует, разобьется о причальную стенку. Так и большой талант, главное в котором — особенно в годы бедствий Отечества, — осмотрительность и мудрость. Хатюшин — цельная и справедливая душа. Он не злоупотребляет своим даром, не впадает в нетерпимость, проявляя поразительные для своего мировоззрения твердость и ясность ума.

Я хотел бы процитировать кое-что из своего интервью с ним. Я задал ему вопрос: *«В либеральной печати вам то и дело навешивают ярлыки: «антисемит», «шовинист»... Я знаю вас не один десяток лет, хорошо знаком с вашим многогранным творчеством, а потому решительно отвергаю эти оскорбительные гнусности. Однако есть смысл остановиться на пресловутом «антисемитизме», ибо подобному шельмованию подвергаются многие другие русские патриоты, против которых применяют 282-ю «русскую» статью УК РФ».*

И получил ответ: *«Русскому писателю чужда любая фобия. К тому же антисемитизм — есть оборотная сторона сионизма, что множество раз показано и доказано как русской, так и прогрессивной зарубежной печатью. Идеологи и практики сионизма целенаправленно вскармливали и внедряли т.н. «антисемитизм» в общественное сознание для того, чтобы притесняемые евреи со всего мира выезжали в «землю обетованную» с целью создания там еврейского государства — по типу расистского. Собственно, с помощью внедренного ими по всему миру «антисемитизма» это государство и было создано.*

Лидеры сионизма заключили тайный договор с Гитлером о лишении евреев гражданских прав в Германии, чтобы те «охотнее» выезжали в Палестину, за что нацистская Германия получила огромную финансовую помощь со стороны международных сионистских организаций. Я здесь не открываю никакой Америки. Эти факты неоднократно освещались в печати. Например, в книге Л. Корнеева «Классовая сущность сионизма» и в работе В. Кожина «Германский фюрер и «царь иудейский». Так что мне всегда смешно слышать это глупое выражение: «Данный писатель — антисемит»... Уж кто-кто, а русские люди терпимее всех в этом мире к представителям других национальностей».

Э.Скобелев. И тем не менее, Хатюшина, как и многих других талантливых русских и не только русских писателей, постоянно шельмуют и психически атакуют, как атаковали Сергея Есенина, хорошо осознававшего подоплеку Октябрьского переворота. Я читал документы о том, как преследовали и морально истязали Есенина. Ему не раз угрожали тюрьмой. Точно такие же методы применяются ныне и против журнала «Молодая гвардия», который возглавляет В.В. Хатюшин.

В.Юдин. А сколько недоброжелателей, сколько бездарных завистников и подловатых распространителей сплетен среди своих же, среди вроде бы русских!.. Но это неизбежно для крупной личности, большой поэт и через это должен пройти. И Валерий Хатюшин прошел достойно, хотя мы можем только догадываться о его душевных переживаниях. Мало ему подлости откровенных врагов, мало ему постоянных вызовов в прокуратуру, так еще и свои же строят козни, множат ненависть, добавляют злобную клевету и ехидство.

Э.Скобелев. Это, несомненно, самая отвратительная мерзость во все российские времена. Но вот в «либеральной» газетёнке «Авив», выходящей в Беларуси, некий автор, публикуя «Заметки о «еврейской теме» в русской литературе», напрочь лишенный, впрочем, нравственного слуха, пишет о том, как живущий в США «исследователь» Семен Резник якобы установил, что книга В.И. Даля о ритуальных убийствах — фальшивка и составлена совсем другим человеком. И далее, выдавая солидарные связи своего междусобойчика, этот автор заявляет: «С.Резнику сообщили из Москвы, что некто Валерий Хатюшин защищает от него В.И. Даля в газете «Московский литератор». Даю справку. Некто Хатюшин — это заслуженный «молодогвардейский» сталинист-антисемит со стажем...» При чем они напрочь лишены чувства языка: с

одной стороны — «некто», а с другой — «заслуженный»... Но самое их любимое занятие — навешивать ярлыки на всех, кто высказывает иное мнение.

Я не случайно сравнил судьбы Валерия Хатюшина и Сергея Есенина. Я отчетливо увидел их трагическое родство.

*Мы в России еще остались,
нас к земле не смогли пригнуть...
Часто лиру мою пытались
задавить, придушить, заткнуть.
Но стихи, все пробив заслонки,
над страной летят, звеня!
Будут бездари и подонки
ненавидеть и клясть меня.
Будут злоститься, точно черти,
к жгучей боли моей глухи.
Но запомнит меня до смерти
тот, кто слышал мои стихи.*

(Январь 2008 г.)

Чувствуете переключку?

В.Юдин. Да, конечно. На мой взгляд, разговор у нас получился интересным. И все же, мне кажется, говоря о поэте, мы, наверное, кое-что упрощаем. Поэт всегда гораздо глубже и значительнее, чем его интерпретация. Ведь мы имеем дело одновременно с очень глубоким, очень душевным лириком и хлестким, жёстким, по-граждански бесстрашным поэтическим трибуном. Как это удастся соединить в одном сердце?

Э.Скобелев. Это и есть бесконечная тайна таланта, тайна творчества. И слава Богу, что поэты такого масштаба рождаются на Руси! Но мы ничего не упростили. Мы только ограничили наше рассмотрение рамками нынешней борьбы идеологий и нравов. Только сам поэт знает ответ на этот вопрос. И в силу своего душевного прозрения он способен сказать то главное, ради чего пришел в этот мир и что необходимо услышать каждому из нас.

В.Юдин. Согласен. И лишь добавлю: каждая крупная личность в русской литературе, когда она верна классической традиции, говорит языком, понятным и близким всем честным, всем искренним людям на нашей земле.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ*

2011 год
(*Январь — апрель*)

Ровно 25 лет назад 5 января 1986 года я принял таинство крещения.

Наверное, у каждого православного русского есть **своя** церковь, с которой связано что-то очень дорогое и памятное. У меня тоже есть такая в подмосковном селе Отрадное, где четверть века назад я был крещён уже будучи взрослым у знакомого батюшки — отца Валериана. В детстве меня не крестили по идейным соображениям родителей. И сам я долгое время был атеистом, пока душа моя не открылась Богу после прочтения Евангелия, подаренного мне неграмотной бабушкой, жившей в деревне Починки. Я понимаю, что это не могло произойти вдруг — видимо, душа была уже к этому готова, и нужен был какой-то толчок, чтобы она моментально прозрела. Вот дореволюционное Евангелие и стало этим толчком.

Но сознание того, что я не крещен, меня долго мучило. И вот наконец я решился на это. Мы заранее договорились с отцом Валерианом, и ранним утром самой первой электричкой я выехал из Москвы вместе со знакомым поэтом, который стал

Начало: №10 за 2008, №7-8 за 2010, №7-8 за 2011

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

моим крестным. Мы приехали на станцию Отрадное еще затемно и километра два шли пешком по тропинке в снегу до церкви. Было очень морозно, хотя и безветренно. В храме мы отстояли утреннюю службу, и затем, когда все прихожане разошлись, начался обряд моего крещения. В храме остались только отец Валериан, его помощник, мой крестный и я. Больше не было ни души. Хотя мог зайти любой человек. Со мной одним проделали весь этот обряд. Я исповедовался за всю жизнь. Меня одного водили в алтаре вокруг распятия, над одним читали молитвы, одного ставили во взрослую купель, раздетого, посреди храма, и обливали святой водой. Все это длилось долго, уже не помню сколько, наверное, около двух часов. Потом надевали на меня белую чистую рубаху одновременно с крестиком. Состояние торжественности было необыкновенное, незабываемое. И главное, то, что это происходило накануне Рождества!

Но самое удивительное, чего я никогда больше не испытывал, было потом, когда мы с крестным вышли из храма. Сияло необыкновенно яркое солнце, ослепительно блестел снег, и я под собою не чувствовал земли. Пока мы шли два километра до станции, я в реальном смысле этого слова не шел, а парил над землей. Я не чувствовал своего веса, как во сне, как в невесомости. Это, видимо, душа парила и увлекала меня за собой. Я вообще не помню, как до дома добрался, и весь день был как блаженный — с сияющей от счастья физиономией. Такого состояния у меня в жизни больше никогда не было, даже когда родилась дочь. Как будто это я сам на свет заново родился.

Потом на праздник Крещения я вновь был в этом храме на службе у отца Валериана. И он показал мне связку веток вербы с раскрывшимися лохматыми почками. Это в январе! Я подумал, что она в храме, в тепле распустилась. Но оказалось — на морозе, возле храма, я увидел это своими глазами. Батюшка сказал, что каждый год на Крещение она распускается. Это было настоящее чудо!

Несколько центральных областей России, в том числе и Московская, встретили Новый год без света, воды и тепла. Более недели жители многих деревень и поселков жгли свечи, а кто-то и лучины, т.к. в их магазинах все свечи были раскуплены. Вот так «нанорука Чубайса» загоняет нас не только в рабовладельческий, но уже и в каменный век.

Как поведал Д.Медведев в своем блоге на Твиттере, он 12 декабря 2010 года, т.е. на следующий день после многоты-

сячного восстания молодежи у стен Кремля, побывал на концерте и «три часа наслаждался живым пением» английского (живущего в США) попсового гомика Элтона Джона. И только 13 декабря он обозвал русскую молодежь фашистами, отщепенцами и бандитами, «гадившими на Манеже». Ну какое еще могло быть отношение к восставшим детям у этого «российского президента» после подобных «наслаждений» от иноземной попсы?..

Путин же в это время сам распевал американские шлягеры перед зарубежными гостями.

Любители пения...

3 января в Ингушетии православный храм был обстрелян из гранатомёта. А в Москве утверждают решения о строительстве новых мечетей. Это и есть политика демократической толерантности.

Все, кто читал книгу «12 стульев», помнят страстный монолог великого комбинатора перед наивными жителями Васюков. Этот пафосный монолог вызывал у читателей искренний смех. Но разве не напоминает он нам что-то очень близкое?.. В год очередных парламентских выборов хочется процитировать уже позабытые декларации т.н. «партии власти» из ее манифестов к выборам в ГД РФ 2003 года:

«...В 2004 г. каждый житель России будет платить за тепло и электроэнергию в два раза меньше, чем сейчас. В 2005 г. каждый гражданин России будет получать свою долю от использования природных богатств России. В 2006 г. у каждого будет работа по профессии. К 2008 г. каждая семья будет иметь собственное благоустроенное жильё, достойное третьего тысячелетия, вне зависимости от уровня сегодняшнего дохода. К 2008 г. Чечня и весь Северный Кавказ станет туристической и курортной «Меккой» России. К 2010 г. будут построены транспортные магистрали Санкт-Петербург—Анадырь, Токио—Владивосток—Брест и другие... Скажете, что этого не может быть? Это будет! Мы — партия «Единая Россия» — сделаем это! Тысячу лет Россия была основным элементом мировой политики и экономики. Скажете, что в стране упадок и это никогда не повторится? У нас есть общественные силы, готовые поддержать возрождение России. Мы на пороге взрывного роста национальной экономики, и мы сделаем этот шаг. Через 15 лет Россия будет лидером мировой экономики и политики. И весь мир на это посмотрит...»

И далее — в том же остапобендеровском духе. Хотя до такого юмора даже Ильф с Петровым вряд ли бы додумались. Кремлевские имиджмейкеры явно заслужили литературного «Букера» в номинации «фэнтэзи».

В конце концов даже наивные и доверчивые жители Васюков афериста и мошенника побили...

И впрямь: чего ни наговоришь, когда очень хочется денег и власти...

* * *

Никто из депутатов от КПРФ не проронил ни слова в осуждение ареста В.В. Квачкова. И это говорит о многом. Компартия чуждо русское национальное движение, ей не нужен наш национальный подъем, потому что, по ее разумению, это движение и этот подъем будут всё активнее ориентировать русский народ на свои национальные интересы, и компартия, ориентированная на интернационал, будет всё более и более терять свой т.н. «электорат». Лидеры коммунистов опасаются Квачкова гораздо сильнее, нежели торчащих на экране либеральных болтунов.

* * *

В столице 7 января уроженцами Дагестана был жестоко избит спортивный комментатор телеканала «ТВ Центр» Дмитрий Дерунец. В результате ничем не спровоцированного избиения он получил черепно-мозговую травму, вызвавшую сотрясение мозга, перелом костей лица и множественные ушибы. Журналист оказался в Институте скорой помощи имени Склифосовского. Как выяснилось, «гордых кавказцев» было 12 человек, и все они, как обычно, с места преступления бесследно скрылись. А в сообщениях СМИ, само собой, их национальность благоразумно не указывалась.

Совсем немного прошло времени после телевизионных заверений министра МВД Нургалиева и президента Медведева в том, что они не допустят в Москве этнического бандитизма. Впрочем, под этническим бандитизмом они, как мы понимаем, подразумевают исключительно русских «экстремистов и фашистов»...

А черный террор гуляет по стране, как ни в чем не бывало.

* * *

Таковы цифры транспортного налога для российских регионов на этот год:

для Чечни — 1505 руб.;

для Дагестана — 1720 руб.;

для Ингушетии — 3225 руб.;

для Москвы — 12 900 руб.;

для Московской области — 13 975 руб.;

для остальных русских областей от Санкт-Петербурга до Приморского края: — 16 125 руб.

11 января к Кремлю стянули десятки грузовиков и автобусов с ОМОНОм. Были перекрыты доступы ко всем близлежащим площадям, в том числе, конечно, и к Манежной. Но никто из националистов и «погромщиков» сюда не заявился. Эта власть, как обычно, готовится к вчерашней войне...

Первые симптомы медведевской «модернизации» — в январе месяце полстраны сидело без света.

В XX веке для России были созданы три глобальные катастрофы: катастрофа Гражданской войны, катастрофа Отечественной войны и катастрофа ельцинизма. От первой и второй Россию спас Сталин. Третья перешла на XXI век.

Сванидзе в своей телепередаче «Суд времени» больше не устраивает голосования телезрителей в прямом эфире. Испугался демонстрации ненависти населения к себе и к своей лживой демагогии — до такой степени демонстрация эта была прямо-таки убийственной по отношению к политике режима, которую он, Сванидзе, выражает на экране.

Вот уровень мышления нынешней власти: Д.Медведев, видимо, после долгих раздумий «глубокомысленно» заявил, что нашему государству всего 20 лет.

Давно ли историю России отсчитывали с 1917 года? Но для демократических мозгов, оказывается, и этот срок истории уже устарел. По их новым подсчетам, нам не более 20 лет... Похоже, кремлевские «мыслители» до этого двадцатилетия жили в какой-то другой стране. Но возникает недоуменный вопрос: с какой стати они два раза в году стоят со свечками в православном храме? Наверное, им никто до сих пор не объяснил, откуда это вдруг в двадцатилетней стране взялось Православие...

Демократия впервые зародилась в Греции во времена рабовладельчества. И это, по всей видимости, не случайно.

Похоже, существует какая-то естественная, нерасторжимая, прямо-таки родовая связь между рабовладельчеством и демократией...

Не потому ли с внедрением у нас демократии мы всё чаще и чаще сталкиваемся с фактами реального рабовладельчества?

* * *

Если даже *эта власть* в конце концов заговорила о русских проблемах, это означает, что дела у русских совсем плохи.

* * *

По всем опросам и интернет-голосованиям, более 70% участников высказываются за удаление Ленина из Мавзолея. И это действительно вполне реальная цифра. Народ уже и впрямь созрел до осознания необходимости избавления от чудовища, монстра, антихриста, лежащего в сердце России.

Ленин — это кашеева игла, пронзившая тело и душу русского народа. Вырвав эту иглу из себя, народ и страна сбросит ярмо сатаны, и только тогда мы сможем победить кашеево царство, опутавшее нас своими ядовитыми щупальцами.

* * *

Новые, вернее, очередные последствия толерантности. 24 января кавказский смертник с криком «Вам всем конец!» подорвал себя в аэропорту «Домодедово». 35 погибших и более 130 раненых.

После взрывов в метро в прошлом году я спрашивал в «Протуберанцах»: много ли нам дадут времени, чтобы отдышаться до следующих терактов. Оказалось, немного.

* * *

Власть, наводнившая столицу кавказско-азиатскими толпами, и не подумает избавить нас от этой напасти. Она будет и дальше жестоко подавлять лишь тех, кто, по словам Медведева, «гадил на Манежной». Но смертной казни террористов как не было, так и не будет.

Похоже, кавказский **черный террор** в какой-то мере даже выгоден силовым структурам — самый верный повод лишний раз пошерстить «разжигателей межнациональной розни», то бишь русских *«фошистов»*, и на этом выслужиться.

Со стороны населения — гробовое молчание. Запуганность властью, запуганность чернотой и патологический эгоизм: мол, меня не коснулось — и ладно. Да, сегодня не коснулось... Но после взрывов в метро в прошлом году так думали и те, кого сегодня **коснулось**.

«Либеральные» СМИ мгновенно загалдели о том, что терроризм не имеет национальности. И одновременно начали вбрасывать ложную информацию о причастности к преступлению «русского» ваххабита по фамилии Раздобудько.

В Интернете проскочил вопрос: «Почему не каждый день?» Вопрос логичен. Ничто не мешает им делать это каждый день.

По первому телеканалу вечером после теракта — веселенькое шоу под названием «Давай поженимся!». И по всем каналам ТВ и радио — разухабистая реклама. На нее никакие теракты не действуют. Деньги важнее всего.

Как выяснилось, в декабре 2010-го линейную милицию в аэропорту «Домодедово» сократили более чем наполовину, а оставшуюся вывели за штат. Все жалобы милиционеров в прокуратуру и лично премьеру остались без ответа.

Отставка Нурғалиеву, конечно же, не грозит.

Глядя на суматошные «усиления мер безопасности на транспорте», можно не сомневаться, что новые взрывы в Москве не за горами. И есть только один-единственный способ их избежать. Какой? Это известно каждому.

Ни «либеральные» СМИ, ни власть ни разу не назвали фашистами или нацистами кавказских террористов. В фашистах и нацистах у них пребывают только русские, никогда не совершавшие никаких терактов — даже в ответ на нескончаемое зверство вечно обиженных «детей гор».

В день траура по погибшим в Домодедово Медведев поехал в курортный Давос на экономический форум. Выступил с пустой демагогической речью. Оправдывался за провалы в экономике России. Более того, объявил, что теракт в Домодедово был совершен, чтобы сорвать его визит в Давос...

Вполне логичный исход для искусственной, бескультурной «нации» — решением Госдепа США американцы с этого года отказываются от употребления слов «отец» и «мать». Отныне своих родителей они будут называть «первый» и «второй». И дегенеративная «нация» согласилась с этим, чтобы не обижать однополых ублюдков, пожелавших приобрести приемных детей.

Американский монстр первым открыто встал на службу дьяволу. Значит, первым и погибнет. И ведь никаких протестов в Америке ни от кого не слышно. Должно быть, скоро они и детей начнут так же называть: не сын или дочь, а «первый», «второй» или «старший», «младший»...

Хотя надо понимать, что еврейское лобби в правительстве США подало сигнал остальным странам. Через какое-то время эта инициатива доберется и до стен Кремля.

Русских заставили силой отречься от царской России и построить Советский Союз. И они его построили, отдав ему свою творческую энергию, наполнили его своей духовностью и отстояли в мировой войне. Русские подняли другие народы СССР до своей культуры и своей великой истории. Эти народы, соприкасаясь с русскими, учась у них, напитываясь их высокими идеями и стремлениями, постепенно дорастали до их уровня и сами становились почти что русскими. Это и бесило наших врагов. И русских вновь обманом, коварством и силой заставили отречься от союзного государства. Но строить то, что им предлагает новая власть, они теперь не хотят. Вот потому-то у этой власти ничего и не выходит, потому-то она терпит провал за провалом. Нет у этой власти духовного единства с русским народом. Возрождение сильного государства возможно только при власти, обратившейся с искренними, понятными всем словами к русской душе.

Отпавшие от нас азиатско-закавказские народы навсегда утратят ту духовную высоту, к которой по высшей милости они ненадолго прикоснулись за время союзного с русскими государства. Они не смогли оценить этой высшей милости, используя ее лишь в корыстно-эгоистических целях. И потому возврата к тому, что они имели, для них не будет.

И все же новый Союз возможен и исторически необходим.

Воссоединение Украины, Белоруссии и Казахстана с Россией неизбежно. Но только тогда, когда их народы сами всем сердцем возжелают воссоединения с русскими. Не знаю, доживет ли мое поколение до этого. Хотелось бы дожить. Но в любом случае объединение неизбежно. По разным опросам, более половины населения этих республик хотят жить в едином государстве. Оно, судя по ответам простых людей, — самая сильная их мечта.

Насколько же прав был Сталин, когда говорил: чтобы объединиться, надо разъединиться.

Передачу «Суд времени» окончательно закрыли. Этот либеральный проект провалился по всем статьям. Власть и ее клеветы поняли, что сама эта передача сработала против них и что обмануть мыслящую часть населения им не удалось.

Всем слишком оказалась видна цель власти и цель данной передачи — цель подлая, лживая и морально нечистоплотная. «Суд времени» показал, что даже 20 лет оболванивания не сломили русское сознание и не убили русскую душу.

* * *

Т.н. «толерантность» — это внедряемая властью идеологическая диверсия по отношению к русским, которых терроризируют выходцы с Кавказа. «Толерантность» и черный террор — звенья одной цепи, предназначенной для сковывания и порабощения русских жесточайшей либеральной диктатурой.

* * *

Вот на сегодняшний день два главных вопроса, стоящих перед нами: или Медведев с Путиным прекрасно понимают то, что происходит в России, и сознательно продолжают этот разрушительный абсурд, или до них никак не дойдет, что политическая и псевдоэкономическая система, внедренная здесь 20 лет назад, на Россию не работает и не может работать в принципе ввиду ее чужеродности основной части народа и всей стране. На эти два вопроса пока точного ответа нет. Но совершенно ясно каждому разумному человеку: сколько бы они (Медведев с Путиным) ни шарахались от одной нежизнеспособной идеи к другой такой же мертворожденной, результат будет стабильно неизменный — ухудшение жизни населения.

* * *

Новая учебная программа для средней школы, разработанная Министерством образования во главе с Фурсенко, исключает из обязательных предметов русский язык, литературу, математику и историю. Один из этих предметов ученик сможет выбрать для изучения по своему желанию. А может и не выбирать. Главным предметом будет физкультура. И это очень логично. В самом деле, зачем *этой власти* грамотные люди? Ей нужны дебиловатые, но физически развитые лохи, умеющие расписаться и прочитать вывески на улицах и в магазинах. Похоже, эта программа списана с гитлеровской, предназначенной для оккупированного населения СССР.

* * *

Даже Путин выразил недоумение, обратившись к Фурсенко на совещании кабинета министров: «Если в вашей образовательной программе главный предмет физкультура, то это выглядит, по меньшей мере, странно...» Однако странно не это, а то, что он до сих пор держит возле себя министра-деге-

нерата. Хотя, надо согласиться, убрать Фурсенко, как и Чубайса, он и впрямь не может. И они выполняют указания других, не подвластных Путину инстанций.

А вот Медведев всё мечтает о каких-то «инновациях» в науке...

* * *

Власти думали, думали и придумали. Мало того, что у нас всех, живущих в России, отняли обозначение национальности, так теперь нам всем хотят насильно навязать новую национальность, которой никогда ранее не существовало. Теперь по желанию власти мы все должны получить официальную, закрепляемую документально **национальность** «россияне». И ведь понятно, что добивались этого и будут этому рады лица только одного-единственного некоренного этноса.

* * *

Каждый номер журнала «Молодая гвардия» — это информационная бомба. Но подавляющая часть населения об этом не только не имеет представления, но и знать не желает.

* * *

Пришла пора четко понять и до конца осознать: в 1917 году никаких т.н. «русских революций» не было — ни в феврале, ни в октябре. Были два государственных переворота, к которым народ России не имел никакого отношения. Один — чисто мажонский, другой — не буду уточнять, все сами знают, какой.

Настоящая, подлинная революция происходила в России в течении 10 лет — с 1927-го по 1937 год. Во главе ее стоял Сталин. И эту революцию народ поддержал. Поэтому не надо путать псевдосоветскую власть этнических террористов и государственных преступников Свердлова—Ленина—Троцкого—Дзержинского с истинно советской властью Сталина. Первая страну разрушала и уничтожала физически. Вторая ее возрождала и создавала заново. Именно по этой причине на Западе был вскормлен Гитлер, вооружен и со всей европейской мощью брошен на нас. (Именно по этой причине Европа за последние 20 лет пересмотрела и ликвидировала итоги Второй мировой войны.)

Настала пора со всей ясностью констатировать, что в XX веке была только одна **реальная великая революция** протяженностью в десять лет — революция Сталина, которую он подготовил и осуществил в конце двадцатых и в тридцатые годы.

А идея «десталинизации» — соответственно, опять же чисто этническая, преследующая цель разворота и увода России к ситуации 1917 года. Именно по этой причине нынешняя власть, борясь со сталинской советской властью, не тро-

гает памятники Ленину и сохраняет его труп в мавзолее. *Эта власть* — его наследники и ученики.

Обвинение русских в фашизме и нацизме — это и есть самое неприкрытое и самое наглое разжигание межнациональной розни.

18 февраля в Кабардино-Балкарии на федеральной автодороге расстрелян автомобиль с пятью туристами из Москвы. Четверо погибли на месте, один тяжело ранен.

В этот же день, там же, в Приэльбрусье, были подорваны две опоры канатной дороги (недвусмысленный намёк на Сочи 2014 года).

Вечером 25 февраля несколько групп боевиков атаковали столицу КБР Нальчик. Было обстреляно из гранатометов здание местного УФСБ и два поста ГАИ. Кроме того, произошел взрыв на территории ведомственного санатория ФСБ. Боевикам удалось скрыться.

Бандиты на Северном Кавказе орудуют открыто, ничего и никого не боясь. А министр МВД Нургалиев по ящику рассказывает о нормализации криминальной обстановки в стране.

Терроризм расползается по всему Северному Кавказу, превращаясь в повсеместную, откровенную партизанщину. Никакое задабривание, никакая «толерантность», никакое вбухивание в Кавказ баснословных денег (в ущерб другим регионам России) не изменят там ни нынешней ситуации, ни менталитета местного населения. Тот путь, которым идет на Кавказе федеральная власть, — тупиковый. Необходимо изменение **всей** политики государства и **всей** системы жизни в России. И начинать надо не с Кавказа. Но люди, сидящие в Кремле, на эти изменения не способны.

В конце февраля заместитель директора ФСБ В.Ушаков заявил в СМИ о том, что прокуратура и ГУВД Московской области крышуют нелегальный игровой бизнес во всех городах Подмосковья. За что тут же Д.Медведевым был отправлен в отставку. Когда же Следственный комитет России попытался завести на этих прокурорско-милицейских крышевателей уголовные дела, им на выручку кинулся глава прокуратуры Московской области А.Мохов, являвшийся на тот момент заместителем генпрокурора РФ.

Т.н. «борьба с коррупцией», о которой неустанно заявляет Д. Медведев, уперлась непосредственно в верхушку «правоохранительных» органов, где эта самая коррупция процветает во всей своей красе. Нам случайно приоткрыли лишь краешек общего демократического гнойника, поразившего всю Россию снизу доверху, приоткрыли — и сами испугались реальности.

Медведев на встрече с руководителями силовых структур спросил генпрокурора Ю. Чайку: «Кому принадлежит аэропорт «Домодедово», кто его хозяин?». «Не знаю», — последовал ответ генпрокурора. Зато он хорошо знает, что нужно делать с теми, кто пишет правду об этой насквозь прогнившей системе существования.

Как сообщили все центральные СМИ, в коррупционных связях нелегального игрового бизнеса и подмосковной прокуратуры замешан сын генерального прокурора Артём Чайка.

* * *

После поражения в декабре 2010 года в Белоруссии американо-израильская закулиса отыгралась в Северной Африке. Точно по тому же сценарию, что и в Минске, она спровоцировала мятежи в Тунисе, в Египте и в Ливии. С помощью тщательно разработанных интернет-технологий и подготовленных агентов-провокаторов под видом «народных революций» она устроила там кровавые уличные столкновения, в результате чего были устранены от власти лидеры Туниса и Египта — Бен Али и Мубарак, а в городах Ливии невесть откуда взявшиеся «повстанцы» развернули настоящие боевые действия против регулярной ливийской армии. Тут же была попытка устроить нечто подобное в Иране и Северной Корее. Однако там пока эти номера не проходят. Но механизм т.н. «цветных революций», как мы видим, отработан четко и будет запущен в любой точке земного шара, где американо-израильская, а точнее говоря, сионистская голова сочтет нужным и своевременным его запустить. И цель этих переворотных технологий заключается даже не в том, чтобы мгновенно сменить власть в той или иной стране, а в том, чтобы разжечь в них национальную или социальную ненависть, устроить хаос во всех сферах жизни, спровоцировать столкновение уличных масс между собой, с полицией, с армией и пролить большую кровь, вызвав тем самым всеобщую неразбериху и экономическое обрушение. И вот тут-то для американо-израильской олигархии наступает самое желаемое, самое излюбленное время ловли золотой рыбы в мутной воде. В Северной Африке этой золотой рыбой является нефть.

Прежде чем ставить памятник Ельцину а Екатеринбургe, было бы очень полезно Медведеву ознакомиться с документами по импичменту, подготовленными депутатами Госдумы в мае 1999 года с целью отстранения от президентской должности этого свердловского держиморды.

После футбольной «игры» «команды Кадырова» со сборной Бразилии, проведенной в Грозном в этом году, нормальный народ должен был взорваться от возмущения. Это с одной стороны. Но с другой — при нормальном народе подобное бесовестное действие просто не могло состояться. А с третьей стороны, все без исключения видят, какими деньгами завалена Чечня — их там девать уже просто некуда. Так Кремль пытается откупиться от чеченского терроризма. Но, самое главное, все равно откупиться не удается.

Участник данного кадыровского пошемища бразилец Раи у себя на родине дал интервью, в котором сказал, что ему было стыдно за это «шутовское позорище».

В российском правосудии и впрямь «закон что дышло...» В нём совмещаются до абсурда несовместимые факты применения наказаний.

В конце прошлого года гастарбайтер, нелегально прибывший в Россию из Таджикистана, угнал «МАЗ», выехал на встречную полосу федеральной трассы и на всем ходу врезался в легковой автомобиль, в котором находился главком ВДВ генерал Шаманов. В результате один человек погиб и трое, включая Шаманова, получили тяжелые ранения. Суд, состоявшийся в марте этого года, приговорил таджика, виновного в нескольких уголовных преступлениях, к шести годам пребывания в **колонии-поселении**, откуда тот скорее всего выйдет после отсидки половины полученного срока.

И как тут вновь не вспомнить Александра Копцева, пришедшего в синагогу, избитого там и осужденного за это на **16 лет заключения строго режима?**

Указания по закручиванию законодательных гаек по отношению к русскому национально-патриотическому движению идут со стороны Д.Медведева. Но что симптоматично: одновременно с этим тот же Медведев инициирует т.н. «гуманизацию» уголовного законодательства по отношению ко

многим категориям уголовных преступлений — убийствам, грабежам, мошенничеству, экономическим преступлениям и т.п. Из тюрем будут выпущены десятки тысяч уголовных преступников, чтобы их место заняли десятки тысяч, осужденных за свои политические убеждения и нравственные позиции.

* * *

В феврале этого года премьер-министр Японии Наото Кан на весь мир объявил четыре острова Курильской гряды временно оккупированной Россией территорией, принадлежащей Японии. Столь нагло японские официальные власти еще не действовали. И наглость эта была так же **публично** поддержана Вашингтоном.

Сразу после этого перед нашим посольством в Токио японские реваншисты подожгли и растоптали российский флаг, а в само посольство по почте ими была отправлена пуля от винтовки времен Второй мировой войны. Когда же наш министр иностранных дел потребовал извинений от официальных японских властей за надругательство над российским государственным флагом, премьер-министр Наото Кан заявил, что не видит в этих действиях ничего предосудительного.

В прошлом году весь мир увидел, что случилось с президентом Польши Л. Качиньским после его наглых, бесцеремонных, русофобских высказываний.

В марте этого года Япония подверглась серии страшных подземных ударов (до 9 баллов). Вслед за ними последовали разрушительные цунами, затопившие ее прибрежные территории. Стихийное бедствие унесло более двадцати тысяч человеческих жизней. Произошли аварии на нескольких атомных станциях, сильному радиоактивному заражению подверглись почва, морская вода и атмосфера. Япония была вынуждена обратиться к России за помощью, и две группы наших спасателей прибыли в район бедствия.

Растоптанный российский флаг и пуля, отправленная в наше посольство, бумерангом возвратились к тем, кто возмечтал о новой войне. Высшие силы то и дело напоминают о себе зарвавшимся наглецам. И теперь правительству Японии надо будет долго работать по восстановлению разрушенного и упорно думать о сохранении жизни на **своих** имеющихся островах вместо того, чтобы зариться на чужие. Потому что в противном случае можно потерять абсолютно всё.

* * *

Новый Завет осуждает гомосексуализм. И тот факт, что Соединенные Штаты разрешили гомосексуальные браки, в том числе и в армии, лишний раз подтверждает антихристианство этой страны.

Кремль, как в свое время Ирак и Югославию, сдал Ливию на съедение демократическому волчатнику.

Воздержавшись при голосовании в Совбезе ООН по военной операции в Ливии, Кремль вновь умыл руки и открыл двери перед мировым агрессором для новой войны на Ближнем Востоке. Западные эмиссары с помощью вооруженной ими оппозиции не сумели отстранить от власти Муаммара Каддафи. И тогда на Ливию полетели крылатые ракеты. Трагедии Ирака натовским главарям оказалось недостаточно.

Кремль предал еще одну дружественную нам страну, лидер которой недавно приезжал в Москву и был принят на высшем уровне. В 2008 году Муаммар Каддафи был единственным зарубежным руководителем, сразу поддержавшим Россию в ее конфликте с Грузией. Теперь же Д.Медведев издал указ, запрещающий пересекать российскую границу не только самому Каддафи, но и членам его семьи.

Ясно, что Совбез ООН превратился в натовскую подстилку. Но чем и кем в нем стала Россия?.. Натовские интервенты на нее вообще перестали обращать внимание. Их международный терроризм и реальный фашизм с санкции ООН предстают во всем своем омерзительном паскудстве и во всей своей бесцеремонной наглости.

А давно ли циничные американско-европейские шакалы тьякали на Россию за Южную Осетию?..

Очень красноречиво на фоне новых ракетных ударов выглядит нобелевский лауреат премии мира Барак Обама... Впрочем, это вполне логично. Теперь эту лицемерную премию лицемерный нобелевский комитет присуждает в зависимости от количества ведущихся войн. Америка участвует в трех войнах — и потому ее президент нобелевский лауреат. Всё правильно.

Между прочим, почти все уже забыли, как в 1939 году нобелевский комитет премии мира рассматривал кандидатуру Адольфа Гитлера...

20 марта мы потеряли беззаветного патриота Родины Виктора Ивановича Илюхина, депутата Государственной думы, постоянного автора «Молодой гвардии», члена редколлегии нашего журнала. Его активная бесстрашная деятельность по восстановлению исторической правды и справедливости снискала глубочайшее уважение всего народа России и вызывала зубовный скрежет со стороны недругов, лжецов и прозападных прихлебателей. Виктор Иванович планировал выдвижение своей кандидатуры на президентских выборах. И можно не сомневаться, что большинство народа отдало бы ему свои голоса.

В декабре 2010 года В.И. Илюхин опубликовал Открытое письмо Д.Медведеву по поводу фальсификации исторических документов, касающихся расстрела немцами польских офицеров под Смоленском в 1941 году. В этом письме он обнародовал вопиющие факты некомпетентности, а точнее, элементарной дурости ельцинских фальсификаторов: *«Мои коллеги, крупные ученые, специалисты многократно приводили аргументы, говорящие о подложности документов «Особой папки», в том числе со ссылкой на экспертные исследования. Из Вашего внимания ускользнуло то, что выписка из решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. не имеет подписи и на ней стоит печать ЦК КПСС. Вам не подсказали, что название КПСС появилось позже 1940 года на двенадцать лет, и оттиск печати ЦК КПСС на документе в момент его принятия не мог стоять. По нашим данным, выписка была сфальсифицирована в начале 90-х годов прошлого столетия ельцинским окружением или, как Вы изволите выражаться, приспешниками»* (см.: «МГ», 2011, №5-6). Само собой, никакого ответа он не получил.

После этого письма дальнейшую судьбу В.И. Илюхина предугадать было нетрудно.

* * *

В реальных документах по расследованию расстрела польских офицеров, в том числе и тех, которые фигурировали на Нюрнбергском процессе, указано, что все эксгумированные польские офицеры были убиты пулями от немецкого пистолета «вальтер». Ни эти пули, ни сами пистолеты «вальтер» в Советском Союзе не производились. В тех же документах сказано, что руки расстрелянных офицеров были связаны бечёвкой из искусственного материала, который в СССР тоже не производился. (Но польские и российские власти не придают этим фактам никакого значения, что и выдает их сознательную предвзятость.)

Неумные фальсификаторы утверждают, что коварные советские власти якобы заранее закупили у немцев и «вальтеры», и пули к ним в большом количестве, и искусственные бечёвки, чтобы потом обвинить немцев в этом преступлении. То есть, выходит, Сталин и военное руководство СССР весной 1940 года не сомневались в том, что осенью 1941-го немцы захватят Смоленск... И этот полнейший бред тупые демолгуны несут одновременно с обвинением Сталина в стремлении к нападению на Германию первым...

* * *

Самодовольный ум никогда не прозреет истины. Более того, он никогда самостоятельно не узнает и не поймет самой простой жизненной правды.

Власть решила обнародовать результаты переписи населения 2010 года. Нас, оказывается, по ее словам, около 143 млн. человек. За 8 лет, как оптимистично вещали дикторы ТВ, население России уменьшилось «все-навсего» на 2 млн. 200 тыс. душ. Но власть при этом не сообщает о главном — о том, сколько за это время прибыло к нам иностранцев на постоянное жительство (в основном из Средней Азии и Закавказья). Если бы мы знали эту скрываемую цифру, то ужаснулись бы темпам вымирания коренного населения.

Давно предвиденные плоды кремлевской «толерантности». В Интернете размещено видео с урока физики одной московской школы, во время которого кавказский ученик 11-го класса с криком «аллах акбар!» стреляет в учительницу из незаряженного пистолета. Стреляет раз десять из разных положений. Причем другие его соплеменники снимают это действие на мобильный телефон. Но учительница, как ни в чем не бывало, продолжает вести урок. Тогда кавказец с пистолетом достает из кармана какой-то твердый предмет, бросает его в учительницу и попадает, вызывая хохот соплеменников. А учительница при этом беспомощно останавливается и не знает, что делать. Повторяю, видео это размещено на многих блогах Инета, но реакции «либеральных» СМИ — никакой. Как говорят учителя, подобные случаи в российских школах стали обычным явлением. «Толерантность» на марше.

Сначала людей лишили работы и всех прошлых льгот, задрали тарифы ЖКХ, довели многих до бедности и приучили всех к нескончаемой инфляции. Затем по причине этой самой бедности стали изымать из семей детей, а за неуплату коммунальных услуг — выселять из квартир. Совсем скоро будет принят закон о налогообложении недвижимости по ее рыночной стоимости, после чего своего жилья лишится огромная часть населения. Всё это и есть спланированный и досконально подготовленный план **геноцида** русского народа в самом прямом смысле этого слова.

11 апреля в минском метро взорвана бомба, начиненная гвоздями, болтами и резаной арматурой. В результате — 12 погибших и около 200 раненых. Это, несомненно, была месть Запада за его неудавшуюся попытку антигосударственного

переворота в декабре 2010 года. Причем мстили даже не столько президенту А.Лукашенко, сколько простому белорусскому народу, проголосовавшему на выборах за него.

К 50-летию полета Гагарина развесили в столице плакаты с его изображением в космическом шлеме. Но со шлема на этих плакатах исчезла надпись: «СССР». Даже и тут эти ничтожные пигмеи не удержались, чтобы не выказать свою мелкую душонку. А ведь нам то и дело напоминали, что Россия является преемницей Советского Союза.

Министерство культуры присудило премию в области современного искусства «Инновация» арт-группе «Война», которая на раздвижном Литейном мосту в Санкт-Петербурге изобразила член высотой 64 метра. Посчитав изображенный член произведением искусства, министерство культуры России выдало лауреатам из государственной казны 400 тысяч рублей. По всей видимости, министру культуры Авдееву не дают покоя лавры другого министра-дегенерата в сфере образования — Фурсенко. Не так давно был у нас еще один очень «либеральный» министр-дегенерат, за государственный счет вывозивший за границу выставку фотографий с целующимися милиционерами и курами, ходящими по портрету Л.Толстого. Теперь он пропагандирует калоеда В.Сорокина на телеканале «Культура».

Эта власть знает, какое искусство отныне нужно оценивать и награждать. Пример подан. И в скором времени половые органы разных размеров засияют на наших улицах в качестве брендов и знаков рекламной продукции.

Как сообщил публицист Ю.Мухин на своем официальном сайте, документы по Катынскому делу после смерти В.И.Илюхина из его сейфа в Государственной думе были похищены. Это лишний раз подтверждает то, что смерть Виктора Ивановича была не случайной.

В Интернете размещен видеоролик, где Д.Медведев на какой-то корпоративной тусовке вместе с остальными нетрезвыми тусовщиками пританцовывает под музыку песни «Американ бой, еду с тобой».

Танцоры...

ПРОЗА

- БОГДАНОВ Евгений. **Расстрел**. Роман — 9, 10, 11-12.
БОЙКО Нина. **Короткие рассказы** — 1-2, 7-8.
ГРУНТОВСКИЙ Андрей. **Рассказы** — 9.
ЛИНЁВА Алла. **Вишенка**. Повесть — 9.
ЛИЧУТИН Владимир. **Путешествие в Париж**. Повесть — 3, 4.
МАНУИЛОВ Виктор. **Жернова**. Фрагменты романа — 4, 5-6.
МАНУИЛОВ Виктор. **Жара**. Рассказ — 7-8.
МАХОНИН Валентин. **Дороги дальние**. Рассказы — 7-8.
МЕЛЬНИКОВ Виктор. **Последний урок**. Рассказ — 3.
МЕЩАНИНОВ Дмитрий. **Светская хроника**. Рассказ — 3.
ОШЕВНЕВ Федор. **Умелец**. Рассказ — 10.
ПАХОМОВ Юрий. **Последняя стоянка**. Повесть — 5-6.
ПОЛЯКОВ Александр. **Великаны сумрака**. Роман — 1-2.
ПРОНСКИЙ Владимир. **Два рассказа** — 5-6.
САБИЛО Иван. **Короткие рассказы** — 3.
САБИЛО Иван. **Тропа**. Рассказ — 11-12.
СЕРГЕЕВ Леонид. **Мой великий друг**. Рассказ — 10.
СКОБЕЛЕВ Эдуард. **Что он не успел сказать?..** Рассказ — 10.
СМИРНОВ Виктор. **Детство на развалинах**. Рассказ — 10.

ПОЭЗИЯ

- АВРУТИН Анатолий. **Серебряный свет**. Стихи — 1-2.
АРТЕМОВА Наталья. **Опаленные гроздь калины**. Стихи — 9.
АРХИПОВ Владимир. **Расветный ветер**. Стихи — 9.
ВОРОТНИН Юрий. **В небе Азия парит...** Стихи — 4.
ГРЕВЦЕВ Владимир. **Твоя звезда**. Стихи — 1-2.
ДЕМЧЕНКО Олег. **Весна неизбежна**. Стихи — 3.
ДЬЯКОВА Ольга. **Зари возница**. Стихи — 11-12.
КАН Диана. **Ведомая светом**. Стихи — 9.
КОЗЛОВЦЕВА Ольга. **Свеча горит**. Стихи — 3.
КОРНИЛОВ Леонид. **В обойме времен**. Стихи — 11-12.
КОСЯКОВ Павел. **Ночные поезда**. Стихи — 1-2.
КОСЯКОВ Павел. **Вдали от столичных утех**. Стихи — 10.
КУВАКИН Александр. **Прораста в небеса**. Стихи — 5-6.
МЕЛЬНИКОВ Николай. **Поставьте памятник деревне**. Стихи — 3.
МЕНЬШИКОВА Эмма. **Свет в душе**. Стихи — 10.
СЕРКОВ Виталий. **Памятью и ветром**. Стихи — 10.
СМЫК Владимир. **Небесные нивы**. Стихи — 11-12.
Стихи поэтов России — 5-6, 10.
СУХОВ Валерий. **Земли родимой поцелуй**. Стихи — 4.
ТЕРТЫЧНЫЙ Иван. **На грани громов и лучей**. Стихи — 4.
ТОКАРЕВА Анна. **Отдушина**. Стихи — 1-2.
ХАРЧИКОВ Александр. **Песня беды и надежды**. Стихи — 1-2.
ХАТЮШИН Валерий. **Голос предков**. Стихи — 4.
ХОМУТОВ Сергей. **Между будущим и прошлым**. Стихи — 7-8.
ШЕНДАКОВ Андрей. **Солнце на руках**. Стихи — 9.
ШУТОВ Михаил. **Пляшет ветер**. Стихи
ЮШИН Евгений. **Родные дожди**. Стихи — 5-6.
ЯВЕЦКИЙ Павел. **У украинских сёл**. Стихи — 7-8.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- АНТОНОВ Михаил. **Детский подход к государственной политике** — 1-2.
АНТОНОВ Михаил. **Атака на Ливию — предостережение России** — 11-12
БАЙНЕВ Валерий. **Где наше поле Куликово?** — 9.
БОЙКОВ Игорь. **России нельзя уходить с Кавказа** — 9.

БОЯРИНЦЕВ Владимир, САМАРИН Анатолий, ФИОНОВА Людмила. **Кто сжигает Россию** — 3.
БОЯРИНЦЕВ Владимир, САМАРИН Анатолий, ФИОНОВА Людмила. **Сила, способная спасти Россию** — 5-6.
БОЯРИНЦЕВ Владимир, САМАРИН Анатолий. **Элитное быдло** — 11-12.
ВАССЕРМАН Анатолий, ЛАТЫПОВ Нурали. **Охота за призраком в призрачной стране** — 5-6.
ГАРИН Георгий. **Наследник Гайдара** — 10.
ГОЛОВЕНКО Александр. **Кривизна «прямых линий» с народом** — 7-8.
ГОРДЕЕВ Константин. **Навстречу пределу России** — 5-6.
ДИВЕЕВСКИЙ Дмитрий. **Предчувствие перемен** — 3.
ДИВЕЕВСКИЙ Дмитрий. **Неизбежность перемен. Цена вопроса** — 10.
ДУНАЕВ Михаил. **Туники либерального сознания** — 3.
ЕРОФЕЕВ Константин. **Отчего почернели червонные маки** — 5-6.
ЖУРА Леонид. **«Десталинизация» и «честные выборы»** — 9.
ИВАНОВ Андрей. **Бесстыдство** — 7-8.
ИВАНОВ Андрей. **Знаки последних времен** — 4.
ИЛЮХИН Виктор. **Польское лобби в Кремле и наследники Геббельса в Госдуме** — 5-6.
ИЛЮХИН Виктор. **Почему я возбудил уголовное дело против Горбачева** — 9.
КАЗИН Александр. **Тезисы о конце света** — 11-12.
КАЗИХАНОВ Али. **Эти ужасные советские люди** — 9.
КАЛАШНИКОВ Максим. **Опыт «инновационной опричнины» 1945–1953 гг.** — 1-2.
КАЛАШНИКОВ Максим. **Время великой расплаты** — 9.
КОЛЕСНИКОВ Владимир. **Смутное время русского языка** — 7-8.
ЛЕБЕДЕВА Ирина. **Революции, которых не было** — 10.
ЛЕМЕСШЕВ Михаил. **Война со священным морем** — 1-2.
ЛЕМЕСШЕВ Михаил. **Земля и народ — вековечное единство** — 11-12.
МАНЬШИН Сергей. **Бациллы диссидентства** — 4.
МОЛОТКОВ Александр. **Капитализм — православие — социализм** — 4.
НАГОРНЫЙ Александр, КОНЬКОВ Николай. **Демофашизм — за углом** — 11-12.
ОВЧИНСКИЙ Владимир. **Мины на российском наркополе** — 9.
ПОЗДНЯКОВ Валерий. **Космическая путинокрация** — 10.
ПРИВАЛОВ Александр. **Война с последним союзником.** — 11-12.
РУСИНОВ Руслан. **Хохлы и кацапы** — 3.
САБИЛО Иван. **До выстрела** — 4.
САВЕЛЬЕВ Андрей. **Ельцинизм — технология закулисы** — 5-6.
СВИРИДОВ Владимир. **Жара и климатическое оружие** — 1-2.
СЕМИН Альберт. **Российское село идет на эшафот** — 7-8.
СМЫК Владимир. **Священник и генералиссимус** — 1-2.
СОКОЛОВ Алексей, БУРМАКИН Алексей. **Время иных войн** — 4.
УХАНОВ Иван. **Возродится ли оренбургское чудо?** — 7-8.
ХАЗИН Михаил. **О конце мира** — 10.
ХОЛОДОВ Сергей. **Зачем России ювенальная юстиция?** — 1-2.
ХРАМЧИХИН Александр. **Медведь в душающих объятиях** — 3.
ФИЛАРЕТОВ Владимир. **Двойное дно либерализма** — 11-12.
ЧАРУШНИКОВ Валерий. **Виртуальное общество** — 5-6.
ШИРОКОВ Борис. **Объятия дракона** — 1-2.

ДОСЬЕ «МГ»

БАГИРОВ Артур. **За что убили Николае Чаушеску?** — 9.
ЗЕНКОВ Валерий. **Нарковойна с Россией** — 10.
ИЛЮХИН Виктор. **О фальсификации исторических документов советского периода** — 3.
КОРОТАЕВ Валерий. **Кто породил нацизм** — 11-12.
ПОЛУШИН Владимир. **Из «красного ада» в вечность** — 7-8.
САВЕЛЬЕВ Андрей. **Бандитский рейд** — 9.
СЕНЧЕНКО Николай. **Американская «крыша» наркомафии в Афганистане** — 10.
ХРУСТАЛЕВ Максим. **Точка еще не поставлена** — 9.
ЧИЧКИН Алексей. **Польша — СССР: «забытые» события** — 7-8.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- БОЙКО Нина. **Сынки и пасынки** — 7-8.
ДЕСЯТНИКОВ Владимир. **Дневник русского** — 1-2, 4, 9, 10.
УХАНОВ Иван. **Бузулукская история** — 5-6.
ХАТЮШИН Валерий. **Протуберанцы**. Размышления и воспоминания — 7-8.
ХАТЮШИН Валерий. **Протуберанцы**. Размышления и воспоминания — 11-12.
ЩЕРБАКОВ Сергей. **Как в сказке...** — 5-6.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- СОМИН Николай. **Какой же социализм нам нужен?** — 1-2.
ШИМАНОВ Геннадий. **О частной собственности при социализме** — 1-2.
ШИМАНОВ Геннадий. **Не согласен!** — 4.

РУССКИЙ ВОПРОС

- АЛЕКСЕЕВА Елена. **Справедливый гнев на Манежной площади** — 7-8.
ВИНОГРАДОВ Борис, САВЕЛЬЕВ Андрей. **Мультикультурализм не пройдет** — 10.
ДЕМУРИН Михаил. **О духовной суверенности** — 11-12.
ШИМАНОВ Евгений. **Вспомнили о русском характере...** — 9.
ИВАШОВ Леонид. **Главный вопрос — русский** — 7-8.
КАНАВЩИКОВ Андрей. **Извержение свободной ксенофобии** — 11-12.
КОХ Альфред. **Верхи-то могут, а вот низы уже не хотят** — 9.
МЕРУЛЬСКИЙ Василий. **Русский вопрос и Чубайс** — 7-8.
ПЕТРОВ Владимир. **Смердяковщина: от любви — к толерантности** — 10.
САВЧЕНКО Иван. **О русских и российском Кавказе** — 11-12.
СМЫК Владимир. **Русская церковь и русский вопрос** — 9.
СМЫК Владимир. **Ветер времени** — 10.

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

- АБДУЛМАНАПОВА Аминат. **Горная вода**. Стихи — 1-2.
АЛЕШКОВ Николай. **Зачерпнув реки небесной**. Стихи — 5-6.
БЕЛОВ Василий. **Даня**. Рассказ — 3.
БЕСЕДИН Николай. **Снега идут**. Стихи — 1-2.
ВОРКАЛ Николай. **Простите нас, ребята!** — 5-6.
ГЕОРГИЕВ Веселин. **Высокий вяз**. Рассказ — 4.
ГОРБОВСКИЙ Глеб. **Слышно, как дышит страна...** Стихи — 3.
ГРУНТОВСКИЙ Андрей. **Я долго слушал вечер**. Стихи — 4.
ЕФИМОВСКАЯ Валентина. **Русская игрушка**. Стихи — 3.
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Неприкаянность**. Рассказ — 4.
ИВАНОВ Геннадий. **Лучистые холмы**. Стихи — 3.
КАЛАБУХИН Сергей. **Разочарование**. Рассказ — 7-8.
КОНЯЕВ Николай. **Нашпроект**. Миниатюра — 3.
КОРНИЕНКО Леонид. **А жить?** Рассказ — 7-8.
КРАСИЛЬНИКОВ Николай. **Испытание временем** — 1-2.
КРУПИН Владимир. **Россию спасет святость** — 3.
КУРГАНОВ Алексей. **Мальчик**. Рассказ — 11-12.
Поэтическая радуга — 7-8; 11-12.
МАЛИЦКИЙ Сергей. **Стекло**. Рассказ — 7-8.
МЕЛЬНИКОВ Виктор. **Сын родился!** Рассказ — 11-12.
МИНЕЕВ Андрей. **Propius mors**. Рассказ — 5-6.
ПАХОМОВ Юрий. **Вечер в Стамбуле**. Рассказ — 11-12.
ПЕРМИНОВ Юрий. **Господь не оставит Россию**. Стихи — 3.
ПРАСОЛОВ Владимир. **«Вангол»**. Фрагмент романа — 1-2.
РАЧКОВ Николай. **Зажги свечу**. Стихи — 4.
РОЗЕНБЛИТ Мария. **Очередной сюрприз**. Рассказ — 7-8.
САЛИМ Мар. **Вознесшийся комар**. Басня — 1-2.
СЕВРЮГИНА Елена. **В потоке лиц**. Стихи — 1-2.
СМИРНОВА Надежда. **Два рассказа** — 4.
ФИЛАТОВ Сергей. **В поисках утерянной радости**. Фрагменты очерка — 1-2.

ФРОЛОВ Геннадий. **Звоны Китежа**. Стихи — 11-12.
ХРАМКОВА Людмила. **Пространство любви**. Стихи — 1-2.
ЩЕЛОКОВ Иван. **Осозание звука**. Стихи — 4.
ЭРГЕМЛИДЗЕ Нугзар. **Волны памяти**. Стихи — 5-6.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

АНТИПОВ Евгений. **Пакт, которого не было** — 4.
ПУСТОВОЙТОВА Елена. **Пуля из сорок пятого** — 10.
СУТЫРИН Владимир. **Москва салютовала дважды** — 5-6.
ЧАРУШНИКОВ Валерий. **Кривое зеркало либеральной историографии** — 10.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

МОЛОТКОВ Александр. **Русская идея сегодня** — 9.
ШИМАНОВ Геннадий. **Отцы и дети** — 7-8.

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

БОНДАРЕВ Юрий. **Память войны** — 5-6.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

КУРБАКОВ Константин, ФЕДЯЕВА Татьяна. **Реформа ЖКХ и чиновничье мошенничество** — 11-12.
ПЫХАЛОВ Игорь, БОЙКОВ Игорь. **Будем бороться за правду** — 10.
СИЛАСТЕ Галина. **Авантюристы из-за зубчатых стен** — 7-8.
ЮДИН Владимир. **Модернизация как ликвидация** — 3.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

БОЙКО Нина. **Рассказы о русских художниках** — 9.
СКОБЕЛЕВ Эдуард, ЮДИН Владимир. **О судьбе поэта в России** — 11-12.

КРУГ ЧТЕНИЯ

Возвратиться к себе — 4.
Кавказская повесть Игоря Бойкова — 1-2.
Мой дед — казак — 4.
«Трагедия русской философии» — 1-2.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

АЛЕКСАНДРОВА-ЗОРИНА Елизавета. **Виртуальный народ** — 7-8.
АНТОНОВ Андрей. **Театр абсурда, или российские реалии. Борцы с антисемитизмом** — 1-2.
АПРЕЛЕВ Вячеслав. **Как улучшить здоровье народа** — 3.
ВОРОНИНА Вера. **Что для нас важнее?** — 7-8.
КОМКОВ Сергей. **Лишние учителя** — 7-8.
МОНАХ ИОСИФ. **Говорить правду!** — 11-12.
НЕПОМНЯЩИЙ Валентин. **Разрушение образования** — 10.
РОКОТОВ Валерий. **Либеральный джихад** — 7-8.
ТОКАРЕВА Елена. **Без образования** — 9.
ТРОШИН Сергей. **Реформы добивают школу** — 11-12.